

Гейдар Джемаль

Сады и пустоши

Москва
Берлин
2021

УДК 323.1(47)
ББК 66.65(2Рос)д
Д40

Подготовка книги:

Надежда Кеворкова

В работе принимали участие:

*Орхан Джемаль, Иван Никитин, Руслан Айсин, Ахмед Магомедов,
Константин Тараторин*

В записях видео для книги принимали участие:

*Орхан Джемаль, Руслан Айсин, Ахмед Магомедов, Наталья Мелентьева,
Василий Полонский, Марк Фейгин, Владимир Рынкевич, Марина Леско*

Джемаль, Гейдар

Д40 Сады и пустоши / Гейдар Джемаль. — Москва ; Берлин :
Директмедиа Пабблишинг, 2021. — 608 с.

ISBN 978-5-4499-1695-2

Гейдар Джемаль (1947–2016 гг.) — мыслитель, активный участник публичной политики с 1991 года вплоть до 2016 года. Похоронен в Алматы, куда уехал за полтора месяца до своей смерти.

«Сады и пустоши» — последняя книга Гейдара Джемала, которую можно назвать автобиографией, но гораздо больше она похожа на политическое завещание и манифест. В ней множество обаятельных и смешных портретов друзей и врагов, детальное описание системы удушения мысли и пошаговая методика устранения удушья, многие страницы рассказывают о преодолении философии, о противостоянии системе и самому Бытию как смыслу и цели мысли.

В издание в виде ссылок (QR-кодов) добавлены видеофрагменты диктовки книги Гейдаром Джемалем.

УДК 323.1(47)
ББК 66.65(2Рос)д

ISBN 978-5-4499-1695-2 © Гейдар Джемаль, текст, 2021
© Гюльнар Джемаль, 2021
© Портал Бизнес-онлайн, интервью Орхана Джемала
(предисловие), 2021
© Надежда Кеворкова, подготовка материалов книги, 2021
© Издательство «Директмедиа Пабблишинг», оформление, 2021

Содержание

Вместо предисловия. Орхан Джемаль об отце.....	9
Преамбула. Сады и пустоши	20
Джемали. Дед. Тетка Шукюфа и ее муж скульптор Фуад Абдурахманов. Отец. Мать. Шаповалов. Бабушка. Тетка Агриппина	26
Дом на Мансуровском. Дом в Баку. Азербайджанский язык	41
Юность родителей. Валентиновка и дача. Шуша. Первое воспоминание	46
Полиомиелит. Евпатория. Мент с наганом.....	49
Верховая езда. Я — азербайджанец, сказочный принц. Теймураз Амилахвари.....	51
Валентиновка детская. Бабушка с ружьем. История дачи в ее сатрапском оформлении. Сон об утерянном рае	57
Игры в пытки	60
Детский Карабах. Мардакан. Баку	62
Дядя Леня. Цыганки и корибанты. Вера Донская. Катя Врубель. Друцкая-Соколинская. Дядя и его неудачная попытка покончить с жизнью. Самоубийство Тани Друцкой	65
«Политический» инфаркт деда. Первый класс. «Синяя птица» и кремлевская елка. Одноклассники. Розентуллер в красных ботинках. Патриот Зайцев. Бабушкин «хорошизм». Гений Молгачёв и русский блок самоуничтожения. Пионерские галстуки и их подвиды. Генеральский сын Земсков	74
Выход из сновидения. Сабелька на день рождения. Ненависть к слову «мир» и любовь к слову «война». Блокнотик. «История древней философии» Зелинского. Совок и матриархат как синонимы. Саша Козьменко. Побег в Иран. Пучки лучистой энергии. Миша Экерев	83

Юрасовский. Княжна Грузинская. Ненависть к советской власти. Быть рыцарем. ИВЯ. Круг исторического факультета. Володя Александров. Алла Стерлинг. Алла Циммерман	94
Образование и школа. Сочинение по Чернышевскому. Учителя. «Анти-Дюринг». Мао Цзедун и ревизионизм совка. Программа коммунизма. Смершевец и погром 12 апреля 1961 года. Массовый опыт психоза как опыт свободы	103
Горбун. Сережа Дружинин. Лева Цинтлер. Дружинин-старший и его сестры-монахини. Нора Вайсфельд	112
Драки и классовая ненависть. Экзамены. Две библиотеки и чтение. Художественная школа. Вадим Кабо. Курение	120
Чубаров и гэбэшники	126
Арбат и его обитатели. Кино. Графа в паспорте «художник»	129
Луч тоталитарности. Напуганные и бесстрашные — как это совмещалось. Сталинизм как ИГИЛ без Бога. О свободе, страхе, счастье и несвободе	132
ИВЯ. Володя Козловский и кампания против меня в университете	137
Виталий Гайдар. Лещенко. Цыгане. Наши разговоры. Достоевский и «человек умер». Советская власть против революции. Герцен. Визуализация	142
Лена	151
Армия	154
Разрыв с Леной. После армии. Статья «76». Радио ВДНХ. Москвин и издательство «Медицина». Знакомство с Мамлеевым. Лорик. Первое чтение. Предсказание Мамлеева о крушении советской власти. Южинский. Кремлевские курсанты. Малиновский, который никогда не работал. Алиса Тиле. Саша Васильев. Восстановление отношений с Леной	166
Взрослые — несчастные. Взрослые — категория социальная. Расплеваться с социумом. Работа на ипподроме. Работа в ВОХРе министерства автоматизации. Армянские взрывы в Москве	176
Бокштейн. Пожар	179
Гагаринский. Холин. Мамлеев как знаток психопатологии. Реставрация. Дудко. Фарцовщик Шурик. Вор-домушник	188

Есенин-Вольпин. Якобсон. Краснов-Левитин.	
Билет в Царствие Небесное. Петр Григоренко. Эшлиман.	
Якунин. Николай Петрович. Книготорговец Якубович.	
Эффект Вассермана. Олег Трипольский	196
Фарцовщики. Их нравы, бизнес и связи. Миша Перченко-Рыб.	
Джинджи. Стивенсы. Валера Блинов. Петя-Швед	209
Мефистофель Казанец. Главный психиатр	
Тихоокеанского флота. Справка о шизофрении.	
Агент 007 с лицензией на убийство	214
Головин	220
Унибрагилья	239
Степанов	243
Поэзия безумия	252
Олег Трипольский. Буковский. Мы и они	256
Антисоветчина	265
Рай Гагаринского закрыт. Большая Очаковская.	
Автокатастрофа	268
Сахарный. Кнопф. Серафа.....	276
Вадик Попов	281
Катер. Достоевский-Крюков. Оля-нимфетка	290
Пять жизней Мансуровского	294
Кризис. Джинны болотного образца.	
Явление Джаида. Питер. Катя Подольцева.	
Круг завершился. Дудинский	306
Кому диктовать. Руслан Айсин	321
Ориентация — Север. Как это всё началось	324
Дудинский	327
Доктрина «Ориентации — Север»	330
Арест. Дугин	341
Душанбе. Каландар	346
Таджикистан. Расщелина. Олим Назри.	
Хазрати Бурх. Атола. Terra Foliate. Аманаты	349
1981. Деградация пространства.	
Дудинский в официантах. Последний год брежневизма.	
Выход «Ориентации — Север» и «Шатунов»	361

Второе путешествие в Таджикистан	365
Зеленый базар. Эшони Халифа	373
Русский тип в мусульманском окружении. Как уголовники портили Азию. Русская элита Душанбе. Салон прокурорши. Лекция о спасении мира. Салон Серебровского. Дом Успенской. Высокомерие русских по отношению к таджикам	377
Шихали Усейнов	384
Сефарды. Певцы на таджикских свадьбах. Фарух Арабов	390
Тайна российских шейхов. Адам Дениев	395
Алферов. Азия	400
«Всемирная гражданская война»	406
1984. Удушье. Уроки французского. Статья Берджесса. Мертвая точка совка. Пародийный Андропов. Гэбня и космизм. Мы — не маргиналы. Удам Хальянд. Амальрик. Пыльные открытия 80-х	425
Маньяки. Убийство в Казани. Основатель «Памяти» Ким Андреев. Емельянов и «Десионизация»	433
1990. Радио Свобода	435
Германия. Орден. Тайная история противостояния. Буршеншафт. Микхель Тамм	439
Кузнечики. Тщета как ужас. ИПВ. Давлат Усмон. Ахмад-Кади Ахтаев и Абдулло Нури. Как проиграла таджикская ИПВ. Писарев и программа «Ныне». Исламский комитет	446
Август 1991. Настоящие и ненастоящие революции. Лубянка и ее метаморфозы	462
Наш круг — лаборатория кризиса. Кризис человека. Кто «вата»?	470
Артур Медведев. «Волшебная гора». О красоте, розе, Мамыко и христианстве	481
Марк Фейгин. Российский политический комитет. Артуро Мариано. Обыск	486
Россия и вставание с колен	491
Роскошь и золото. Мытари сатаны. Дань комитету по встрече антихриста. Красота	496

Гуманизм и антигуманизм	502
Запад, европейская цивилизация, гомосексуализм и эллинизм	505
Природа власти в России и на Западе. Космизм. Мужские и женские ценности. Коммунизм как колбаса. Как советская власть стала соломенным псом. Черные рыцари. Непересечение с совком	508
Малый отряд избранных. Пророки и люди. Тема гоев. Евреи левые и правые	524
Почему Восток проиграл Западу. Кшатрии за мировой порядок и герои против него. Политический Ислам	529
В чем проблема уммы.....	540
Смерть и минимальное человеческое понимание. Смерть в русской литературе. Думать смерть. Скелеты и барокко. Детское видение живых трупов. Выставка народного мексиканского искусства. Почему мусульманам легче расставаться со «Станиславом с мечами». Шахада	550
Что такое Зло	564
Схватка клубов. Либералы уйдут. Симулякры и подлинное. Зачем Россия?	570
Отношение к советскому. О попутчиках. Ислам и джамааты. Не играть в чужие игры	580
Послесловие	599

<<Всемирная гражданская война>>

В 1984 году Жигалкин за мной записывал, и Саша²¹⁸ тоже записывал. В какой-то момент кто-то из них вышел, а кто-то продолжил. В итоге появилась небольшая работа, небольшой манифест, где было несколько полных глав, и одна глава была тезисная. Эту главу я считал самой главной и интересной, она называлась «Всемирная гражданская война».

Главная идея там была такая: конец истории должен обязательно проходить в конвульсиях и агонии тотальной гражданской войны, которая должна пройти через все семьи, роды, кланы, этносы. Это будет борьба за то, кто останется наследником реальности в качестве человека. Потому что те, кто проигрывают, физиологически перерождаются, меняются и отпадают от человеческого состояния.

Я не имею исторических аналогов, но обрывки своих мыслей я иногда нахожу, когда заглядываю в какие-то книги. Как правило, это мне неприятно, потому что я очень не люблю встречать пародию на свою мысль у каких-то чужих людей. Я тут же это закрываю и ставлю туда, откуда взял.

Чем меня всегда раздражал исторический гнозис — что гностики бьются над идеей превосходства, выстраивают некую иерархию, то есть над этим богом еще бог, над сущим богом — не сущий, а фактически они бултыхаются в болоте онтологии. Не могут преодолеть идею бытийного наличия, бытийной реальности.

Всё, что я нахожу в этой сфере, оказывается бултыханием в сфере Бытия, потому что уже о самом Бытии нельзя

²¹⁸ Дугин.

сказать, что оно есть. Само Бытие не перепрыгивает через эту планку, потому что предикат «есть» можно выставлять только к феноменологии, которая создается благодаря Бытию. И Небытие включено в Бытие.

Здесь есть некоторая проблематика смыслов и терминов, поскольку то, что я имею в виду под Бытием, Генон называет «la possibilité infini», то есть «безграничная возможность».

Конечно, la possibilité infini предполагает, что бóльшая часть, то есть безграничная протяженность, — это la possibilité de non-manifestation, то есть возможность непроявления, а Бытие — это возможность проявления, которая по отношению к возможности непроявления — как точка в этом безграничном.

С моей точки зрения, и то, и другое — это всё Бытие.

Изначально существует мысль — мысль Бога, мысль трансцендентного Субъекта. Ни Единое, ни что-то еще — всё это онтологическое «плюханье», которое возвращает нас в Бытие.

Эта мысль является мыслью Бога, мыслью о Боге, мысль, которая является Богом.

В чем специфика этой мысли?

Она является антиидеей.

Она даже не знает, что есть какая-то идея.

Эта мысль предполагает в себе драму следующего порядка: она есть Всё и одновременно она есть воля к «другому».

Эта мысль, будучи тотальным Всё, стремится к тому, чтобы превзойти это тотальное Всё, потому что она жаждет большего, нежели плерома.

Есть плерома, полнота, — она предшествует любой апофатике. А мысль, которая совпадает с этой плеромой, не удовлетворяется этим совпадением, — она говорит, что есть иное, нежели эта плерома.

Но плерома-то включает в себя абсолютно всё.

И поэтому «есть иное, нежели плерома» означает, что это утверждение невозможного, потому что невозможно быть вне плеромы.

То есть суть мысли заключается в постулировании невозможного. Это невозможное предшествует самой идее возможности.

Это — невозможное, потому что этого не может быть, потому что плерома исключает всё, кроме того, что она.

Утверждение невозможного как центра — это гностический скандал внутри мысли. Потому что утверждать то, что превосходит плерому, полноту тотального Всё, — это скандал, и его надо маскировать.

Мысль непрерывно маскирует от самой себя свою внутреннюю содержательность. Идея того, что существует нечто сверх плеромы, которое не существует, естественно, маскируется тем, что это объявляется невозможным.

Невозможное — это маска иного по отношению ко всему. Но этого мало.

Невозможное само остается скандалом.

И дальше вот это Всё, которое являлось исходным материалом для преодоления, деградирует и падает.

Оно превращается из «Всё-как-плеромы» в простую и чистую негативную бесконечность, которая служит для того, чтобы просто отрицать всё, кроме себя, то есть отрицать то, что невозможно.

Невозможное становится отрицаемым.

А Абсолют, в который вырождается плерома, становится отрицающим.

И то, что мы называем апофатическим негативом, Абсолютом — то, что в традиционных метафизиках выступает как Брахман, Эйн Соф²¹⁹ — есть некий горизонт «павшего» — бывшей плеромы, которая стала косой, отрицающей всё, кроме себя, единственная функция которой — скрывать, что центром и содержанием мысли является невозможное.

²¹⁹ Эйн Соф (древнееврейский) — «бесконечное». В каббале синоним Бога.

Невозможное просто объявляется отрицаемым. И фундаментом мысли является отрицаемое.

Теперь, этот Абсолют.

Он же внутри себя пуст и не самодостаточен. Он живет только исключением. Он живет эксклюзивно. Он исключает, имея в виду самое главное, что «этого не может быть, потому что оно — вне меня», то есть всё, что «вне меня» — исключается.

Из этой негативной пустой ограниченности рождается возможность. Но возможность рождается после невозможного. Сначала у нас есть невозможное как скандал, а возможное рождается как конечное.

Возможное и конечное — это синонимы. Возможное — это и есть конечное.

Возможное появляется как точка.

Это есть нечто обратное — как в камере-обскуре или в негативной фотографии.

Вот Абсолют, который не имеет ограничений, — он пустой, он отрицает всё, кроме себя, у него нет границ, которые он всё время снимает, — а точка тоже не имеет границ, потому что она не имеет измерений. Она в некотором роде тоже является бесконечностью, но инвертированной. Это инвертированная бесконечность.

Сущность инверсии выступает просто по отношению к другому. Она является точкой, ограничивающей сам Абсолют, которую Абсолют должен снимать, отрицать эту точку.

В этой точке проявляется и манифестируется сокрытое невозможное.

Самого сокрытого невозможного мы не видим. Зато мы можем видеть точку, возникшую из «слабости» пустого Абсолюта, которая этот пустой Абсолют будет отрицать.

Эта точка и есть начало Бытия.

Оно есть то Бытие в чистом виде, которое проецируется на пять парадигм или на пять моделей: уникальность, альтернативность, возможность не быть уникальному, возможность не быть альтернативному, возможность не быть ничему.

Два утвердительных момента — возможность быть только этому и возможность быть чему-то, подобному этому.

А три отрицающих момента — возможность не быть только этому, возможность не быть ничему, подобному этому, возможность не быть ничему — тоже составные части Бытия. То есть Бытием мы называем сферу конечного.

Они являются идеями, которые как идеи по сути своей противоположны мысли.

Идея противоположна мысли, потому что суть идеи — в тождестве, а суть мысли — в нетождестве.

Чистая мысль несет в себе, в своем центре, невозможное. Она является Всем, которое концентрирует внутри себя то, что сверх плеромы.

Но это невозможно.

Поэтому оно не имеет ничего, кроме динамики сокрытости, — это динамика чистой сокрытости.

Мысль является трансфинальным состоянием трансцендентного Субъекта, внутри которого есть идея величия.

Идея величия всегда здесь и теперь. Она всегда имманентна. Вот идея абсолютного величия — это плерома.

Превосходство этого величия заключается только в лишенности, в «привационности».

Как выразить то, что мысль утверждает превосходство над величием? Она утверждает антивеличие, то есть она утверждает нищету, лишенность.

А лишенность, в которой выражается нечто большее, чем само величие во всей его полноте, есть абсолютное Зло.

Оно есть абсолютное Зло, потому что это именно лишенность. Потому что сверхвеличие, превосходство над величием, иначе никак нельзя выразить, кроме как через идею абсолютного Зла, то есть отсутствия реального утверждения, то есть это неутверждение.

Вот это абсолютное Зло до какого-то момента внутри самой мысли есть то, что выступает в роли трансцендентного, то есть это лишенность.

Но невозможное — пассивная имманентность. Потому что эта лишенность какая? Это лишенность чаши, которая пуста. Почему она пуста? Потому что эта чаша вмещает в себя абсолютно всё.

А вот есть нечто, которое превосходит возможности этой чаши. Поэтому эта чаша обозначает собой то, что в ней не может заключаться по своему принципу превосходства. И сама эта чаша, которая пуста, — это лишенность, пассивная лишенность, пассивная имманентность.

Но ведь есть то, что является предметом лишенности.

Что оно, что не вошло в эту чашу?

Что это оно, что превосходит саму идею величия, саму идею позитива, саму идею утверждения?

В том-то и дело, что то, что превосходит саму идею утверждения, утверждения как Всего, снимает идею утверждения. Потому что всегда по отношению к любому величию, к любой плероме, к любой полноте, мы говорим «иное» как невозможное.

Иное как невозможное, которое концентрируется в том, что вся последняя финальная реальность обваливается в обрыв отсутствия, в обрыв тотального отсутствия, в обрыв отсутствия утверждения, — всё обваливается в отсутствие утверждения.

И это есть чистое Зло.

Сущность и тайна мысли в том, что она стремится преодолеть абсолютное Зло. Потому что лишенность и предмет лишенности — две стороны одной монеты, которая называется имманенция, — лишенность и то, что является предметом лишенности, то, почему всё является чистой лишенностью.

Всё является чистой лишенностью, потому что есть предмет лишенности, который не входит ни во что, превосходит всё, — его просто нет.

Это абсолютное Зло.

Трансцендентное не видит себя в предмете лишенности. Оно не тождественно ему. И в этом его победа.

И в этот момент трансцендентное является нам как полнотой освобожденное от отсутствия. Оно является нам как утверждение, которое может быть взято только с конца трансцендентного.

Утверждение может быть только трансцендентным. Плерома здесь не может быть утверждением, потому что по отношению к ней всегда есть идея превосходства, которая упирается в Зло. Но она просто не схватываема, и поэтому реальность не закрыта, не исчерпана. Реальность обваливается в некую безосновность.

Но сущность трансцендентного в том, что оно не тождественно этому, потому что принцип нетождественности не-сется самой мыслью, и цель этой мысли — получить посвящение в собственный принцип.

Жизнь этой мысли в динамике — это посвятить трансцендентный Субъект в Его истинное предназначение, в Его истинную природу. То есть освободить Его от того, что превосходство над величиим может явиться только в форме негатива. Освободить Его от негатива — то есть явить утверждение через абсолютное нетождество.

Идея — это тождество.

Можно не вникать, что «идея — это уникальное» или «идея — это альтернативное». Каждая идея знает только самое себя. Например, для идеи о том, что возможно только альтернативное, не существует идеи, что возможно только уникальное. Не существует идеи, что возможно, чтобы не было ничего. Каждая из этих идей существует сама по себе как в собственной клетке.

Но проблема в том, что, когда пустой негативный Абсолют отрицает «верховную» точку, родившуюся из него, он заставляет пять модальностей, как зеркала, светить друг в друга, отражаться друг в друге. И они создают анфиладу зеркальностей, которая повторяет и расходится кругами.

Это и есть Бытие.

Каждая «зеркальность», вновь возникающая, — это миры: наш пространственно-временной континуум и аналоги — их безгранично много. А сумма всего этого, сумма всех этих состояний — это Великое Существо.

Но дело в том, что Бытие есть «сортир» этой мысли, есть ее «фекалии», есть абсолютный сброс изнутри. Это мысль, которая порождает свою тень, свою антитезу, свою «тьму внизу», которая всему внутри нее, в Бытии представляется, конечно, как сияние, полнота, утверждение.

Бытие представляется как утверждение — но это ложь.

Естественно, Бытие является царством тождества. И естественно, что это царство позитива.

Но это всё — ложь, потому что это склеенная из осколков, из безграничного количества повторяющихся зеркал, которые светят друг в друга, ерунда.

В центре всего этого²²⁰ стоит человек, который является, с одной стороны, удаленным от Великого Существа настолько, что внутри него появляется допуск некой перспективной свободы, а с другой стороны, он еще достаточно близок, чтобы сохранять форму и аналог Великому Существо.

Реализация этого шанса на свободу имеет значение, потому что ниже этого идет хаотизация, расплывание форм, и уже не имеет значение — свобода, не свобода. Хаос не может быть преобразован в качестве свободы. А свобода — это только разрыв с паттерном, который достаточно четкий.

Человек является тем самым золотым ключиком, которым открывается запирающаяся дверь «сортира», то есть запирающаяся дверь Бытия, в результате чего начинается открытие мысли из нисхождения от невозможного к отрицаемому, потом к отрицающему. И возникает обратное движение вверх, когда все эти слои, один за другим, открываются.

²²⁰ В этой безграничности любая точка, которую мы избрали, есть центр. На самом деле всё более сложно, но сейчас будем так говорить. — Гейдар Джемаль.

Они открываются до того момента, когда невозможное становится абсолютно всем.

И тут мы приходим к предмету лишенности. Самое страшное — это то, что предмет лишенности делает абсолютно тождественными и одинаковыми взаимоисключающие тотально несовместимые вещи: отрицаемое и отрицающее.

Две вазы — в одной вазе отрицаемое, в другой — отрицающее. А предмета лишенности нет в обеих вазах. Обе вазы негативно тождественны. И это — смерть мысли.

В тот момент, когда мысль умирает, когда божественная провиденциальная мысль погружается в смерть, — в этот момент просыпается нетождество как чистая освободительная эссенция мысли. Нетождество тотальному Всё как принципу «превосходства над превосходством», когда черная ткань неутверждения преодолена.

Неутверждение снято, потому что есть только утверждение. Есть только утверждение трансцендентного.

Но это утверждение не позитива здесь, которое можно пощупать, не онтологическое утверждение, это — высшая математика.

Речь идет о чисто математическом решении. Имеется в виду соответствующая математика — математика трансцендентного Субъекта, в которой достигается окончательное преодоление самой идеи «здесь и теперь», пребывания здесь, тождества, идеи как закрытости, так и негативной открытости. То есть негативная открытость как превосходство, которое может быть выражено только в Черной Бездне.

Истинное трансцендентное не тождественно ничему из того, что закрыто, и той Черной Бездне, которая превосходит всё закрытое.

Надо иметь в виду, что здесь нет онтологии вообще. Вся онтология остается даже не в Бытии — она в зеркалах, порождаемых этой точкой Бытия, в феноменологии. Потому что о Бытии мы уже не можем сказать, что оно есть. Бытие само не может иметь предиката «есть».

Черная бездна преодолевается только тогда, когда исчерпана сама мысль в ее восхождении вверх, потому что от плеромы — переход к черной бездне, и черная бездна тут же является как невозможное.

Невозможное является как отрицаемое, потому что невозможное допустимо для логики божественной мысли.

Вот черная бездна недопустима — это скандал. Невозможное допустимо, но всё равно это скандал. Отрицаемое — это еще более допустимое, это еще большее сокрытие подразумеваемой трансценденции.

А дальше идет плерома, которая превратилась из плеромы в негативный Абсолют, отрицающий всё, кроме себя.

Она выступает в роли отрицающего. Она окончательно скрывает концепцию превосходства через негатив, когда сама идея позитивного величия просто снята — абсолютно, изначально снята.

Не бесконечность, которая содержится в «пустом» Абсолюте, и не тотальное Всё, которое содержится в плероме. Тут надо понять, что это не вообще бесконечность, а чудовищное отсутствие утверждения. А утверждение — это императив. Утверждение — это долженствование трансцендентного Субъекта. Трансцендентный Субъект не может быть вне утверждения. Потому что если утверждение не состоится и не реализуется, то трансцендентный Субъект как бы что есть, что нет: если нет утверждения, то трансцендентный Субъект окажется чистой виртуальностью, виртуальным нулем.

Утверждение — императив для Того, кого мы называем Аллах, — не как «бог», а как имя собственное трансцендентного Субъекта.

Трансцендентный Субъект как невозможное, то есть всё сущее — не Он. Всё сущее, всё, что есть, — плерома, всё это есть не Он. Но тот, который есть только через то, что всё есть не Он, то есть описывается негативно, Он требует абсолютного утверждения как принципа. Потому что если это абсолютное утверждение не состоялось, то эта ссылка — «Он есть Тот, Кто не есть всё остальное», — будет бессмысленна, будет просто какой-то дурной шуткой.

Либо это утверждение — либо ничего нет.

Должно быть утверждение. Но утверждение может возникнуть — и в этом великая тайна, — утверждение может возникнуть и оформиться только как абсолютизация нетождества.

Когда к зеркалу непроглядной тьмы, условно говоря, подходит трансцендентное и не видит там себя, — в этом зеркале уже есть нетождество, которое абсолютно негативно, черно, — трансцендентное абсолютно рвет с этим негативом, и нетождество становится чистым утверждением, которое является, так сказать, «золотым обеспечением» трансцендентного Субъекта.

Я считаю философию состоявшейся тогда, когда ее можно изложить в статье для энциклопедии или словаря.

Вот, например, берешь Гегеля и кратко излагаешь его взгляды.

Я уже написал первый набросок, начало ключа. Близко к тому, о чем мы сейчас говорили. У людей есть огромное количество моих статей, лекций, но всё это пиксельно. Оно не собирается в единый дом, со ступеньками, лестницами, этажами, колоннами. Чтобы по крайней мере дать возможность представить, что есть такой дом, я попытался написать ключ к пониманию.

Очень быстро оказалось, что этот ключ должен сильно разрастись. Потому что даже то, что я сейчас изложил, выльется в пару десятков страниц, если это еще обработать, чтобы это было понятно, чтобы это было не безумным вскриком.

Есть несколько попыток подхода, и они все существуют в моем компьютере так или иначе. Лекции выплывают ниоткуда. Там иногда какие-то намеки содержатся. Я всё еще надеюсь, что у меня хватит сил этот ключ написать.

То, что я сейчас изложил, — еще один очередной набросок ключа. Но эту лекцию поймет Мелентьева и Руслан²²¹.

²²¹ Наталья Мелентьева и Руслан Айсин.

Но, скажем, как рабочая методология, как пролегомены ко всякой будущей философии, наверное, будет довольно бесполезно то, что сейчас я изложил. Это только для нескольких человек будет работать — мне так кажется. А может и нет.

Гегель был потрясающей гностической загадкой, тайной, интеллектуальным молохом для своих современников, хотя на самом деле он предельно прост. Это настолько простая, в общем-то, банальная вещь: всё гегельянство строится на том, что идея чистого Бытия тождественна идее чистого Небытия, то есть абсолютная идея заключается в тождестве чистого Бытия и чистого Небытия. Вот и всё. Больше там ничего нет: всё остальное — это просто рассуждения вокруг этого.

По сравнению с Шеллингом Гегель — очень простой философ. А ведь как мучились люди, когда пытались его читать: никуда не могли проникнуть. Шеллинг намного крупнее, намного интереснее — по сравнению с Гегелем это более сложный автор. Что касается других немецких мыслителей... Кант интересен, конечно, своей догадкой, что всё в голове. Но он ноумен поместил снаружи, но ноумен-то у нас в голове сидит: ноуменальная часть — это сознание.

Я провожу абсолютную стратегическую дихотомию Бытия и сознания, которые взаимоисключающи. Тут возникает уже тема финализма, то есть финал как прорыв в бесконечной гомогенности, дурной бесконечности, в которой появляется прорыв — точка ограничения, центрирующая точка, финал, которая является дверью в иное, — в то самое, что описывается только тем, что «всё, что есть — не есть оно». Это финал.

Внутренняя динамика моей мысли, ее драйв заключается в том, что идея трансцендентного Субъекта нуждается в «золотом эквиваленте», то есть она должна быть оплачена, оплачена только утверждением. А это утверждение не может быть имманентным, оно может быть только с той стороны, по ту сторону того, что ничего нет.

Когда мы переходим по ту сторону того, что ничего нет, там мы обретаем документ, «справку Бога».

Это последняя «справка», которую мы можем увидеть. Потому что мы сами-то где? Почему вообще эта мысль возможна, почему мы думаем эту мысль, почему мы каким-то образом к ней подключены? Потому что мы являемся носителями сознания, которое представляет собой блик, упавший в этот «сортир» Бытия из невозможного. Это то, куда мы уходим в смерть.

Невозможное — это то, куда мы уходим в смерть.

Мы умираем, и мы уходим в реально невозможное, которое не подлежит описанию не потому, что оно апофатично, а потому что оно за пределами расшифровки. Как свет — свет же нельзя определить, когда он просто есть. Но когда тыловишь «зайчик» и пускаешь его на стену, то «зайчик» появляется в своей конкретности. Вот блик — он здесь. Так вот, если поймать «зайчик» от этого невозможного и пустить на стену, то это будет сознание человека как оппозиция всему, как нетождественное всему.

Первое нетождественное начинается с конфликта между сознанием как точки, вброшенной сюда из невозможного, и Бытием, которое является антимыслью. И здесь, на человеческой площадке, они сходятся.

Человек должен полностью пройти весь путь и реализовать эту борьбу, победить, довести сознание до победы над Бытием. То, что я описал, одновременно является сюжетом колоссальной пьесы, которая является содержанием мысли.

Последняя «справка» будет дана приходом Исы аль Масих (мир ему) и Махди, которые явятся против Даджала, против антихриста и возглавят верных. Это непосредственное вмешательство четвертого сверхъестественного контура.

Напомню. Первый сверхъестественный контур — это жизнь. Есть естественный контур — жизнь минералов, камень выветривается, яблоко падает. Жизнь есть нарушение второго начала термодинамики.

Второй контур — это социум, в котором еще большее нарушение второго начала термодинамики.

Третий контур — это когда человек осознает драму своей вброшенности во враждебный ему социум, когда

он осознаёт сюжетность, когда он осознает смыслы, обратную связь со смыслами.

Если он действительно набирает «критическую массу», этот «урановый» человек, то тогда Всевышний, в качестве знамений, посылает ему помощь в виде Махди, который является непосредственно ведомым от Него, и Мессии Исы, да благословит его Аллах и приветствует — это четвертый контур.

При этом личность Махди подтверждается личностью Иисуса.

А личность Иисуса неоспорима, не может быть поставлена под вопрос, потому что он является последним Адамом, он является повторением Адама. «И был Иса как Адам» — сказано в Коране²²².

Иисус и Махди являются с двух разных сторон, совершают вместе намаз, они — тандем, который возглавит правоверных.

Тогда гарантирована победа над Даджалом.

Но может быть так, что они не являются.

И в этом смысле победа над Даджалом не то, что не гарантирована, ее просто не будет, — как с бесконечным количеством предыдущих человечеств.

Речь идет о мощи человечества — в нем должно быть пассионарное ядро, которое готово принести себя в жертву на этом пути.

И таких людей должно быть не пять и не десять — как праведников, которых у Лота требовал Господь.

«Критическая урановая масса» — это чистая пассионарность.

И тогда Всевышний ставит печать. Он посылает Мессию, он посылает Махди. Они вдвоем проводят победивших сначала в хилиастическое царство.

Хилиастическое царство — это еще Ветхое Бытие, это исполнение законов справедливости до появления Новой Земли и Нового Неба. Когда всё было полно гнета, унижения и несправедливости — и наполнилось справедливостью и свободой.

²²² Сура 3, аят 59.

Внутри Ветхого Бытия происходит такое преобразование. Розы цветут на камнях, птицы говорят человеческими голосами, яблоки летят вверх.

А потом все умирают, воскресают, и происходит Страшный Суд.

Но до нас были мириады человечеств, которые прошли без Суда и превратились в пыль. Потому что если бы был у кого-то из них Страшный Суд, то не было бы нас, не было бы всей проблемы, и вместо нас было бы Новое Бытие.

Идея хилиазма, тысячелетнего рая выброшена для того, чтобы продемонстрировать, что Ветхое Бытие так же содержит в себе потенциал преобразования. Что Бытие возможно со знаком плюс. Внутри Бытия можно посрамить те принципы, на которых оно по своей ветхости основано. Это закрытие цикличности.

Цикличность надо закрыть. Как закрыть цикличность?

Например, обрубок руки, чтобы из него не текла кровь, заливается жгучей жидкостью, чтобы раз — и заблокировать.

Хилиазм закрывает цикличность. Потому что цель монотеизма — остановить цикличность мироздания, вечный повтор и вернуть его к единственному акту Страшного суда и появлению Новой Земли и Нового Неба.

В одно из бесконечных повторений это должно состояться, потому что сама идея дурной бесконечности предполагает неизбежность этого свершения, хотя абсолютно неизвестно, когда это произойдет.

Но есть тонкость.

В чем фатальность этой победы?

Числовой ряд от, условно говоря, первой манифестации до той манифестации, в которой будет остановка циклов, смерть, воскресение и Страшный суд — вот эта бесконечная последовательность числового ряда движется из бесконечной дали сверхбольших чисел к нулю.

В нуле мы приехали.

Вопрос в том, ноль — это мы или это кто-то после нас, следующие?

В тысячелетнем царстве справедливости все праведники, потому что входят в него только те, кто победили вместе с Мессией. Они победили Даджала, но это победа над человечеством.

Я думаю, сама битва будет связана с движением гор и прочими катаклизмами. Эти катаклизмы не являются частью окончательного закрытия Ветхого Бытия. Содом и Гоморра — это же тоже катаклизмы.

Хилиазму тоже будут предшествовать катаклизмы, потому что когда речь идет о конце, то там говорится, что небо будет разодрано как свиток, земля будет вздыбаться... Всё будет рваться, тут уже будет не до падения ниц.

Когда возникает Новое Бытие, то оно возникает только как Рай. Это Рай и всё.

Что значит Рай?

В Ветхом Бытии мы являемся оппозиционной точкой, придавленной пластами инерционной глины внешнего Бытия. Мы как мухи в янтаре упакованы, заморожены в Бытии, куда мы вброшены.

А в Новом Бытии то, что нас окружает, будет производным нашего обновленного сознания праведников. Это будет, условно говоря, тень нашего сознания. Причем эта тень будет световая.

Если сейчас свет светит, а тень темная, то там будет наоборот: тень будет светлая.

Я строго математически следую за Писанием, потому что в Сунне говорится, что лица праведников в Раю будут обращены к Аллаху, и хотя Он будет так же невидим, как сейчас, но свет Его будет на их лицах. Это значит, что Невозможное, которое является непроглядной тьмой, будет сиять, будучи таким же непроглядным, но оно будет сиять как позитив, и будет освещать лица праведников. Причем оно будет освещать лица праведников черным светом, а тень от них будет светлая.

Черный свет — это свет Аллаха. Это тот свет, который «Аллах — Свет небес и земли»²²³, ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает.

Черный свет вы можете тоже увидеть. Возьмите черную бумагу и бросьте на нее что-то еще более черное. Например, пролейте на нее черную тушь. Тогда вы увидите черный свет по контрасту.

Известный аят²²⁴ про светильник в нише, где свет горит над оливковым маслом, но не сжигает его: он горит поверх, и он не является горением в смысле физического процесса. Его энергия явлена в чистом виде, она не берется из трансформации вещества в энергию.

Это связано с тем, что любой свет — иррадиация.

Солнце горит, и оно погаснет.

А вот тот черный свет, который стал восходить, потому что мы на черное наложили еще более черное, — это свет, который никогда не погаснет, потому что его энергия берется не из процесса горения, а из внутренней тайны тьмы. Это сияющая тайна тьмы, которая предшествует самому свету как иррадиации. Свет как иррадиация — бытийный свет, ложный свет, это фальшь.

В Тегеране меня повел в ресторан один профессор. Типичный иранский профессор, немного заезженный жизнью, в обтерханном пиджаке, но с горящими глазами.

Он заказал рис с курицей на свои последние деньги и стал мне объяснять свое видение духовной реальности, как он понимает истинный свет.

— Представьте себе: мы сидим под большой прекрасной люстрой. А теперь представьте, что мы входим в пространство, где миллиард люстр, иерархия люстр, иерархия света...

У иранцев в башке это сидит. Они отделявают серебром и хрусталем внутренние стены мазаров, и там такая

²²³ Сура 24, аят 35.

²²⁴ Там же.

подсветка, что серебро с хрусталем пылает волшебным сиянием. Но образы эти хороши для несчастных простых людей, которые оторвались от кетменя. Или привязывают красные ниточки, ведущие от больного места сквозь решетку мазара к решетке гробницы, чтобы «ток бараката» вылечил.

Мы как-то вошли в один мазар в 1992 году, где валялось больше сотни таких стенающих страдальцев. Теперь я их хорошо понимаю. И мне предлагают лечиться у них.

Излечиться просто. Сибирский шаман тоже может излечить. Сибирский шаман должен подвергаться смерти. Мазар — это тоже самое.

Ислам — это война с человечеством.

Аллах говорит: «Мы сотворили человека из капли, а вот враждебен определенно»²²⁵. Человечество враждебно Всевышнему.

Истинным человеком является Адам и изошедшие от него пророки, а человечество, которое здесь тусуется, не имеет отношения к потомству Адама. Это всякие питекантропы, которые научились языку Адама.

До явления языка они общались телепатически.

Но приходит Адам и учит их языку.

Он заставил их нести потенциально виртуальный отблеск сознания.

Можно сказать, что Адам, который пришел к людям, — это свечка, которая горит. А люди, которые встретили его и восприняли его послание, — это набор разных зеркал, которые стоят и отражают эту свечку.

Путать свечку, которая горит реальным пламенем, и зеркала, которые отражают этот язычок, никак нельзя.

Они могут только, следуя за Адамом, рассчитывать, что если они сверхусилием, как урановая критическая масса, совместно добьются, что Всевышний пошлет им Мессию, тогда соотношение отражения адамического пламени в зеркальце их глиняного существования будет расценено на Страшном

²²⁵ Сура 36, аят 77.

суде в их пользу. И тогда будет признано, что они носители сознания и могут войти в Рай.

Но до тех пор это просто зеркала, которые можно закрыть тряпкой или отвернуть — и ничего не будет.

Более того, они используют это отражение во вред, потому что человеческая цивилизация и язык используются с целями, противоположными Откровению Адама.

Язык используется для описания целей Бытия, целей Великого Существа.

Если брать гимны всяких Ригвед, всякие Праны, метафизику высокого язычества, то там языком Адама изложено мировоззрение Сатаны.

Что это такое? Как минимум — страшный черный компромисс.

Социум — тень Иблиса, Аполлона. А Иблис это же Аполлон. *Ἀπόλλων* — имя Иблиса. Это искажение греческого в арабском, *Ἀπόλλων*, который становится Иблис. Иблис как Великое Существо, он же Люцифер, «утренняя звезда».

Апостол Павел называет Иисуса в своем послании «утренней звездой», стремится его подверстать под Аполлона, сделать из него Аполлона или Диониса.

Иисус же является новым Адамом, Омегой, Мессией, который приходит с тем, чтобы прекратить циклы. Это не пролонгационная, а финальная фигура.

Вот я более-менее изложил схему. Внутри этой схемы каждый тезис можно раскрывать.

1984. Удушье. Уроки французского. Статья Берджесса. Мертвая точка совка. Пародийный Амдронов. Тэдья и космизм. Мы – не маргиналы. Удаш Хальянд. Ашальрик. Пыльные открытия 80-х

60-е — годы пульсирующей, упругой таинственной жизни, какого-то обещания встречи за углом, грядущей новизны.

А начало 80-х — бессмысленное пустое время. Тогда заработать 500 рублей считалось высшей доблестью.

Наступила полная деинтеллектуализация, полная смерть заживо. В некотором роде начало 80-х и вообще 80-е годы предвосхитили постперестроечное время бессмысленных бритых затылков, широкоспинных ЧОПов в кожаных куртках.

Общая ситуация ощущалась как удушье, полная утрата живого нерва. Богема, диссидентура, какая-то активность — всё схлопнулось с 1976–1978 года. Мощно всё пошло на нет. 1984 стал пиковым годом, когда ресурс шестидесятников, диссидентов, богемы полностью исчерпался.

Касательно эсхатологических чаяний и ожиданий от 1984 года публика была достаточно банальной. 1984 год стал пиком унылости, мертвой точкой.

В 1984 году я преподавал французский язык частным образом, у меня было две группы. В одной группе Жигалкин с Наташей, Митя, еще человек пять. Гюля была в одной из них.

Начались занятия у Серафы — это был единственный раз, когда я появился у него дома. Серафа был в подряснике и сапогах. И туда зашла девушка с философского факультета — Наташа Мелентьева.

Там была и другая девушка то ли из банка, то ли из музея русской литературы, которая относилась с дикой подозрительностью к моим словам.

Потом занятия переместились ко мне. А уезжая на Памир, я наивно предоставил Серафе возможность жить в моей квартире на Болотниковской. Он туда затащил Гороховну-Дасу, и они там родили ребеночка.

Когда я об этом узнал, я пришел в ярость. Надо мной смеялись, потому что я не понял, что она беременна. Это был такой мешок с капустой, грибное чавкающее образование, что понять было непросто. Этой девушке, дочери Серафы, родившейся на Болотниковской в 1984-ом году, сейчас 32 года²²⁶.

Степанов в этот период был рабочим сцены ансамбля «Арсенал» у своего ученика Козлова, который его возил по границам, а работали за него его ученики Костя и Гурам. Сейчас они пишут романы, какой-то провокационный треш.

Для одного из уроков я подобрал большую статью Энтони Берджесса, которая называлась «1984». Берджесс — автор «Заводного апельсина». Хороший автор, видный, и книга замечательная. «Бар “Корова”» — прекрасно.

Статью Берджесса напечатал «L'Express», такой эксклюзив для «L'Express». Текст в переводе с английского во французском журнале.

Он защищал тезис, что 1984 год уже наступил, что Большой брат уже здесь. В 1984 появляется текст, что Оруэлл состоялся.

Почему-то у него основным примером была Швеция, и он объяснял, что Швеция — страна Большого брата, там Большой брат следит за тобой и царит тотальный контроль. Идея была такая: Большой брат уже есть, — в частности, шведский социализм — это образцово-показательный Большой брат.

Я эту статью заставил своих учеников разбирать.

«L'Express» вышел в январе 1984 и был посвящен этому году. Бёрджес задавался вопросом, что же происходит в плане Оруэлла. Ну и отвечал, что Оруэлл отдыхает, что всё уже схвачено. 1984 год вообще был тогда любимой темой. Шведская

²²⁶ На 2016 год.

реальность у Берджесса ненамного уступала тому, что сейчас описывают сноудены — в плане обратной связи с экраном и всего такого.

Я помню то чувство пустоты, тяжести, бессмысленности, которая просто грузилась извне в выдвигающиеся и задвигающиеся ящички. И всё было свинцовое.

Возникало ощущение, что Большой брат Берджесса не работает в совке. Совок лежал настолько мертвым, что здесь уже даже и Оруэлла нет. В принципе, Оруэлл здесь всегда был обыденностью.

Оруэлл как угроза, как перспектива, как антиутопия — это для западной демократии, а для совка какой Оруэлл?

Что это за угроза? Постоянно следят, постоянный контроль, постоянно какие-то месткомы тебя в шаржевой форме прорабатывают, разбирают, постоянно какое-то самопокаяние.

Но в 1984 году и это умерло. Мертвая точка. Есть такая позиция в движении поршня, когда он поднимается вверх, выпрямляется шатун, и вывести из этой позиции его можно только с помощью движения маховика, который связан с этим шатуном. Сам поршень уже не может выйти из этой позиции, он застывает.

Мертвой точкой была вся советская жизнь.

Андропов явился уже пародийным. Когда он пришел, и начались рейды по кинотеатрам и баням, всё стало ясно: власть спятила окончательно.

Народ стебался над рейдами по баням. Это раздражало, но вызывало и пожатие плечами.

Всё тянулось недолго. Пошли разговоры, что Андропов ест детей, питается детской кровью, что КГБ возит детишек на пересадку органов, всякие зловещие легенды, которые еще больше усиливали ощущение, что мы живем в сказке Шварца про Дракона. Но это не воспринималось как серьезная фундаментальная вещь.

Именно тогда были заложены основы для будущей горбачевской трансформации.

Горбачёв и Ельцин оба были его людьми.

Гэбня всегда была настроена космистски. Гэбня, правонационалистические круги типа «Памяти» с Васильевым, разделяли все гэбэшные приколы и примочки.

«Человек создан для полета в буквальном смысле. Мы не летаем, потому что не хотим. Вот посмотри на руку — это же несостоявшееся крыло. Но мы должны стремиться к тому, чтобы пройти преобразование и полететь. Мозг работает на пять копеек своей мощности, хотя он по сравнению с этими пятью копейками — небоскреб Нью-Йорка, Empire state building. Если активизировать все клетки, то человек усилием мозга может менять законы природы» — таков чисто гэбэшный полив, толстожопый гэбэшный оккультизм, который работает, начиная с майора и вверх.

Можно взять практически любого из тех, кто с портфелями из Лубянки выходит — и у него в башке будет именно это: космизм, осколки Вернадского, Чижевского, ноосфера.

Всё это вертелось в окологэбэшных кругах. Но никто не выпускал таких построений на прессу, на большую публичную дискуссию, потому что еще существовала Академия наук. Никаких РАЕН, только АН СССР.

Когда появляются отмороженные Фоменко и Носовский²²⁷, то поневоле вспомнишь об АН СССР с ее определенными стандартами. Чижевский и Вернадский — всё-таки некое качество. Это не то, что прошло через чудовищную девальвацию, маразм и банал.

Некоторые мои знакомые очень любят слово «маргинал» и считают, что это что-то типа героя Советского Союза, «золотая звезда».

Маргинал — он и есть маргинал.

²²⁷ Фоменко и Носовский — советские математики, в начале 1970-х годов развили теорию «новой хронологии» народовольца Николая Морозова о том, что вся история укладывается в 10 веков. Никогда не преследовались за свои взгляды.

Маргинал неадекватен, смешон, это клоун поневоле в силу своего ментального устройства.

Мы не были маргиналами. Мы думали по-французски и принадлежали к школе, насчитывавшей десятки имен. Школа эта была одним из мощнейших трендов XX века в западной мысли. Я имею в виду традиционалистов в данном случае.

Забавно, когда Женя узнал, что есть Удам Хальянд²²⁸, он отказался в это верить. Удам Хальянд — человек, независимо от нас в Таллине занявшийся шиизмом, шиитской традицией, Убиенным шейхом²²⁹, тем, что называется философией «ишрака»²³⁰.

Он перевел с фарси «Шорох крыльев Азраила», еще какие-то тексты. Он защищал диссертацию, сидел в Ленинке чуть ли не в конце 50-х или начале 60-х, сидел в спецхране. Там он познакомился с Геноном, с реальной западной традиционалистской мыслью. И вот году в 1975–76 на меня вышли люди из Прибалтики, довели информацию, что есть такой Удам Хальянд, который является нашим человеком.

И я Жене говорю:

— Представляешь, есть эстонец, который совершенно независимо от нас прошел в лаптях обутый весь спецхран, знает Генона, читает по-французски, по-немецки, и это полноценный человек нашего круга.

И Женя говорит:

— Этого быть не может.

²²⁸ Хальянд Удам (1936–2005) — эстонский ученый, полиглот, историк. В 2007 посмертно в Эстонии издан первый эстонский перевод смыслов Корана, им сделанный, стал самой продаваемой книгой в стране.

²²⁹ Яхья ас-Сохраварди (1154–1191 или 1208) — персидский суфий, разработал учение об ишраке. Был казнен в Алеппо за ересь (аллегорическое толкование Корана) по приказу сына Салахаддина, за что и получил титул «убиенный шейх». В числе его многочисленных работ есть и «Шорох крыльев Азраила».

²³⁰ Ишрак — «метафика света» или «учение об озарении» — суфийское учение о свете и мистическом озарении, разрабатывал его Сохраварди, а затем Мулла Садра.

— Но почему? Мне это сказали люди из третьего канала, которые под меня не подстраивались. Независимо мне о нем сказали. Не я их учил, что есть Генон, есть спецхран.

— В этой стране только два человека знают Генона — ты и я. Никаких удамов хальяндов быть не может.

Потом он, конечно, изменил свою точку зрения, но его первая реакция была не шутливая. Идея некоего абсолютного эксклюзива работала на уровне тика.

Конечно, коробило, когда ты сталкивался с идиотизмом вне твоей закрытой сферы вроде Фоменко и Носовского, — с проявлением, подходившим к описанию в шукшинских характерах, типа «Срезал»: «А как там жизнь на Луне, товарищ ученый? А на Марсе че там происходит? Что, не можете сказать?»

Тогда это было единичным, но после 1991 года стало тотальным. После 1991 года «третий глаз», «битва экстрасенсов», весь мусор мощно выплеснулся наружу.

Маргинальное стало мейнстримом, точнее мейнстрим перестал существовать.

Это конкретно выразилось в том, что начали плодиться политические организации, в том числе различного рода академии.

Наряду с академией наук АН СССР, превратившейся в РАН, появилась РАЕН, потом появилась Петровская академия, членом которой я являюсь. Мне дали титул почетного петровского академика. Когда я с ними встретился и пообщался, это оказалась мохнатая и совершенно отстойная околוגэбня, организовавшаяся во всякие академии, куда сама же себя записала.

В башке у них продолжали вертеться ноосферы, воскрешения мертвых, «полеты во сне и наяву», «фантазии Фарятьева»²³¹ и прочая чушь.

²³¹ «Полеты во сне и наяву» (вышел на экраны в 1983 г.) и «Фантазии Фарятьева» (премьера на ТВ в 1982 г.) — советские фильмы, активно эксплуатирующие самую фантастическую конспирологию, дискредитируя ее.

В 1984 году всё было пристойно, но бессмысленно, без всякой живой мысли. Человек задыхался. Я задыхался. В 1984 году дошло до предела. Такая интересная дата.

В 1989 году у Коротича в «Огоньке» стали назойливо доказывать, что Амальрик был пророком, был прав, что всё случилось по его прогнозу, хотя какие-то детали отличались — с Китаем не воевали. Но всё будто бы получилось, как он говорит в «Доживет ли СССР до 84 года?»

На мой взгляд, СССР пережил 1984 год. Нет, говорят они, он не пережил 1984 год, — на самом деле 1984 год был реальной датой, а кончился он раньше. Стали назойливо играть с этой датой и что Амальрик сбывся.

Амальрик — человек любопытный, его было интересно читать в 70-х. Но всё же это была банальная реакция на Даманский: там же как раз произошло столкновение с китайцами, вот он и написал, что дальше будет большая война. Особой свежести, выдумки у него не нашлось.

К концу 80-х стали старых и оккультно проигравших диссидентов вытаскивать и сажать на щит.

Я понимал, что это развитие событий мы, люди, с которыми у меня было общее политическое поле и подразумевание, не планировали, не участвовали там, мы не будем бенефициарами этого развития событий. Что игра идет мимо нас, что играют враждебные нам люди.

Не вырисовывалось такой четкой картины, потому что закулисье не было на тот момент известно. Не прояснилось еще, что КГБ специально создает демократическую платформу КПСС, создает ЛДПР из полублатных, полупроходимцев, полумошенников.

Точных деталей тогда не было известно, но уже стало понятно, что играют люди, с которыми нет диалога или пересечения. Нельзя было подойти и по-свойски похлопать по плечу, и спросить: «Ребята, что это вы за тему тут запускаете? Может быть, у нас тоже будет некий интерес в этой теме». Вот это полностью исключалось.

Это были люди, говорившие на другом языке. Все их разоблачения оказались пыльными в том смысле, что ничего

Коротич и «Огонек» не печатали кроме того, что уже знала богемная и диссидентская публика из самиздата, из ИМКА-Пресс и подобных изданий.

Это было популярно и на слуху, но представляло собой введение обывателя-полуинтеллигента, который жил газетой «Правда» и газетой «Известия» и в лучшем случае «Литературной газетой», в круг чтения от Солженицына до Абрама Терца. Ему предлагалась информация из воспоминаний Деникина, о которых рядовой обыватель даже не слышал.

Всё это уже сто раз прокрутили и пережевывали на кухнях в узких кругах, а оно стало достоянием большой печати. Возникло ощущение, что, став достоянием большой печати, оно сделалось неинтересным и чужим.

Летом 1985 году, едва Горбачев появился, Женя Головин назвал его воплощением русского черта, каким он явлен в Хлестакове и Чичикове. Он обозначил это время выходом коллективного бессознательного русского народа. Глубокое прозрение.

*Мамьяки. Убийство в Казани.
Основатель <<Памяти>> Ким Андреев.
Емельянов и <<Деснонизация>>*

В 1988 году в Казани прогремела ситуация.

Красавица татарка с четырьмя детьми — то ли вдова, то ли разведенная — жила в большой квартире на широкую ногу. И у нее был любовник — русский. Этот любовник приходил к ней, оставался ночевать, пользовался разными благами, но в какой-то момент он взял и после ночи, проведенной в сексе, убил ее. Причем убил зверски — размозжил утюгом голову. Потом он убил всех ее детей. С этим утюгом заходил в каждую из спален и разбивал детям головы.

Потом он попытался эту квартиру поджечь, но она плохо горела. Соседи почувствовали запах дыма, собрались, стали туда ломиться, вызвали ментов. Чудак попытался перелезть с одного балкона на другой, но в итоге его повязали.

Это было крупное, скандальное, маниакальное дело. Сейчас таких дел много, случаются на каждом шагу, люди убивают друг друга. А тогда это сильно прогремело.

Но самая вишенка на торте — что маньяк был писатель. И как оказалось, его литературным куратором, человеком, который вел его по жизни, с ним общался, был не кто иной, как Ким Андреев, основатель общества «Память». Он был Штрассер²³² при Димдимыче Васильеве, рабочий-основоположник, культурный пролетарий, «прол в очках».

Их переписка опубликована. По крайней мере всё, что писал Ким Андреев маньяку, было найдено и опубликовано,

²³² Грегор Штрассер (1892–1934) — социалист, участник «пивного путча» 1923 года, привел в НСДАП городскую бедноту и люмпенов. Был противником идеи расовой чистоты. Убит в 1934 году во время «ночи длинных ножей».

какие-то черновики. И оказалось, что он не просто маньяк, а еще и духовный сын основоположника общества «Память». Для либеральной интеллигенции того времени большой подарок и серьезный пинок по «Памяти», по Васильеву, по всему этому движению.

Мы с Дутиным это обсуждали. Нас уже выгнали из «Памяти» к тому моменту, когда разразилась эта история.

Знаменитый антисемит Емельянов убил и расчленил свою жену, а потом сел в дурдом. Я читал прогремевшую книжку Емельянова «Десионизация».

С Емельяновым был знаком покойный Степанов, он мне эту книжку и подкинул. «Десионизация» написана в тандеме с учебником иврита. Этот автор еще написал учебник иврита для борцов с сионизмом. Он и арабский знал, был арабистом.

«Десионизация» — это просто улет: 12 тысяч лет русской нации, Вавилон — это «бабье лоно», Иордан — это «Ярый Дон», венецы, основатели Венеции, — осколок русского племени. Это утверждение базировалось на том, что по-эстонски «вене» означает русский. Получалось у него, что русские заложили Венецию.

Беспроегрышная железная логика.

В этой стране что-то интересное происходит — расчлениют, убивают. Ничего похожего нет в Англии или Франции.

А в Америке — похожая ситуация. В Америке есть борцы с системой, которые бросают вызов ФБР, потом что-то с ними случается. То ли они маньяками становятся, то ли их маньяк убивает. Малькольм Икс²³³, например.

²³³ Малькольм Икс (1925–1965) — мусульманин, афроамериканец, борец за права чернокожих в США. Отвергал идею ненасилия в условиях государственного и расистского притеснения. Его убийство не расследовано. В СМИ популярна версия, что оно якобы связано с его разногласием с «Нацией Ислама».

1990. Радио Свобода

Я поехал в Германию при Горбачеве, в 1990 году, побывал на «Радио Свобода», где меня водил итальянский полковник НАТО, разведчик.

Я там много выступал, заработал в марках кучу денег. Выступал на таджикской редакции, башкирской, русской — на всех, но в азербайджанскую меня не пустили.

Ею верховодил некто Хазри (Мирза Хазар²³⁴), либерал, который сказал:

— Ноги Джемала в моей редакции не будет.

В остальные студии меня звали очень охотно — вещать на всю Среднюю Азию. В сопровождающие мне отрядили казаха, которому поручили показать «Радио Свобода». Сам он был перебежчиком из коммунистической делегации, посетившей Мюнхен. Стал невозвращенцем. Он пил и ненавидел ситуацию, в которой оказался. Оказался он в ней крайним.

Почему они вообще его взяли. Потому что там работали казахи, родившиеся в Турции, эмигранты второй волны. Большинство этих казахов уже не говорили по-русски, только по-казахски, по-турецки и по-английски.

А на «Радио Свобода» для работы на Советский Союз как раз требовались функционеры, говорящие на родном национальном языке и на русском, потому что русский язык являлся рабочим во всех республиках. Им нужен был хотя бы один казах с русским языком, а этот еще и был какой-то видной шишкой в аппарате партии, раз он был членом делегации. Они его взяли на работу. А у него уже лицо запянцовское, нос красный.

²³⁴ Мирза Хазар (1947–2020) — переводчик Библии на азербайджанский. Эмигрировал в Израиль в 1974, отслужил там в армии. С 1976 работал в азербайджанской редакции радио «Свобода», а с 1985 по 2003 возглавлял ее.

Начал он меня водить по коридорам, показывал студии, демонстрировал, как там всё работает. И тут в одной из студий к нам подошел полноватый человечек в синем обтрепанном костюмчике. Я даже не понял, что это итальянец, — человек, который, стоя в московской очереди за картошкой, спокойно мог бы разговаривать с бабушкой, а та будет думать, что перед ней инженер из ЖЭКа. С видом обычного управдома из хрущевского времени, он говорит мне совершенно свободно по-русски:

— Не хотите посмотреть кое-что интересное? У нас есть тут архив.

Это оказалось гигантское помещение, заполненное шкафами с делами, папками формата, наверное, А3.

Я ему говорю:

— Ух ты, а я у вас есть?

— Конечно, вы у нас есть. Пойдемте посмотрим, это интересно.

Мы с ним пошли по буквам, нашли меня, он достал мою папку, открыл ее, и я там вижу всё, что я делал за всю свою короткую жизнь в СССР, включая газету «Ümid», которая выглядела вдвое новее, чем те экземпляры, что мы возили в Баку из типографии. Там была и книжка, выпущенная на основе моих статей. Ее позже перевели на итальянский язык, у меня она где-то есть. Клаудио Мутти²³⁵ издал ее в своем издательстве «У гончей собаки». Там были «Кровавый азан» и другие наиболее жесткие статьи.

Я говорю этому итальянцу:

— Надо же, я даже забыл, что я это когда-то писал!

На 1990-й год наборчик довольно тощий, но всё равно много там чего лежало.

Я его спросил:

— И это у вас на всех?

— Да, на каждого.

Рассмотрел я интересную студию. Большая комната, завешанная сверху донизу мониторами, телеэкранами — 30

²³⁵ Клаудио Мутти (род. в 1946) — итальянский академический ученый, эзотерик, традиционалист, издатель. Принял Ислам.

или 40, и на каждом шла местная программа. Например, программа орловского телевидения, краснодарского, красноярского, и они вещали в настоящем времени. Все региональные передачи автоматически писались на пленку. Потом они обрабатывались экспертами, которые просто оттуда снимали информацию. Эту информацию анализировали люди, делавшие военно-стратегические выводы. Например, информация о посевной: если посевная передвинута, то, возможно, в это время в том районе будут проходить военные учения. Или анализ загрузки предприятий новыми технологиями.

Низовые экспертные наработки — а потом этот сырой материал шел аналитикам более высокого уровня в ЦРУ или АНБ. Гигантская машина по сбору информации со всей территории советского лагеря. В других комнатах такая же работа велась по чехам, по венграм.

Не просто передачи с Севой Новгородцевым, который про рок рассказывает на Би-Би-Си, а огромный пылесос, высасывавший данные со всей территории советского лагеря. Но всё шло в никуда, потому что кому в итоге это всё нужно? Кто будет это изучать? Ну ладно, каким-нибудь генералам, может, попадутся какие-то камушки из этих экскрементов. Но практического применения это всё не имело. Поэтому лавочку и прикрыли. Бюджет ее был 150 млн \$.

Всё серьезно: в белых халатах люди сидят при вращающихся бобилах, снимают данные, сразу идет автоматическая распечатка. Хорошая техника — не то, на чем наши энтузиасты занимаются. Уже тогда существовали машины для этих целей — у советских дикторов голос был поставлен, всё слышно четко.

Сильное впечатление получил.

Я всю жизнь считал, что совок населению врет. Но всё оказалось «Правдой».

Я в детстве читал «Правду» и хохотал, что вот-де ребята завирают. В «Правде» публиковались всякие поехавшие туда и в итоге разочаровавшиеся и вернувшиеся. Они рассказывали, что на Западе люди живут, как пауки в банке, — в атмосфере человеческой подлости и кусания друг друга за задницу.

Человек должен был всё время папкой прикрывать ягодицы, чтобы его не куснули и не дали под зад.

Я обалдел, когда при мне, не стесняясь, на «Свободе» троллили друг друга.

Причем всё очень нагло — не коллеги, а пауки в банке.

Но уровень профессионализма впечатлил, система работала как часы. За каждый доллар пахали. А ушло всё в отвал — потому что кремлевские не хотели никакого противостояния и искали пути, как всё сдать.

Германия. Орден. Тайная история противостояния. Буршемшафт. Микхель Тамм

Зима 1991 года. «Буря в пустыне» началась, когда я уже уезжал.

Германию я всю пешком прошел, попутками проехал.

Проехал по турецким центрам и по правонационалистическим, по неонацизму.

Правые меня принимали очень хорошо, на ура. Слух обо мне пошел по всей земле германской. Они заранее приготовились, что к ним приедет «ревизор» из Russland'a, собирали на меня людей. Не много, конечно, но собирали.

Я не нацист. Я член Ордена.

Почему они воспринимали меня как своего? Потому что они же знали, что в СССР сидят в лагерях за реальное наследие Райха, его структуры. Они посвятили людей, которые вышли и создали ячейку. Эта орденская ячейка имела отношение не к Райху, а к Балтийскому Ордену Серебряного креста и Розы.

СС — это ведь политический фасад, идущий от тевтонов после разгрома в Грюнвальдском лесу. Они пережили распад и восстановились как балтийский Орден, связанный с историей Таллина. Тевтоны как бы ушли в подложку. Балтийский Орден стал антитезой иллюминатов.

Иллюминаты, у которых крыша поехала на левой идее, превратились в левых радикалов.

Но уже тогда появившиеся «балтийцы», Черный орден, правые радикалы с платформы рыцарской традиции, рыцарских орденских гешталтов противостояли иллюминатам.

В чем идея иллюминатов? Объясняю коротко. Раньше я это знал очень хорошо.

Третье сословие захотело через структуру посвяtitельной масонской организации взять под контроль аристократию.

Эти ребята, так называемые «ингольштадские отцы», выпустили Адама Вейсгаупта²³⁶. Адам Вейсгаупт затянул в свои сети целые династии знати германских земель через подключение к мистериям. Но они находились на самой низшей ступени подключения.

Чем ты дальше от аристократии и ближе к третьему сословию — к проклятым аптекарям, бухгалтерам и всякой разночинной шпане, тем выше ты мог подняться по ступеням иллюминатского ордена. Человек из рода великих курфюрстов саксонских не мог подняться выше третьей степени.

И тогда рыцарская знать, связанная с корнями тевтонского Ордена, который поднялся, как считается, как филиал иоанитов, — иоанитов, не захотевших заниматься проводкой паломников в Святую землю, а занявшихся язычниками в Жмуди, — и вот осколок этого рыцарского госпитальерского пути превратился в балтийский Орден, бросивший вызов Ингольштадту и иллюминатам.

Орден СС — политическая крыша, которую они получили уже в XX веке. Причем она многократно зашифрована. По легенде, это были охранные войска на митингах партии. Но в основе лежала такая идея: есть левая масонерия, — мы же, дворянство меча, открываем по ним огонь, наносим по ним удар с позиции правой масонерии.

Это очень далеко от профанного представления о нацизме и фашизме.

Когда Муссолини предложил Юлиусу Эволе возглавить редакцию одного из фашистских журналов, Юлиус Эвола изчерпывающе ему ответил:

— Я же не фашист, дуче.

²³⁶ Адам Вейсгаупт (1748–1830) — баварский ученый, профессор университета в Ингольштадте. 1 мая 1776 года основал тайный орден иллюминатов.

И, возможно, почесал его за ухом. Для Юлиуса Эвола фашизм был просто социалистическим популизмом, возней с рабочими, мусорной ямой. А сам Эвола ездил читать закрытые лекции в узкие круги СС. «Языческий империализм», например.

Первое, что сделал в своей творческой жизни Дугин — перевел на русский «Языческий империализм». По-моему, даже с немецкого языка.

В Германии меня принимали на достаточно высоком уровне. Я был гостем буршеншафта «Danubia».

Буршеншафт — студенческий союз, как правило, крайне правого толка, восходящий к концу XVIII века, они расцвели на волне патриотического подъема во время завоевания Наполеоном немецких земель. Штапс²³⁷ с кинжалом кидался на Наполеона, Фихте с его «Речами к немецкой нации»...

В студенческих союзах юноши обязательно получали шрамы, сражаясь на дуэлях. Такой шрам был знаком принадлежности к мужскому союзу. С мужских союзов начиналось рыцарство после падения Римской Империи.

Буршеншафт «Danubia» — один из старейших. «Danubius» — это Дунай по латыни. Членом этого союза был Гофман наш Амадей.

В 1945 году американцы запретили буршеншафты как рассадник нацизма. Но в 1964 запрещение сняли. Видимо, у них щелкнуло, что движение к нацизму никакого отношения не имеет.

Этот буршеншафт находился в замке на берегу реки Изар в Мюнхене.

Меня там приняли, выделили место. Всё очень аскетично. Единственный телефон на весь замок стоял в холле возле зеркала. Там я впервые увидел трехъярусные кровати. В армии в карантинной роте я спал на двухъярусной, здесь же я увидел трехъярусные. Подниматься на третью полку в трех метрах от пола надо было по лестнице.

²³⁷ Фридрих Штапс — сын пастора из Наумбурга, в 1809 году совершил покушение на Наполеона.

Каждый вечер приглашали на собрание. Молодые немцы смотрели на меня восторженно блестящими глазами, потому что я принадлежал к линии, которая для них священна: я «эзотерик» из линии «знающих». Они понимали, что я состою в некой структуре, оставленной людьми, находившимися в лагерях по 15, 20, 25 лет после войны.

Информация у них имелась, и по многим каналам.

Я никакой легализации не имел в виду, никогда ничего не хотел, не рвался, потому что мне было глубоко наплевать на то, что обо мне думают. Я поддерживал близкие отношения с Головиным, который выступал как мэтр. Я находил огромный энергетический приток от нашего общения. Это было общение ученика и... и неучителя. Потому что Женя тоже плевал на учительский статус.

Я был легализован, потому что общался с Головиным, который был легализован вплоть до ухода к тем людям, для кого брэнная жизнь в оболочке здесь является просто расхожей методичкой, — участвовали в проекте, отсидели за это 20 лет и ушли, оставив иероглиф на покрытой цементной шубой стене.

В частности, я знал Михкеля Тамма, человека, который получил посвящение в индуизм от эзотерических индусов, живших колонией в Берлине. Там жили тибетцы и индусы.

Михкель Тамм — эстонец. В 1928 году он свалил из буржуазной Эстонии в широкий мир, стал юнгой на корабле, получил германское гражданство, жил там, делал деньги. А потом он встретился с этой колонией индусов и тибетцев. Они ввели его на английский язык в некие темы. Он у них изучил санскрит. Стал человеком, известным Джавахарлалу Неру²³⁸.

²³⁸ Джавахарлал Неру (1889–1964) — первый премьер-министр Индии после распада Британской империи. Из касты кашмирских брахманов. Отец и дед двух премьер-министров — Индиры Ганди и Раджива Ганди. Сформировал образ политика XX века, устраивающего и Запад, и Восток: нерелигиозность, приверженность демократии и гуманизму, уважение к индийской мудрости, философии и духовным практикам.

У меня стоит переведенный труд Радхакришнана, вице-президента и президента Индии после ее освобождения в 1947 году. Он написал двухтомник индийской философии. Радхакришнан направил Тамму личное приглашение.

Проблема была только в том, что перед тем, как всё завертелось, наш Микхель Тамм вступил в орден СС. Он не воевал на фронте, он принадлежал к вспомогательным войскам, которые занимались медициной, типа *Opus Dei*²³⁹, некие медицинско-восстановительные работы. Но тем не менее форму он носил.

Союзники его не тронули, он никакого отношения ни к чему не имел.

И тут приходит приглашение, лично подписанное вице-президентом Индии Радхакришнаном. Этот дурак вместо того чтобы, задрав штаны, ехать в Индию, где он был бы членом высокой брахманской номенклатуры, идет в советское посольство и говорит:

— Вот, вы знаете, я уехал из буржуазной Эстонии в 1928 году, оставил там папу и маму. Они уже давно умерли, но я хотел бы побывать на их могиле. Дело в том, что я еду в Индию, но по пути хотел бы заехать в Эстонию.

Ему говорят:

— О чем речь-то, Господи, такая малость. Да мы вообще на всё для вас готовы.

Он приезжает в Эстонию, его там закрывают, объявляют интернированной персоной. Селят его на мызе с указанием не отлучаться оттуда более чем на 30 км ни для каких целей. А в пределах 30 км только магазин, где хлеб продают — можешь туда ходить.

Там он просидел с 1947 по 1980 или 1982 год, когда он уже уехал в Штаты. Так просто он взял на себя 35 лет сидения на мызе. Но к нему ехали со всего союза. Он непрерывно писал, это всё распечатывалось. Я держал в руках эти толстые, как диссертации, распечатки на ломаном английском языке. Всё хранилось у него, потому что издать это в самиздате было

²³⁹ *Opus Dei* (лат. «Божье дело») — закрытый католический орден нового типа (без монашества), основан в 1928 году.

невозможно: он же писал на нечитабельном английском языке, которому индусы его научили.

Я что-то читал, потому что я понимал, о чем идет речь.

Потом нашлась еврейская семья, им занявшаяся, всё перевела и оформила на настоящий английский. Они его вытащили в Бостон и издали на хорошем английском языке.

Но там он довольно быстро умер. Жил-жил в мызе, оказался в Бостоне и сразу умер.

Интересный старикан, внешне походивший на Раджниша²⁴⁰, с большой бородой, в шапочке с помпоном (все они однотипные ребята), но с большим прошлым.

Мы дружили. Я у него гостил по несколько дней. Мы говорили о Канте, обсасывали его со всех сторон, искали масонскую подоплеку. И я его зондировал, насколько хорошо он представляет себе, что такое мистерии тяжелого воздуха, эзотерическая сторона Ордена. Он понтил, говорил, что очень хорошо себе всё представляет. Но было понятно, что реально у него знаний нет. Он сидел в адвайтаведантизме, очень деформированном, который он пропустил через себя. Адвайтаведантизм не предполагает творческой индивидуализации, отсебятины — достаточно математически жесткая метафизика.

Но читать на индо-английском языке гигантские сброшюрованные талмуды — задача потусторонняя.

У него имелась интересная подборка статей, посвященная тому, что современная наука является некой филиацией магии, неким отростком, ведущим от Агриппы Неттесгеймского²⁴¹, Джордано Бруно²⁴², Тихо Браге²⁴³. Он доказывал, что

²⁴⁰ Раджниш, известный как Ошо (1931–1990) — популяризатор индуистских духовных практик, плодовитый автор.

²⁴¹ Агриппа Неттесгеймский (1486–1535) — кельнский оккультист, астролог, алхимик, врач, юрист.

²⁴² Джордано Бруно (1548–1600) — доминиканский монах, изгнан из ордена, философ-пантеист, эзотерик. Сожжен на костре. Оценка его трудов чрезвычайно широка: от первооткрывателя в науках и гуманиста до сатаниста.

²⁴³ Тихо Браге (1546–1601) — датский астроном, алхимик, астролог. На дуэли лишился носа. По его таблицам европейские моряки плавали до начала XIX века.

концепты Да Винчи переходят в современные разработки через посредство либеральной наукообразной масонерии, к которой принадлежал Жюль Верн²⁴⁴.

Любопытно, но не тот уровень профессионализма, какой встречаешь у французских исследователей вопроса типа Бержье²⁴⁵.

²⁴⁴ Жюль Верн (1828–1905) — французский классик, придумал жанр научной фантастики..

²⁴⁵ Жак Бержье (1912–1978) — писатель, полиглот, в соавторстве с Луи Повелем написал книгу «Утро магов» (1960).

*Кузнечики. Тщета как ужас. ИПВ.
Давлат Усмон. Ахмад-Кади Ахтаев
и Абдулло Нури. Как проиграла таджикская ИПВ.
Писарев и программа <<Ниче>>.
Исламский комитет*

Всё было свинцовое. Но у меня была параллельная реальность. Я уже четыре года как был интегрирован в таджикскую жизнь. Я был знаком с Абдулло Нури, с Химматзода. Я тогда еще не был в ближнем круге, но уже принимал участие во всякого рода контактах. Оставалось уже очень недолго до того, как я вошел и в ближний круг.

Там уже Тураджонзода начал проявляться с 1987 года.

Тураджонзода был Кази-калон, то есть «Великий Судья».

Кази-калон и казият выписали мне справочку с печатью о «реабилитации», что мне обязаны помогать имам-хатыбы всех мечетей. А подписал эту справочку Давлат Усмон, тогда молодой юрист, работавший в этом казияте, проходивший практику после диплома. Потом он стал одной из ключевых фигур ИПВ и возглавил штаб объединенной оппозиции.

Но это уже много позднее. Мы сейчас говорим о 80-х. Там была масса приключений...

Еще кое-кто жив с тех времен.

Некий эпизод, «психожест» судьбы, который я испытал однажды в горах.

Я шел по дороге к Арзынгу, к Пашимгару. Лес поднимался по склону под острым углом — ложишься на землю и сползаешь. Если уперся ногами в ствол, то тормозишь. И я увидел, что там скачут кузнечики, но не простые кузнечики, а огромные, величиной с мои очки. Я никогда ничего подобного не видел.

Я поймал двух этих кузнечиков. У меня была большая коробка из-под тысячи спичек, я их туда поместил, закрыл ее, сделал дырочки для воздуха.

Когда я приехал в Москву несколько месяцев спустя, открыл эту коробку и обнаружил следующее: один кузнец сожрал большую часть другого, при этом у него самого задница и часть туловища была как бы в гангрене, почернела. А тот, кого он жрал, был еще жив, он немного шевелился, но у него оставалась только верхняя секция — голова и грудь.

Это было чудовищно жутко.

Я вообще большой ценитель жути.

В свое время Степанов сказал:

— Ты удивительный человек в плане того, как ты чувствуешь деструктивные флюиды Луны, деструктивные флюиды ужаса.

Я действительно всё это ценю, чувствую, но бывает иногда и для меня многовато.

Этот эпизод стал для меня встречей с тайной своего пути на этом жизненном отрезке — пребывание в Таджикистане, встречи со многими людьми...

Я там находился в глубокой эйфории, которую можно сравнить только с хорошей укуркой, но без всякой анаши. Глубокая эйфория и глубокое счастье.

Я там всё высматривал себе место под могилу. Несколько раз в горах встречался с трупами, объединенными стервятниками.

И вот когда я этих кузнецов посадил в коробку, а потом увидел, как один из них сожрал другого и сам почернел от гангрены, у меня сердце сжалось, потому что я как бы вышел на некий иероглиф тщеты.

Тщета как ужас.

Вы представьте себе: я же посадил их в зиндан, черный беспросветный зиндан, и один из них жрал другого. В принципе они были для меня как люди, которых я кинул в зиндан, и один из них убил другого и ел уже полусгнившего.

Для меня это стало большим сигналом. Многие вещи связались.

Я, например, очень любил ходить по мазорам. Я же был связан с Эшони Халифа, с тарикатом. Тарикаты стояли тогда за ИПВ, за оппозицию, в отличие от Северного Кавказа.

Я любил ходить по мазорам, потому что я искал реальной встречи со смертью. Мазор был для меня черной дырой, — человек, который там лежал, сконцентрировал свою смерть до такого сгущения, до такого ядра, что это стало некой точкой притяжения, неким смыслом. «Он» как отсутствие. И я пытался всё время войти с этим в контакт.

И вдруг — можно сказать, пока я плясал и прыгал с этими деревянными шашечками и сабельками, — как будто дядька подошел ко мне сзади, пока я скакал по песочнице, и страшным ударом биты выбил у меня сабельку, а потом дал мне такой подзатыльник, что у меня вылетела половина зубов.

Эти кузнецы меня встряхнули, и очень многие вещи соединились.

Много там было всего, прежде чем начался реальный процесс и меня «взяли на рыбалку».

Сначала же создалась Исламская партия возрождения, и еще никто не пикал на счет отдельной таджикской партии. Мы были всесоюзной партией. В ней было 130 тыс. человек. Самое смешное то, что из этих 130 тыс. 100 тыс. в Таджикистане, а 30 тыс. — на весь остальной Союз. Мы провели учредительный съезд в 1991 году в Астрахани. Я вошел в центральный совет.

А тут распад Союза.

Я, кстати, был приглашен Горбачёвым на третье сентября в Верховный Совет СССР после его освобождения из Фороса, я был гостевым депутатом, сидел в первом ряду, а передо мной сидели все двенадцать президентов.

Давлат тоже туда приехал.

Мы с ним столкнулись в кулуарах.

Он мне говорит:

— Ну всё. Наше дело в шляпе, в чалме. Мы уже обо всем договорились. В Таджикистане мы берем власть, нам ее отдают. И на всех парах несемся в светлое будущее. Только мы должны взять с собой «на рыбалку» Демократическую партию Таджикистана.

Я же был очень искренний человек, и я думал, что вот, это — братья.

Я им говорю:

— Вы что, охренели? Какую еще Демократическую партию Таджикистана? Кто это такие? Это же исмаилиты!

— Ну а какие тебе еще тут могут быть демократы? Только такие, только исмаилиты.

— Вы что! Их пятьсот человек в лучшем случае, а нас 100 тыс. членов партии. Как это их брать «на рыбалку», когда они вообще никто, звать никак, но при этом являются агентурой и пятой колонной Запада.

А таджики из ИПВ, между прочим, воспринимали всё под углом проигравшего ГКЧП и победившего «нового мышления». Они же «белым домом» называли желтый дом правительства в Душанбе.

И они говорили:

— Пойдем делать ГКЧП.

Они имели в виду под «делать ГКЧП» свержение коммунистов.

Где-то они в этом смысле попадали в десятку.

Мне сказали, что вопрос уже решен. Условием получения власти и суверенитета был альянс с демократами. Ну а что я мог сделать? Убить Давлата?

Он встречался с Ельциным. И мне он донес уже постфактум.

Прошло 3 сентября, и я поскакал с дикой скоростью к Ахмад-Кади Ахтаеву. Он приехал, остановился у меня на Болотниковской. Приехал и Абдулло Нури.

Мы приходим к Абдулло Нури, он сидит на кровати, поджав ноги.

Нехорошо вспоминать о мертвых непочтительно, но терпеть не могу стиль мусульманских мужиков, которые встречают тебя дома в кальсонах, белых рубашках, с огромными черными бородами. А кальсоны с пуговками, это вообще какой-то ужас.

И они начинают тереть, Ахмад-Кади Ахтаев и Абдулло Нури.

А там была такая идея, что Тураджонзода будет президентом.

Они говорили между собой по-арабски, потому что Абдулло Нури, как все образованные мусульмане, всю жизнь прожил в совке, но по-русски говорил очень плохо. Он говорил по-таджикски и по-арабски, а по-английски и по-русски примерно одинаково плохо.

Ахмад-Кади Ахтаев говорит:

— Ну как же так, это же гэбэшник, у него же вся семья — гэбэшники.

А Абдулло Нури отвечает, что вопрос уже решенный.

Три часа они терли с огромной интенсивностью.

Я помалкивал, потому что по-арабски я так тереть тогда не мог, но всё было ясно. Я понял, что за кулисами нашего ИПВ стоят масонские либеральные силы, новый Кремль, «рашка», которая рулит в полный рост.

Когда мы вышли от него, Ахмад-Кади мне говорит:

— Там будет сепаратистский съезд таджикского крыла ИПВ, и я посылаю тебя туда как моего личного представителя, своего зама и специального уполномоченного. Пригляди за процессом.

Ахмад-Кади был амиром партии.

Я поехал. Сидел в президиуме.

Давлат Усмон вел дело к тому, что Давлатназар Худоназаров должен стать президентом.

А дело в том, что Тураджонзода уже кончился к тому моменту. Тураджонзода выступил по телевидению и сказал,

что он не собирается идти в политику, потому что он человек, глубоко верующий в светское демократическое государство. И если он как религиозный деятель пойдет в политику и станет кем-то, то это будет уже не светское и не демократическое государство.

Тогда-то они и выдвинули Давлатназара Худоназарова, кинорежиссера и первого секретаря союза кинематографистов Таджикской ССР, очень довольные, что нашелся вот такой вариант.

Я обратился к Давлату и сказал, что хочу выступить.

Давлат меня спрашивает:

— О чём вы будете говорить?

— В принципе, это мое дело, о чём я буду говорить. Я представитель всесоюзной партии, я лично уполномочен амиром. За моей спиной 150 тысяч человек. И мне есть, что сказать.

— Хорошо. У вас есть семь минут.

Я выхожу и говорю:

— Это что же делается. В нашей исламской республике, где 99 % мусульман-суннитов, берут Давлатназара Худоназарова, представителя исмаилитской шпаны, которая живет с подачек Ага-хана. Ага-хан играет с Бушем-старшим и Бушем-младшим в гольф. Это масонерия высшего типа, связанная с Даджалом напрямую. Наш Таджикистан, связанный с Памиром, с выходом на такие духовные поля, о которых никто из здесь присутствующих даже и понятия не имеет, — вы хотите это сакральное пространство, эту мечеть под открытым небом превратить в площадку проявления Даджала? И авангардом этого проявления, комитетом по его встрече является банда исмаилитов.

Начался ропот. Возвратился я на место.

Давлат сидит красный и говорит мне зловещим рыком:

— Вы нарушили регламент.

Я ему отвечаю:

— Ничего подобного. Точно семь минут.

Он тут же взял слово и объявил о выдвижении Худоназарова.

Он, видимо, так испугался, что я сейчас этого Худоназарова уничтожу, что пошел его рекламировать: «великий кинематографист, признанный мировой общественностью, будет выдвигаться в президенты Таджикистана».

Тупые бородачи в тюбетейках заорали «Аллаху Акбар». Очень хотелось их всех пострелять. Они же тарикатчики — подчинялись абсолютной дисциплине. А за Абдулло Нури, за Химматзода стояли устазы, стояли шейхи. Перед ними обычная публика — мелочь, никто.

Уже в закрытом офисе, в штабе партии пошли рыдания.

К Химматзода ползли и вопили:

— Тахкир²⁴⁶, это позор! Нельзя Худоназарова избирать в президенты. Одумайтесь!

Тот отвечал:

— Да, надо подумать... Всё-таки надо избрать.

Короче говоря, решили избрать Худоназарова.

Я думаю:

— Ну ладно, я до вас, гады, еще доберусь! Всех постреляю!

Когда я вышел обедать в чайхану через улицу, на обратном пути на меня напала группа исмаилитской молодежи с железными палками. Это было неожиданно, и я бы, наверное, далеко не ушел. Но поблизости оказалась группа суннитских охранников съезда, которые обслуживали именно съезд. И меня отбили. Драка произошла сильная, но ран на мне не было. Я слинял в гостиницу ЦК, где я останавливался. Думаю, что да, надо быть поосмотрительнее.

И тут ко мне утром заваливаются три араба — египетские ихваны, гости съезда, египетские журналисты. И они говорят:

— Ахи Хайдер, мы знаем о твоей репутации. Мы наблюдаем очень внимательно, на тебя одна надежда. Сразу видно, что тут всё схвачено. Муртады и враги Ислама держат

²⁴⁶ Позор на таджикском.

в руках все нити. Мы знаем, что ты член Хартумского совета. У нас есть интервью с этой собакой-исмаилитом Худоназаровым. Наша партия купила газету «Аш-Шааб», это социалистическая газета. Мы сделали такой хитрый финт. От имени этой газеты «Аш-Шааб» мы приходим к Давлату Худоназарову...

А на дворе у нас 1991 год. Уже разбомбили Саддама, идет вовсю «Буря в пустыне». Я только вернулся из Германии. Ездил по ней туда-сюда автостопом и встречался с фашистами и с крайне правыми турками.

Они продолжают:

— ... Когда мы пришли к нему, он нас спросил, какого мы духа, из какой мы газеты. Мы ответили, что газета называется «Аш-Шааб», что это газета в духе Миттерана. Он ответил, что Миттерана знает, сразу раскрепостился, развязал узел на галстук и стал излагать свое видение. Что америкосы — это такие замечательные мальчики с Луны. Что-то вообще за-предельное. Что США — это полицейский и что так и должно быть, что США — это охранители цивилизации, общей универсальной цивилизации. Правильно, что рвут Саддама на части. В общем, у нас это интервью есть.

Я прихожу к Химматзода в штаб. Химматзода сидит в камуфляже. Это же настоящий деревенский устаз, за ним ходил какой-то деревенский тракторист с автоматом в качестве охранника. И говорю:

— Давлат Худоназаров должен снять свою кандидатуру.

Он онемел от удивления. Я говорю:

— Он должен снять свою кандидатуру, потому что он разоблачился.

— Как разоблачился?

— Он дал интервью.

— Ах он сволочь! Кто ему позволил! Почему не согласовано! Где это интервью?

— Оно есть, в надежном месте. Я распечатаю вам самые значные места и по всей улице вокруг штаба расклею прокламации.

— Мы, конечно, его снимем, раз такие дела. Ты подожди, он сейчас в Москве.

Через три дня он вернется, и мы поставим вопрос, он будет снят.

На следующий день Давлат уже был в Душанбе и объяснял по телевидению, что «да, я там высказался немного резко, что США — жандарм, который защищает цивилизацию».

Он заболтал тему, а все они были заодно.

Позже инициатива из их лапок целиком ушла, поднялся так называемый «народный фронт», «юрчики». Началась гражданская война. Я стал советником Давлата Усмона, советником по политическим вопросам, ездил на фронт пару раз.

И тут является кагэбшник, полковник Саидов. Полковник КГБ с Лубянки.

— Совесть чекиста и таджика и мусульманина не позволила мне спать спокойно. Письмо позвало в дорогу. Я приехал помогать в налаживании здесь, у братьев мусульман, службы безопасности, разведки и т. д.

Его грохнули в двух шагах от места этого разговора из РПГ-7. А день спустя я узнал, что это был родной племянник Тураджонзода.

Так с максимальной иллюстративностью проявилось, что таджикской ИПВ руководила советская гэбня. Племянника убили свои — те, кто не хотел Тураджонзоду. Какие-то внутренние разборки.

В газете «Завтра», или тогда еще «День», на две полосы вышла гигантская статья Шамиля Султанова «Кто убил Заурбека Саидова».

Дальше что бы я там ни делал, меня блокировали.

Мне говорили:

— Ты не таджик, тебе нашей крови не жалко. Мы должны принимать предложения к миру.

А я тем временем вышел на одного российского полковника, который командовал механизированным мотострелковым полком. Он говорит:

— За 100 тыс. долларов я раздавлю этот Народный фронт как бог черепаху.

Я говорю:

— Вот ты-то мне и нужен.

Прихожу в ставку и говорю:

— Есть еще честные русские офицеры. За 100 тыс. долларов он замочит кого хочешь. Предлагает замочить наших противников.

100 тыс. долларов было для нас просто ничто — там 40 миллионов в сейфе лежало. Они говорят — нет. Почему? Он обманет, возьмет деньги и ничего не сделает — что тогда?

Я скандалил так долго и убедительно, что меня вызвал Абдулладжанов, и. о. премьер-министра, и говорит:

— Республиканское правительство назначает тебя специальным уполномоченным в Баку, чтобы ты там для нас добыл нефтепродукты от 100 тысяч тонн и более.

Я говорю:

— Так нужны же деньги.

— Деньги есть.

— Но банковская система в масштабах СНГ же не работает.

— Есть нал. Зачем тебе банковская система?

— Но я же чемодан не повезу.

— Тебе и не надо чемодан везти. Ты езжай и договорись, а деньги тебе привезут.

Я же честный, а ведь мог взять миллион на раскрутку. Дали бы спокойно.

Я согласился и поехал в Баку. Мне дали бумагу, что я полномочный представитель.

Приезжаю. Прихожу в Совмин. Там гражданской войны нет, всё цивилизованно, всё жирное, толстозадое. Прихожу к Аббасу Аббасову, который занимался нефтянкой, и говорю:

— Я приехал из Таджикистана как представитель Исламского коалиционного демократического правительства.

- Подожди, так ты же азербайджанец.
- Ну да.
- А какое отношение ты имеешь к Таджикистану?
- Я имею отношение, потому что я являюсь одним из руководителей всесоюзной партии ИПВ. Я занят работой. Я советник вице-премьера.
- Ну, и что ты хотел?
- Нужно 100 тыс. тонн нефтепродуктов. Деньги есть.
- Да это вообще не вопрос. Только мы не знаем, что там есть какое-то исламское демократическое правительство. Мы думали, что там есть «Народный фронт» с Сангаком Сафаровым, и что это и есть правильное правительство.
- Да вы что, — возмущился я, — это же бандиты. Это Московская подняла и науськала, гэрэушники всякие. Мы — правильные.
- Ух ты. Вот ничего даже близко не слышал. Но мы и так должны в Бишкек лететь с делегацией. Обязательно сядем там у вас, посмотримся. А вопрос про 100 тыс. тонн нефтепродуктов считайте решенным.

- Вечером я звоню в Москву Гюле. И она говорит:
- Слушай, там вроде всех ваших свергли уже.
 - Как это свергли?
 - Ну так. По «Вестям» сказали, что вас свергли. Больше нет никакого исламо-демократического правительства.
 - Да ладно. Я только оттуда уехал, и там всё нормально было.
 - Ну, не знаю. «Вести» так сказали.
- У меня кошки заскребли на сердце. Утром прихожу как на работу в Совмин, к Аббасу Аббасову. И он мне говорит:
- С кем дело-то теперь иметь? Свергли вас.
 - Это какая-то ерунда, чушь. Не может этого быть.
 - Вот «вертушка»²⁴⁷, звони своему Давлату, выясняй, в чем дело.

²⁴⁷ «Вертушкой» назывались и называются телефоны спецсвязи для номенклатуры.

По этой «вертушке» я набираю номер, и там какой-то голос очень ернически, как какой-нибудь балтийский матрос, меня спрашивает:

— Че надо? Это кто?

Я понял, что происходит что-то страшное. Ничего не было понятно, но чувствовалось, что всё неправильно. Я положил трубку.

Аббас Аббасов мне говорит:

— Вот когда решишь вопрос о том, кто там власть, тогда и приходи. Будет тебе 100 тыс. тонн, и больше будет. А пока нам ничего не понятно.

Оказалось, что спикер парламента, сидевший всеми забытый в горах со своей группировкой, внезапно спустился с гор, атаковал и захватил Душанбе на три дня. Потом его выбили, и режим продолжался около месяца, пока не наступил полный крах.

Но пока еще ясности нет. Что же делать?

Я провалил задание, никаких 100 тыс. тонн не добыл. И я уехал из Баку в Хартум. Прилетел в Хартум к доктору Тураби²⁴⁸ и изложил ему ситуацию. Он, как обычно, сидел, осклизившись, и смотрел на небо.

Вернулся в Москву. И тут приезжает Давлат Усмон, в кожаном красивом пальто.

Говорит мне:

— Не возражаешь, если я пересажу у тебя на даче?

Я говорю:

— Не возражаю.

²⁴⁸ Хасан ат-Тураби (1932–2016) — мусульманский мыслитель и политик, влиял на президента Судана Омара аль-Башира в 1989–1998 годах, министр иностранных дел Судана и спикер парламента. Основал Хартумскую конференцию как постоянную площадку, объединявшую радикальные силы мусульманского мира. С 1999 года аль Башир стал преследовать Тураби за его несогласие с вечным президентством. Последовала отставка, домашний арест, в 2009–2011 годах тюремные сроки.

— Потом я улечу в Тегеран, просто хочу где-то пересидеть, чтобы по городу не светиться.

Он несколько дней у меня сидел.

Я говорю:

— Дай денег. Я собираюсь здесь заниматься делом, бабки нужны.

У него брат-бизнесмен занимался хлопком.

Они дали мне 20 млн. рублей. Это были небольшие деньги — тогда около 10 тыс. долларов. И я их отдал Эльшаду с наказом заняться бизнесом. Эльшад занялся: он на всё купил детских велосипедов с идеей, что детский велосипед нужен всегда. А потом начал их продавать по цене дешевле, чем купил. Я в тонкости не входил, чем он занят, иногда к нему приходил и брал, сколько мне нужно денег.

В какой-то момент он мне говорит:

— А денег больше нет.

— Как нет?

— Все велосипеды уже проданы.

— Проданы, и что? Где прибыль?

— Какая прибыль? Прибыли нет — главное бизнес, движуха.

Получился смешной вариант. При этом Эльшад обиделся на меня и ушел, хлопнув дверью и топнув ногой. Обвинил меня, что я сломал ему жизнь.

Я как-то Гюлю к Давлату Усмону послал за какими-то документами, и она приезжает домой в шоке и говорит:

— Он встретил меня в кальсонах!

Я говорю:

— Ну это обычное дело.

Давлат отказался от всех видов политической активности, ликвидировал свой аналитический центр, свернул всё, что у него было. По-моему, у него был какой-то амбар или склад.

Никаких сомнений, что он был связан с гэбней, принимая во внимание его послужной список. Он же здесь учился

в Дипломатической академии, которая возле Парка Культуры, приезжал сюда защищаться, постоянно ездил, что-то мне рассказывал такое.

Смешно я с ним встретился на очередной конференции в Хартуме. Конференция проходила в Хилтоне, и там же мы жили. Выхожу вниз в холл, а там сидит Давлат Усмон в своем любимом кожаном пальто и смотрит через просторное окошко на пыльную немощеную улицу. Я его спрашиваю:

— Ты что тут делаешь?

Он говорит:

— Краудфандингом занимаюсь.

— Это в каком смысле?

— Ну как же. Я же начальник штаба вооруженной оппозиции. Бабки-то нам нужны.

— Когда я уезжал, в сейфе было 40 млн. долларов. Ты же сам меня успокаивал, что деньги есть, если что. Где мой «стечкин»? (Когда я уезжал в Баку, я ему своей «стечкин» сдал, и он его на моих глазах положил в тот сейф).

— «Стечкин»... Ты думаешь, что деньги сохранились? Мы с такой скоростью бежали, что всё-всё бросили.

Эти люди провалили и сдали всё.

И тут у меня в Москве появляется Андрей Писарев и говорит:

— Я еще два года назад хотел на вас выйти и начать с вами делать религиозную программу. Но меня перехватил Дугин и заставил делать религиозную программу с ним. А про вас он сказал, что вы русофоб и едите с квасом русских детей.

— Да? Есть вещи повкуснее.

— Я тоже так думаю. Давайте сочиним хорошую программу.

И мы сочинили программу «Ныне». После нескольких передач я стал всенародно известен. После нее проблема денег на мою деятельность не стояла.

Каждому богатею, кто приходил, я говорил:

— Мы создали телевизионное окно для Ислама на Первом канале. Сейчас есть возможность получать эфирное

время за деньги — завтра, скорее всего, такой возможности уже не будет. Бабки на стол.

Мы всюду ездили, что-то удавалось, что-то нет. Много чего сделали.

Были в Иране, Судане, были в Италии.

1993 год. Во Флоренции мы сняли замечательный фильм. Назывался он «Съезд мусульманских организаций Италии во Флоренции». Я в президиуме с Клаудио Мутти. Для этих людей я лидер такого уровня, который им не снился — друг Тураби, участник гражданской войны, советник Давлата Усмона, близок с Ахмадом Хомейни.

Я им сказал:

— Теперь я приехал сюда, чтобы помочь вам провести съезд мусульманских организаций Италии. Но чтобы это было не просто «ля-ля», во-первых, я выдвигаю повестку дня, а во-вторых, я привез с собой команду с Первого канала России, бывшего всесоюзного канала, который смотрят от Владивостока до Кёнигсберга. Я их привез и буду делать передачу. Деньги на стол.

Они собрали, кряхтя и охая, но собрали.

Потрясающие были там встречи — начиналась война в Югославии, муфтий Боснии Церич, хороший парень, боснийские ребята как на подбор.

Потом пошла рутина.

Писарев — фигура своего века, своего поколения. Он мне сказал, что «наше поколение будет поколением победителей, мы можем всё». Сколько ему было тогда? Он 1967 года. Разговор наш был зимой 1994 у меня на даче в Валентиновке, и ему было тогда 27 лет. Через год он отказался от всех идей, посчитав, что его собственная машина передавила ему ноги в назидание — за его фильм о природе золота. Больше он идеями не интересовался.

Он, конечно, проиграл, потому что он задач никаких не ставил. Его задачей были бабки. Какие-то бабки, наверное, у него есть, но не те, каких он хотел.

История Исламского комитета началась с участием Тураби.

В 1995 году я через Баку поехал в Хартум на встречу с Тураби, и Тураби мне сказал:

— Лоббистской структуры нет вообще. Раньше хоть худо-бедно совок играл на противостоянии. Нужна хоть какая-то структура, которая могла бы хоть что-то вякать.

А я же всё-таки был на телевидении — что-то такое он себе представлял. И велел создать Исламский комитет в России.

Я создал Исламский комитет, куда вошли учредителями Абдурашид Дудаев, Бибарсов, еще кто-то.

Исламский комитет бесперебойно функционировал до 2001 года, когда я выступил с заявлением, что американцы сами взорвали свои башни-близнецы.

Тьерри Мейсан и прочие европейские и американские левые выступили позже.

Спустя неделю или две ко мне пришла налоговая инспекция.

Я говорю:

— Да шли бы вы отсюда! Вы знаете, кто у меня учредители? Вот, читайте!

А Дудаев Абдурашид был членом российского Совбеза и главой Совбеза Чечни. Да и вообще он был как бы «выпускающий редактор» старшего Ахмада-хаджи.

Говорю им:

— Тут такие люди у меня, вам ловить нечего. Так что до свиданья.

Весь разговор проходил на Мансуровском. После него налоговая инспекция провалилась бесследно в тартарары. И с тех пор никто не вякает и не появляется, а сколько лет прошло.

Август 1991. Настоящие и ненастоящие революции. Лубянка и ее метаморфозы

В августе 1991 года я не только был в Москве, но я конкретно участвовал в событиях следующим образом.

19 августа я приехал с дачи в Валентиновке. На Мансуровский я вошел около 12 часов. Я не знал про ГКЧП, ничего не слушал, на даче у меня не было телевизора, я не слушал радио, просто приехал и всё.

И вдруг звонок. Звонит наша подруга и говорит:

— Ну что, поздравляю, теперь вам крышка!

— Не понял, — говорю я, — вы о чем?

— Как о чем? Все ваши друзья теперь под колпаком, да и вам — конец.

— Да вы мне можете объяснить, о чем речь-то идет или нет?

— А вы что, не знаете?

— Не знаю, — говорю я.

— Сейчас ГКЧП, комитет по чрезвычайному положению, спасая советскую власть, взял на себя полноту полномочий, чтобы вас, гадов, к ногтю! Разваливали они Советский Союз! Всё, теперь не поиграешь!

— Подождите, а откуда такая злоба? Мы же друзья, мы же любим друг друга. Сколько лет мы вместе...

— Друзья-друзья, а кто вот частным промыслом занялся, кто «Таухид» зарегистрировал?

— Ну подождите, вы же тоже издательство зарегистрировали.

— Ну издательство. Короче говоря, всё, хана. Желаю жить и здравствовать.

Я обалдел. С ее слов я понял, что произошел переворот.

Звоню своей тогдашней помощнице Тане Титовой — была такая очень хорошая девушка — и говорю:

— Таня, вы в курсе?

— Да, вот что-то такое происходит.

— Давайте, встречаемся там-то и идем смотреть, что происходит.

Мы встретились, и я с ней пошел в азербайджанское представительство на улице Станиславского, теперь Леонтьевский переулок, за Телеграфом. Я туда довольно часто заходил. В этот период оно уже было практически реальным посольством.

Горбачев пустил танки на Баку в «черном январе» 1990: вошли войска, стреляли на поражение по балконам, по троллейбусам, устроили даве́ж сепаратизма. 130 человек убили, потом началась оккупация. Везиров²⁴⁹ бежал.

Я вошел в комитет «Карабах», тайный штаб которого располагался в представительстве Азербайджана, и для него издавал газету «Ümid» («Надежда»), ее печатали в Москве и тайно перевозили в Баку и там распространяли. Писал туда статьи.

Прихожу, а люди уже собираются жечь бумаги и документы и ожидают штурма. Все на ушах. Здание огромное, люди в охренении, что всё — лафа скоро кончится.

В центре зал, как бы гостиная, и там все собрались — вроде того, что надо срочно уничтожить документы, диппочту.

Я говорю:

— Подождите-подождите, давайте я сделаю так: давайте я выйду в город, посмотрю, что происходит, потом вернусь и вам скажу. Надо понять.

— Ну иди, — мне говорят.

Мы с Таней вышли, пошли по Тверской и увидели людей, которые с мегафонами собирали толпу для протеста против ГКЧП. Уже было около часа дня. Собирался марш.

²⁴⁹ Абдул-Рахман Халил оглы Везиров (род. 1930) — первый секретарь ЦК компартии Азербайджана в 1988–1990 годах.

Смотрю, а менты не вмешиваются.

Я говорю Тане:

— Таня, это какая-то хрень. Чтобы совковые менты не вмешивались, когда против ГКЧП, который позиционировал себя как официальная власть, собиралась демонстрация? Это очень подозрительно.

Мы решили встать в строй и пойти вместе с демонстрацией. Встали и пошли.

Набирающая силу громадная колонна дошла до Белого дома, и мы вместе с ней. Было два часа. Начали собирать материал для баррикад — остовы железных кроватей, мусор. Я ничего не собирал, просто следил за всем.

Где-то Зюганов появлялся, где-то Глеб Якунин, Бабурин. Люди общались, делились впечатлениями.

Смотрю, на мосту показался бронетранспортер. Толпа сразу заволновалась, что вот-де, танки. Но бронетранспортер как появился, так и назад уехал. Я посмотрел на баррикады, на бронетранспортер, который показал носик, и говорю Тане:

— Тань, ну вы поняли, да? Это полная хрень, провокация, ГКЧП — это чистая разводка: всех, кто поддержит ГКЧП, заметут, это переворот. После ГКЧП — всё, совку хана.

К семи часам, когда уже слегка стемнело, я пошел к автомату и позвонил Мелентьевой и говорю:

— Наташа, вы знаете, я как раз нахожусь там, где всё происходит, я всё видел своими глазами и советую вам Сашу не пускать ни в какие авантюры, потому что кто высунется — тому по башке.

— Саша, между прочим, с утра на улице агитирует войска, раздает листовки солдатам.

— Ну срочно отзовите его каким-то образом, потому что это может для него очень хреново кончиться. Всё лажа, никакого ГКЧП нет. Те, кто вылезут, — получают по мозгам.

В ответ что-то нечленораздельное.

Я всё сказал, что хотел, и положил трубку.

— Ну, Таня, — говорю, — давайте по домам, уже всё ясно. Суду всё ясно, это чистая провокация, за ней последует расправа над осколками недобитого совка.

20 августа, на следующий день, я позвонил Саше, и он взял трубку.

— Ну, Саша, ты что-то понял? Какое твое мнение?

Он начал проклинать матерно русский народ: это быдло, просто твари и так далее.

Ну, понятно, эмоции ясны, ладно.

Насколько я знаю, были какие-то обыски: у Проханова что-то искали, но ничего серьезного — по крайней мере, на известном мне уровне.

21 августа уже было понятно, что всё кончилось, началось прославление Комаря и двух других, кого раздавил бронетранспортер. И всё закончилось.

ГКЧП поехали в какой-то момент в Форос к Горбачеву, который якобы там был пленен. Горбачев сказал что-то вроде: «Ах вы, гады такие, пленять меня!» Ну, они, перемигиваясь и переминаясь, сняли шляпы. Потом их всех арестовали, когда приехал Горбачев. Было понятно, что он просто поставил их на хозяйство, чтобы они совершили без него переворот, а потом он планировал их всех посадить как антидемократов. А он хотел что: чтобы они в ходе своего ГКЧП замочили Ельцина и всех демократов, потом бы он вернулся, всех посадил и начал быть уже хорошим президентом СССР без всяких Ельциных. Но, видимо, он был совсем тяжелый дурачок, не понимающий. Гэкачеписты понимали, что им просто навязали идиотскую ситуацию, в которой они не получали ничего, потому что в конце их по-любому сажали. Если бы они взялись за дело круто, Горбачев бы их всё равно посадил, чтобы остаться в глазах мирового сообщества белым и пушистым. Они это осознавали, поэтому у них тряслись руки, дрожали голоса, падали очки на пол, и всё это выглядело жалко.

Но Саша был такой простой, наивный, раздавал какие-то прокламации.

Ничто настоящим не было. Люди, пришедшие к Белому дому, были там всю ночь и верили свято, что своими грудями могут закрыть подход к Белому дому... Это смешно — не то что реальный танк, а просто легкая разведывательная бронемашина прошла бы через них, не заметив.

На Тяньаньмэнь²⁵⁰ в 1989 расстреляли всех. Но на Тяньаньмэнь вышли другие люди. Они не баррикады строили из железных кроватей, они жгли танки, уничтожали солдат. Там солдат со снятой шкурой распяли на мосту. Правда, на каждого убитого солдата погибло 10, а может 20 студентов, но солдат они тоже замочили под тысячу.

Демократы, которые в Москве жгли костры, испытывали чувства. Они испытывали их по поводу фиктивной, постановочной ситуации. Был ли в этом толк? Это всё равно что спросить: зритель напрасно испытывает в театре свои чувства по поводу короля Лира?

В феврале и в октябре 1917 разные люди делали революцию, но всё было настоящее. А тут задействовали массовку.

В 1993 году была настоящая улица. А вот что касается Верховного совета... Наверное, там были идиоты, игравшие всерьёз, но вся верхушка Верховного совета — предатели.

Они же принимали законы и приговаривали к смерти людей. Сами по себе решения, которые Верховный совет принимал — убрать Пашу Грачева, назначить вместо него Вареникова, убрать того, назначить этого.

Паша Грачев был готов перейти на сторону Верховного Совета, но, когда он узнал, что его сняли и приговорили заочно к расстрелу, у него не оказалось другого выхода, кроме как лечь под Ельцина. Если бы не идиотизм, то Паша Грачев арестовал бы Ельцина.

У Верховного совета были козыри на руках: по конституции Верховный совет стоял над президентом. Вся система советов поддержала Верховный совет — от него по областям, по городам шла вниз елка власти. А это депутаты, общественность, гражданское общество, последний совет, последняя связь с народной традицией.

²⁵⁰ На площади Тяньаньмэнь в Пекине с 15 апреля по 4 июня 1989 были жестоко подавлены студенческие протесты. По данным властей, убиты 241 гражданских. По данным разведки НАТО, убиты 6 тысяч гражданских и 1000 солдат.

Севастьянов, который возглавил спецслужбы, являлся явным представителем Лубянки в Верховном Совете. Он ходил на Лубянку из осажденного Верховного Совета, на час скрывался внутри здания, потом выходил оттуда и грозил, отступая, кулаком со словами «Ну гады, мы сюда еще вернемся». И уходил в Верховный Совет.

А Руцкой? Руцкой, что ли, не был предателем?

Ленин в 1917 был настоящим, а Хасбулатов с Руцким в 1993 — не были.

Как мы знаем сегодня, в 1991 году на Лубянке на уровне верхних этажей сидели снайперы и пулеметчики, готовые расстреливать тех, кто валили Дзержинского, и готовые физически держать оборону этого здания, страхового общества «Россия». И они могли вмешаться, готовились к тому, что их будут штурмовать. Готовились стрелять.

Никто не вошел в это здание, никто даже близко не подошел. Там стальные ворота, автоматчики. Памятник был недалеко от здания, в центре площади. А из окон и с крыши на них смотрели стволы.

Ликвидация памятника Дзержинскому стала символическим ходом.

Ельцин пришел к власти — партия победила органы. Вот она и сняла эту статую как символ своей победы. Но пьяная массовка ничего не могла понять, ведь схлестка шла на совершенно другом уровне.

К власти пришли партийные референты. А органы окопались на Лубянке и ждали, когда по их душу придут. Они готовы были дорого продать свою шкуру.

В последующие несколько лет было уничтожено Первое главное управление, которое работало на границу. Куча людей сбежала. Генералы, полковники открывали сейфы, брали личные дела агентов (самое же ценное — это агенты, агентурная сеть), что-то продавали, что-то пытались использовать. Забирали дела агентов и внешних, и внутренних. Каждый агент — на вес золота. Всё было продано или реализовано иным образом.

Ко времени Бакатина большую часть уже уничтожили, органы замели целиком. Все старые убежали. Кто-то спрятался в Австралии, кто-то в Восточном Тиморе. У них же были серьезные заначки для иностранных коммунистов — то самое «золото партии». И по их следу шли разные силы. Например, северокорейская разведка сильно проредила оперативную структуру. Они тоже охотились за этими заначками.

Взять несколько тонн золота и бриллиантов — плохо, что ли? Заначки же делались в золоте, бриллиантах, в крайнем случае в долларах. В основном они старались оставлять неидентифицируемые заначки. Не картину же Рафаэля, а золото.

Как греческая или тунисская компартия получали финансирование? В подвале полуразрушенной мечети, в каком-нибудь городе Фес делался тайник. Доверенные люди туда делали закладки, оттуда потом их брали и тратили на подготовку людей, на то, чтобы поставлять оружие палестинцам и всё такое.

А когда всё стало разваливаться, те, у кого были данные по этим закладкам, побежали их присваивать. Ими и ЦРУ занималось, и северные корейцы, и мафии — они же знали про это.

Человек мог взять закладки, поменять имя, потом еще сменить несколько личностей и сидеть в Новой Зеландии. До него добирались, допустим, в 1997 году, приходили по его душу. А у него какая-нибудь скромненькая виллочка на берегу моря в зелени и виноградных лозах. Но вдруг раз, и северокорейские товарищи через забор сигают.

Кэгэбэшники-то разбежались просто как тараканы, потому что страна сказала: «Товарищи, благодарим за службу. Временно родина в вас не нуждается». Раз не нуждается, то — ребята, набивай карманы. Карлос Ильич Рамирес Санчес — другое дело. Он служил не мифической родине, а вечной идее, и его сдали проклятые суданцы.

К 1994 году всё уже было кончено. Там же никто из старого КГБ не остался, они все вычищены. Берешь какого-нибудь

генерала — до 1991 года он дотянул, и так с каждым. Максимум — до 1993, если не очень высокое звание. Но всё — дальше уже другие люди.

Сейчас возникла новая формация. Они себя отстраивали заново.

Вот Путин. Считается, что он представитель органов. А он по-хитрому очень, у него же цезура по времени в карьере, он же вышел из органов до 1991 года. А если бы он там задержался, то ничего бы ему не светило. Более того, его бы еще и прихватили на измене родине.

Новых 90-х, таких волшебных, уже не будет. Будет по-христиански — inferнально. Будет в рубищах, с язвами, в которых копошатся черви.

Наш кризис – лаборатория кризиса. Кризис человека. Кто <<вата>>?

Есть замечательный рассказ Сорокина про ватник²⁵¹. После 90-х к тому же и общекультурный уровень населения очень упал.

Пространство наше было очень интересным в том смысле, что это была максимальная антивата, которую только можно представить.

Когда становишься «анти»,ходишь в это пространство, возникает предельное напряжение оппозиционных полюсов.

Это очень большой иероглиф, очень серьезный. В принципе, если исследовать схемы и культурные паттерны, которые жили в нашей среде, я бы сказал, что это энциклопедия пост-постмодерна.

Смысл всего, о чём мы говорим, в том, что в определенное время в определенном месте существовала предельная концентрация человеческой драмы, диалектики человеческой драмы, человеческой экзистенции.

Я для себя в свое время это сформулировал так.

Кризис человека идет очень давно. Есть три аспекта этого кризиса: антропологический кризис человека, кризис разума как кризис описания, и кризис общества.

Кризис человека — наиболее важный и наиболее интересный, потому что человек выстроен на системе безусловного внутреннего противоречия. Он является носителем языка, который необходимо содержит в себе финалистские прозрения, финалистские смыслы.

Вместе с тем юдоль человеческого состояния...

²⁵¹ Рассказ Владимира Сорокина «Ватник» 1978 года.

Человек обладает некой частицей в себе, которая делает его виртуальным оппозиционером всему сущему. При этом он является куском этого сущего. Не в том смысле, как Достоевский говорит «здесь дьявол с Богом борется»²⁵², потому что у человека нет никакого Бога, его Бог — Бытие, а Бытие на деле и есть дьявол.

Страшная ложь человека заключается в том, что это внутреннее, оппозиционные конфликты одного и того же.

Представьте себе воду, которая имеет три агрегатных состояния: лед, вода и пар. Это же одно и то же, но условно будем считать, что лед — вещество, материя, пар — дух, а жидкое состояние — диалектическая связь такой феноменологии, в которой прокручиваются разные состояния. Но всё это одно и то же.

Человек не может вырваться за пределы этого треугольника, потому что если он обращается к духу, то он по необходимости обращается к третьему агрегатному состоянию — условно говоря, к пару. Значит, ситуация тупиковая — либо лед, либо пар.

Есть такая оккультная вещь — тернер и кватернер. Тернер — это треугольник, фигура с тремя углами. Как из нее получается кватернер, фигура из четырех углов? Вы берете этот треугольник и подносите его перпендикулярно к поверхности зеркала, и он отбрасывает отражение, и мы получаем квадрат.

Мы берем три состояния воды — пар, лед и воду — и подносим к зеркалу. У нас получается новое состояние. Это состояние не активное, но виртуальное, иллюзорное. Это иллюзорная оппозиция всему целому, но человек понимает, что что-то есть.

Она иллюзорна, но человек понимает, что что-то есть. Даже не так. Человек чувствует, что он погружен в чистый фальсификат. Он кружится в трех состояниях, но не может схватить четвертое, потому что четвертое состояние выводит его на другую плоскость, на другой уровень.

Кризис человека заключается в том, что он становится заложником абсолютной лжи. Он думает, что это дух, или что

²⁵² Цитата из «Братьев Карамазовых» Достоевского.

это вещество, или что это разум, но всё — субстанция. Что такое субстанция? Это некая протяженность, объемлющая субстанция. Материя — это субстанция, множество — это субстанция.

Не субстанция, эссенция — точка, которая противостоит гомогенной бесконечности. Человек не может ее схватить, не может ее контролировать. Он может подозревать о ней. При этом его борьба с подозрениями или зависимость от этих подозрений составляет борьбу на равном месте. Это миф о Сизифе, который постоянно толкает вверх камень. Он возгоняет воду из состояния льда до состояния пара. Потом всё опять скатывается до состояния льда. Это идет и идет, и не имеет шансов на прорыв. Это кризис, кризис человека.

Дальше еще интереснее. Нам удалось ввести максимальную концентрацию метафизического кризиса в реальном пространстве вокруг себя, в нас самих. Мы создали это пространство как лабораторию исследования кризиса человека.

Это пространство — это суперконцентрация кризиса как главной проблемы человеческой реальности.

В чем состоит сам кризис? Фундаментальная взрывная неадекватность — дважды два — пять, или дважды два — три. Человек не равен самому себе... Но это была бы пошлая и банальная мысль, если бы она произносилась с позитивным акцентом в том смысле, что человек — это то, что перешагивает через себя, человек — это то, что преодолевает себя, человек — это то, что звучит гордо.

Суть кризиса в том, что это палец, повернутый к земле, то есть это смерть человека. Я вижу эту диалектику как трехходовку.

Федор Михалыч Достоевский создает пространство, в котором Кириллов говорит «умрем и будем как боги». Ницше говорит: «Бог умер», и это ответ Достоевскому. А мы говорим: «Человек умер. Там, где умирает человек, там начинается Бог». Смерть человека, реальная смерть человека — это очевидное полагание божественного как божественного, вне контекста встречи.

Любой мистик исходит из того, что божественное — результат встречи совершенного с несовершенным. Но в данном

случае нам не нужна эта ситуация, не нужна встреча, не нужна главная программа искупления.

Сущность религиозной мистики заключается в следующем: совершенное, которое ни в чем не нуждается, которое безусловно включает в себя всё, завершает всё, является равновесием всех смыслов, всех направлений, казалось бы, и есть божественное, — но это не так. Божественным является то, что несовершенство принято совершенством как равноправная пара. Иными словами, Бог невозможен без «брачного союза» совершенства и несовершенства. Несовершенство принято в этот союз.

Религиозный мистицизм, основанный на этих объятиях, на создании «брачного союза» — ложь, абсолютная ложь. То, что религиозные мистики называют богом, возникновением божественного — это мельтешение в отхожей яме Бытия, это антидух, антимысль, антипроречение. Вот именно поэтому все эти аятоллы говорят: «Если Друг сделает так, как я хочу, то мы пожелаем жаркое пламя и соломенную циновку».

Идея замыкания до полного цикла, замыкания до полноты, последняя тайна заключается в том, что совершенство становится истинным совершенством только тогда, когда оно дополняется несовершенством как отдельной реальностью, без которой несовершенство бессмысленно. Это краеугольный камень, отброшенный строителями за ненужность, но именно он ложится в основание купола — ключом, замыкающим купол. Эта неправильная форма, на которой купол стоит.

Вся суть религиозного мистицизма состоит в том, что несовершенство является необходимым дополнением для совершенного. Совершенное без несовершенного — ничто. Бог — это неразмыкаемый союз совершенного и несовершенного. В этом суть христианства, суть обожения, суть всего.

А мы говорим, что всё это ложь. Потому что вся идея совершенного и несовершенного, их диалектика, их глорификация через возгонку того и другого — полная фальшь.

Человек должен умереть. Но не в смысле Ницше — не для того, чтобы родился сверхчеловек. Он должен умереть

для того, чтобы освободить свое сознание как точку оппозиции всему.

Реально, когда человек умирает, с этого начинается Бог. Но не в смысле религиозных мистиков, которые мыслят в категориях совершенной полноты, несовершенства и т. д. Бог, понятый как то, что творит для того, чтобы показать, что всё, что есть, что всё, что сотворено, является выражением его сокрытости. То есть это противоположная идея тому, что всё вокруг нас свидетельствует о Боге. Что птички чирикают и возносят ему хвалу, змеи шелестят раздвоенным язычком и возносят ему хвалу.

Есть триптих — смерть, сознание, невозможность, — вот антитеза Бытию. Этот триптих — одно и то же, просто разные аспекты.

Смерть — та бездна невозможного, которая находится за пределами возможности постановки вопроса о ней.

Искра этой смерти, которую человек носит, пока жив, есть сознание как точка оппозиции всему, точка несовпадения ни с чем. Благодаря сознанию человек может свидетельствовать. Свидетельствование и есть несовпадение оппозиций, чистое несовпадение. Martiris — это «мученик», шахид — это «свидетель», и в то же время это «мученик», свидетель и мученик одновременно.

Почему так происходит? Потому что сознание — это рана, источник боли для Бытия, травма. И бытие непрерывно стремится травму залечить, залить бальзамом.

Это происходит на всех уровнях, начиная от простого ханыги в среднерусском городке и кончая золотой молодежью потерянных поколений.

Всё построено на эскапизме, люди хотят бежать от травмы сознания.

А мы создали абсолютную концентрацию противоположного. Идти в травму сознания, раскрыть тайну сознания как предельное состояние. Сознание как травма, как невероятный источник боли.

«Там, где мы, там всегда центр Ада» — говорил Женя.

Именно этот акцент делал всё таким значимым и важным, и Нимфетку, и Попова, кого угодно. Все становились участниками мистерии. Все принадлежали к очень специальному кругу. Например, ты смотришь на Нимфетку и видишь, что девушка пошла по плохой дорожке. Красивая, нежная, но гопница. А ведь она — невестка крупного советского писателя, писавшего о сопротивлении японцам на Дальнем Востоке, «Сердце Бонивура». Довольно мистическая вещь, кстати говоря. Кого ни возьми — все участники были кто-то, на очень высоком-высоком уровне.

Конечно, несколько человек составляли ядро, эксклюзив — Мамлеев, Головин, я, возможно в какой-то мере, и Степанов. Но дальше шли уже десятки людей. Они появлялись и исчезали как тени, но у каждого из них была своя миссия и своя роль. Арлекин, Панталоне, Коломбина.

Главное, что следует понять: мы превратили концепцию кризиса в непосредственный источник энергии. Мы топили этим кризисом наши энергетические механизмы.

Открытие Жени: «внешний мир воспринимается как удар».

Он пошел по квартирам и звонил в каждую дверь. Когда ему открывал какой-нибудь подсвинок в трениках, он сразу бил его в рожу, говоря: «Внешний мир должен восприниматься как удар».

Мамлеев, который создал максимально деструктивное, инфернальное пространство, побывав в Штатах, превратился в китчевого, карикатурного своего персонажа. Он стал Куротрупом и на себе замкнул взаимоисключающие вещи. Мамлеев не справился с этой задачей в Штатах, потому что рационализм и прагматизм Штатов оказался сильнее, чем борьба за кризис. Борьба за кризис во имя кризиса.

Находиться в потоке, в потоке некоего делания, и взорвать это можно, только если ты реально знаешь всё про кризис и стремишься к тому, чтобы это взорвать. А Мамлеев был пассивным инструментом кризиса. Кризис его использовал. Он не мог им владеть, не мог интернировать ситуацию. И поэтому он почувствовал, что весь его набор ценностей, вообще

набор ценностей — глубоко фальшивая идея и ничего не стоит перед Америкой. Там он оказался никому не нужен.

Если ему сказать: «Юрий Витальевич, так вы же никому не нужны», он разведет руками, споткнется: «Как никому не нужен?» Он думал, что на нём свет клином сошелся, а ему говорят, что он никому не нужен, что всё это полная ерунда. Тупик.

Юра инстинктивно создавал как медиумичный творец, и он хотел за это получить. С определенного момента он хотел быть бенефициаром собственного таланта. Но он же мне сам говорил: «Мне уже 40, а где же перспективы? Я пишу, пишу, и всё в стол. Перспектив нет, здесь реализоваться я не могу». Он хотел получать социальную отдачу.

Если всё свести к вульгарному эквиваленту, то — да, он хотел, чтобы ему платили, и даже не столько бабки, потому что он воспитан в советской аскезе. Он хотел славы и влияния. Он хотел быть мэтром. Его «я» должно было стать краеугольным камнем действительности не для одного него, а вообще на этом камне должна была воздвигаться церковь. А когда он приехал в Америку, все эти идеи обнаружили свою неадекватную сторону.

Он не справился с ситуацией. Он даже не мог ее описать, не мог дать адекватный расклад. Не мог объяснить, с какими картами он сел играть. Он садится за карточный стол — идет раздача карт, и ему что-то раздают, но он не знает, в какую игру сейчас будут играть. Может, подкидной, может, покер...

Рассказывали, что он преподавал русскую литературу в университете. Когда я это ему изложил, он пронзительно генисто захохотал и воскликнул:

— Дарюша! Да кто же мне позволит преподавать русскую литературу! Ведь они ее смертельно боятся и прячут.

Я говорю:

— Юрий Витальевич, а вот мне рассказывали, что вас вынудили преподавать ненавидимого вами Есенина.

И тут я услышал такое, от чего у меня глаза на лоб полезли.

— Есенина? Да я преклоняюсь перед Есениным! Есенин — это концентрация вечной России! Россия — Вечная!

И дальше пошли заезженные образы типа березок и ромашек.

И я ему говорю:

— Юрочка, ну я же помню, как вы издевались над всем этим.

Но он даже не хотел меня слушать. У него произошла катастрофическая аберрация. Произошла перезагрузка.

Мамлеев — в Южинском центровая фигура — мне кажется, после Америки просто перестал соображать. Он не стал «ватой» в том смысле, который мы сейчас в это вкладываем, он не стал человеком, сознательно вставшим на позиции гадости, зная при этом, что он стоит на позиции гадости. Мамлеев просто спятил. Он написал «Россия вечная» с березками — а он же ненавидел это, он был не просто анти-советчик, он был русофоб. Когда он начинает писать или излагать какие-то ватные бредни с ссылками на Есенина, это просто невозможно слушать.

Версию, что Есенина убили чекисты, я, к слову, не ставлю под сомнение. Для меня было достаточно увидеть его гипсовую маску. Я всегда на этой платформе стоял.

Но я не считаю Мамлеева примером обращения в «вату», потому что у него просто произошел сдвиг, он сломался.

Есть сознательные ватники. И думают про себя: да, я — ватник.

Вряд ли они считают себя подонками, но они понимают, что да, вот мы — гады, мы будем сейчас всех ставить «на понятки».

Фуад Аббасов в какой-то передаче сказал по поводу сбитого турками Су-24:

— Ну вы же пролетели над территорией Турции.

На что ему то ли Багдасаров, то ли сам Толстой ответил:

— Ну и что? Это же всего-навсего региональная страна! Подумаешь, пролетели.

В этом смысле они, конечно, сознательно стоят на платформе подоношности. Только они не считают, что это подоношность.

Мамлеев абсолютно другой, потому что он просто нес бред. Какая «вечная Россия»?

После своего приезда из Америки он мне как-то сказал:

— Я бы очень хотел перенести Россию на Луну. Чтобы была только одна Россия, и больше никаких других стран.

Он сказал это очень задумчиво, очень честно. Мы сидели около какого-то пруда.

— Очень жаль, что мы существуем в пространстве, где есть еще кто-то. Я хочу, чтобы Россия была на Луне.

Мамлеев не тот человек, который искал навар. С ним произошло некое перерождение. Он приехал в 1989, когда еще формально не наступил конец советской власти. И заявил, что Красная армия защищает штыками мир от американского империализма.

Я ему говорю:

— Да что вы, Юрочка. Вы опоздали. Уже нет никакой Красной армии, нет штыков.

— Нет, нет, вы ошибаетесь!

Но иногда из него вырывались такие вещи:

— Вы знаете, почему либерализм никогда не победит в России? Потому что наш народ слишком глуп, чтобы усвоить западный паттерн. Они будут нам втолковывать-втолковывать, а русские же — идиоты, они никогда не поймут, о чем им толкуют.

После возвращения стало понятно, что он уже ничего стоящего не сможет написать. Невозможно читать, что он в Америке писал, а то, что после — и подавно. Какая-то самопародия, самоповтор. Мертвый материал.

Это один вариант.

Женя бравировал неким аполитизмом. Он умер, прожив много лет при нынешней власти после 1991 года²⁵³.

²⁵³ Евгений Головин умер 29 октября 2010 года.

Степанов тоже не стал «ватой», он не так давно умер.

Дугину в 1974 году, когда Мамлеев уехал, было 12 лет. Я с ним познакомился в 1980-м, когда ему было 18. Конечно, он был антисоветчик, антигуманист, писал песни и стихи с проклятиями в адрес совка.

А вот Дуда... Дудинский всегда был циником. Циник и игрок. Он играл. Сейчас у него замечательная роль. Он пресс-секретарь Васильевой, любовницы Сердюкова, распродавшей вместе с Сердюковым министерство обороны. Ему нравится: считает ее забавной теткой. Написал ей очередное выступление на суде.

Он образованный человек. Дуда еще и очень талантливый парень. Может быть, для стеба написал ей стихи «Пусть богатые будут богаче», это он мог.

Я его как-то встретил в переулках. Довольный, веселый, поделился, что идет на презентацию новой книги по сатанизму в квартире Булгакова. Посетовал, что денег стали меньше платить.

Этот человек может что угодно писать, вести свою линию. То, что он «вата» — это несерьезно.

Всё. Больше никого нельзя привести из тех, кто жив. А умершие — никто не «вата».

Такой эпизод. В Новом университете сидят Дугин, Мамлеев, Головин, и Мамлеев начинает что-то шелестеть про Россию вечную, что-то бормочет. Женя его обрывает и говорит, что ему вообще-то на эту Россию наплевать. Это есть на видео.

Головин — наиболее яркая фигура, но он же не единственный. Были еще Провоторов, Алексей Смирнов²⁵⁴.

Смирнов — уникальный тип, яркий, инфернальный барин, художник, реставрировавший церкви, писал замечательнейшие картины. Например, «Завтрак железнодорожника». Сидит классическая рабочая семья: дети, хозяин перед

²⁵⁴ Алексей Смирнов (фон Раух) (1937–2009) — до середины 1970-х художник, литератор. В СССР не печатался и не выставлялся. Основатель магического символизма. Его мемуары «Полное и окончательное безобразие» изданы после его смерти в 2015 году.

уходом на работу. Всё четко и классно написано, только у хозяина растет цветок из-за уха, а перед ним на блюде лежит нарезанный, как селедка, Христос.

Алеша Смирнов всегда одевался с иголки, в костюме с запонками. И папаша его тоже был художник, причем академик. И когда Алёша окончил Суриковский, они встретились в мастерской, и, кажется, свидетелем этого был Женя.

Отец сказал ему:

— Ну что же, Алексей. Наконец-то ты окончил институт. В знак моей отцовской признательности я приготовил тебе маленький подарок.

И после этого отец надел ему на руку золотые часы, потом обнял его, приблизил к себе и укусил за ухо. После этого Алексей вцепился в отца, и они, рыча и царапаясь, как два кота, покатались по полу.

Кто-то конформистски понял, что стать наследником Южинского — беспроектный вариант, золотая монета, что надо сесть на это наследие, объявить его своим, и быть просто его директором-распорядителем.

*Артур Медведев. <<Волшебная гора>>.
О красоте, розе, Мамико и христианстве*

Эзотерический журнал «Волшебная гора»²⁵⁵ вел Артур Медведев. Я его давно знал. Он появлялся в фильме о «русских мальчиках» (1997 года), правда, он там молчал. Еще сидел Болдырев²⁵⁶, в то время постоянный гость в Валентиновке, философ, аспирант философского факультета. Все должны были выступать в качестве «русских мальчиков», но выступал в основном он. Сидел Максим, мама моя, Гюля. Посреди стола невероятный чайник с позолотой, самовар. Нелли Шевченко²⁵⁷ со специальной командой заправляла всем процессом, фильм снимался для «Москвы-24».

Артур был очень больной человек с мешками под глазами. У него было слабое здоровье. Как-то мы обсуждали какой-то вопрос перед центральным входом в Парк культуры на Кольцевой, он принес мне номеров десять своего журнала. Когда мы с ним говорили, я заметил, что у него очень трясутся руки.

Но он являлся фанатом чистого оккультного знания, причем бескорыстно служащий ему. И он издавал этот журнал. Сам при этом туда он ничего не писал, да и говорить связно по смыслу он практически не мог. Но он служил.

²⁵⁵ В VI номере «Волшебной горы» в 1997 году впервые после самиздата была издана «Ориентация — Север».

²⁵⁶ Алексей Болдырев — в настоящее время доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ.

²⁵⁷ Нелли Филипповна Шевченко — известный телевизионный режиссер, работала на ТВ с 1960-х годов, в том числе делала программы Гейдара Джемалы «Ныне», еженедельные программы митрополита Кирилла и другие.

У Артура был спонсор. Этот спонсор варил асфальт и заливал этим асфальтом Москву, от лишних денег отстегивал что-то на «Волшебную гору».

Папаша Медведева, капитан 1-го ранга, гэрэушник в военно-морской форме, член Союза писателей, писал стихи, — стихи соответствующие. Как всегда такие полковники и капитаны первого ранга пишут о родине.

И вот Мария Мамыко, окончившая Симферопольский университет и искавшая, как жить дальше. Ее мать была пресс-секретарь Грача²⁵⁸.

Она пишет Медведеву-старшему письмо, что ничего прекраснее и круче, чем его стихи, она не встречала.

Она со мной от радости парит,
Грустит порой и плачет между делом,
Но знаю, никуда не улетит
Моя душа, обмотанная телом.

Да, такой псевдопушкинский треш, «душа, обмотанная телом», — это хорошо, сразу нам напоминает о том, что он был сапог, что-то с портянками связанное.

Мамыко пишет письмо Михаилу Медведеву, что она просто сметена, ничего лучше никогда не читала. Что она прошла лучший в мире, входящий в пятерку, Симферопольский университет, но там даже близко ее не познакомили с такими невероятными образцами. Я даже знаю Самойлова и Межирова, пишет Мария, но это круче.

И он приглашает ее приехать. Наверное, думает: «Дай-ка женюсь на молоденькой».

Она приезжает и, естественно, кладет глаз на Артурчика, который женат на очень красивой девушке-художнице, но домашней девочке. Считалось, что она не поддерживала своего господина в его идеях общественных занятий, бормочет о дурацком очаге и о какой-то приватной жизни. А ему нужно было, чтобы его жена помогала ему с «Волшебной горой».

²⁵⁸ Леонид Грач — в 1998–2002 председатель Верховного совета Крыма в составе Украины.

И когда появилась Мамыко, художнице дали пинка под зад, она со свистом улетела, а Мамыко взяли на роль жены. Потому что, как объяснял мне трясущийся Медведев, Мамыко — идеалистка, она служит духу, она не интересуется кастрюлями. А предыдущая интересовалась кастрюлями, поэтому пришлось усовершенствовать реальность, «тикун олам»²⁵⁹.

Появилась Мамыко. Южнорусская дивчина, ходила дома при гостях в халатике на голое тело и в белых трусах, которые всегда были видны, когда она садилась.

Южнорусские самки быстро плодятся. Она кого-то Артуру родила.

Мамыко меня пригласила и сказала, что хочет сделать со мной интервью. Я приехал туда с Гюлей. Сидел Медведев, и это был как раз день потопления «Курска»²⁶⁰.

Мамыко говорит:

— Гейдар, вот вы же фундаменталист. Скажите, как в вашей жизни обстоит дело с любовью и сексом?

Ее абсолютно не смущало присутствие Гюли, и сидела она, широко расставив ноги. Я думаю: «ну ничего себе, какие заходы». Посмотрел на Медведева, а тот был весь поглощен просмотром новостей, что там несли по поводу «Курска».

Мамыко стала как-то ужесточать. Сначала стелила мягко, а потом всё жестче и жестче.

Значит, Мамыко...

У нас фамильная черта с Орханом: как он всё время управляет на гиксосов²⁶¹, так и я на Мамыко.

Проходит какое-то время, и она меня приглашает на круглый стол по теме «Красота спасет мир» и просит выступить с ключевым докладом.

Я набросал 12 тезисов о том, что красота есть чистое проявление сатанизма.

²⁵⁹ «Исправление мира» на иврите.

²⁶⁰ Атомная подводная лодка «Курск» затонула при не выясненных до конца обстоятельствах в августе 2000.

²⁶¹ Гиксосы — народ, завоевавший Древний Египет в XVIII–XVI веках до н. э.

Что христианство всегда очень мощно мочило красоту. «Повапленные гробы» и т. д.

Почему красота не может спасти мир? Потому что красота — это атрибут Аполлона-мусагета, а Аполлон-мусaget — это Люцифер. Была у меня такая хорошая записная книжечка, толстенький ежегодник 85-го года, который я у Марины Наримановой в свое время подрезал. И там у меня было много интересных записей, — не знаю, где сейчас это всё. Может быть, где-то в архиве.

Короче говоря, всё подробно написал.

Приехал, выступил, и наступила пауза.

Там сидел Егор Холмогоров, вертел палочкой и лупал глазками.

Я выступал.

— Послушайте, вы здесь христиане? Как вы вообще могли сформулировать подобный вопрос? Понятно, что для христиан красота является демоническим проявлением, искушением, потому что гармония Космоса противоположна гармонии Духа. Дух и Космос — в противолежащих плоскостях. Они не продолжают один другой. Так бывает только у язычников. Поэтому ранее христианство чуралось всего красивого, очень жестко чуралось.

Меня выслушали, наступило молчание, и вдруг жена Артура завопила:

— Мужчины, это что же делается?! Что же вы молчите?! Это же атака на наше святое — на красоту! Я к вам взываю как женщина, как мать.

Почему-то вспомнили розу, не помню какую — может быть Розу Коэли, может быть просто розу, которая в саду растет. Что вот этот человек выступает против тонких бархатистых лепестков пышной розы, символизирующей...

Егор включился с места в карьер, как будто ему вставили пропеллер. Он начал обвинять меня в сатанизме, понес какую-то околесицу с аргументацией, что красота — это красиво, а красиво — это прекрасно.

Ну, я сказал, что, ребята, я потратил свое время, объяснил вам азы вашего собственного христианства, а вы тупо упираетесь и воспеваете какое-то язычество.

Эстетика — это языческое понятие.

Я говорю:

— Я же исхожу из ваших же христианских тезисов. Я же ничего не добавляю. Никакой эстетики даосов — червячок, который выпал из раны, должен быть возвращен на место.

Пошел вой, скандал, крики.

Потом выступил то ли Щеглов, то ли Щипкин, — бегун²⁶², изложивший о сатанизме государства, и очень сильные были тезисы, по 282-й статье спокойно можно было бы брать. Мне его выступление понравилось. Он сказал, что государство — это тень сатаны.

Потом мы встали и ушли, оставив Мамыко заряжать мужчин своим духмяным бабским излучением. На Холмогорова это особенно действовало.

Это была моя последняя встреча с Мамыко.

Через некоторое время я узнал, что Артур умер. Отцу и матери я послал соболезнования, а ей даже нет.

²⁶² Бегуны — одно из беспоповских направлений старообрядчества. Возникло около 1766 года. Дают обет странничества. Светскую и духовную власть считают чистым проявлением антихриста.

Марк Фейим. Российский политический комитет. Артуро Мариано. Обсик

С Марком мы встретились в офисе «Солидарности»²⁶³ в конце 2011 года.

Со мной была дагестанская девушка, главный редактор «Черновика» при убитом основателе газеты Хаджимураде Камалове. Муж ее сидел на зоне. Позже она уехала в США на учебу. Я ее тогда двигал, хотел, чтобы она вошла во все структуры, как «хиджабная» мусульманка, присутствовала в информационном поле как фактор Кавказа.

В президиумной части, спиной к входной двери за столом в форме буквы «С», сидел Каспаров. Где-то рядом Баранов.

Марк зашел и сел на диване. У Марка было усталое и недоуменное выражения лица: «что же, черт возьми, здесь происходит». Марк поглядывал на дагестанскую девушку с некоторым недоумением и некоторой подозрительностью. О Марке тогда распускали слух, что он активный исламофоб.

Я подумал:

— Ну вот, как раз появился Марк, активный исламофоб. И вот он смотрит на мою протеже и думает про себя, что со всех сторон надвигаются такие фигурки, занимают пустые клеточки.

С Марком мы обсуждали, что протест сворачивался, не успев начаться. Мы обдумывали альтернативу — и стали вместе делать Российский политический комитет. Нам удалось собрать удивительным получудесным образом порядка 14–15 человек в этот Российский политический комитет.

²⁶³ Движение «Солидарность» основано в РФ в 2008 году Борисом Немцовым, Гарри Каспаровым, Владимиром Буковским. Играло ключевую роль в протестных митингах 2011–2012 годов.

На наше учредительное собрание даже явились Пономарёв с Удальцовым. Но они бухтели и были недовольны.

Мы же хотели выстроить внесистемную структуру параллельно с протестным оргкомитетом, в котором бенефициарами были всякого рода эпатажные персонажи из светской тусовки.

Важным компонентом в Российском политическом комитете являлось сетевое общественное телевидение СОТВ. В студии этого СОТВ происходило много всего — встречи, разговоры под камеру, собрания Российского политического комитета за круглым столом. Многое сохранилось в YouTube. Марк вел свою программу.

Организовал СОТВ Яковенко, очень умный парень.

Были люди, которые сильно мешали, — типа Холмогорова. Он получил свою микростудию, приглашал каких-то гостей. У Холмогорова, когда он меня видел, возникала кисло-кривая физиономия, и он всё время против меня катил унылую бочку. Вариант Романа Силантьева, только хромой. И вдруг он появляется на этом СОТВ.

До сих пор не могу понять, почему некоторые персонажи вошли в наш Российский Политический комитет — Крылов, Тор, кто-то еще. Они были совершенно психологически, политически чужды всему этому. Они являлись, конечно, людьми ангажированными, под чутким руководством каких-то кураторов.

Там болтался и Николай Николаев, беспримесный и очень глупый агент.

Видимо, настоящие беспримесные агенты только такие и бывают.

В конференц-зале на СОТВ бывали Немцов, Пономарев... Там собиралась куча народа. И имелась возможность сказать острые вещи. Уникальный и обреченный проект.

Я подтянул туда художника Артуро Мариано, моего друга в Испании.

Русский и испанский были его родными языками. Отец его молдаванин, а мать — испанка, родившаяся от родителей-иммигрантов 1939 года. И сам он прошел большую

школу. Уехал в 1990-м году в Испанию, стал фашистом, дугинистом. Потом он столкнулся с моими текстами, они его потрясли. Он начал думать, переводить. Вышел на меня в 2011 году, когда я был в Турции. Он мне написал на почту, и мы вступили в переписку.

У нас образовалась огромная переписка, целый том.

Он создал испаноязычную версию сайта InterUnion, рассылал мои переводные тексты по разным испаноязычным сайтам. И в конце концов я его попросил нарисовать герб Интерсоюза. Он нарисовал букет цветов, на фоне которого перекрещивались кавказский кинжал и ключ апостола Петра.

Получилось несколько вариантов, и я одобрил один из них.

В марте 2012 мы вышли на финишную прямую.

К нам в «Солидарность» пришло около 50 человек, которые все пожелали войти в Российский политический комитет. Там был Сивков, был Бабурин. Они все что-то восторженно бубнили.

На следующий день в семь утра в мою дверь раздался звонок. Я проснулся, посмотрел на часы и сразу всё понял.

Я посмотрел в глазок, а там однозначные хари, человек десять — явились проводить обыск. Я набрал Максима (Шевченко), потом Марка, а потом еще Сычёва.

Телефон адвоката Сычёва мне дал в свое время Орхан. Он его хвалил, но я в нём быстро разочаровался, потому что он политические дела брал платно, и его задача была не уйти из-под сачка, который на тебя набрасывала гэбня, а именно зарубиться с ними: «стреляйте, сволочи».

Максим очень быстро пришел, заблокировал их возле двери. Начал вешать им лапшу, рассказывать какие-то истории, байки. Стал спрашивать у следователя-ингуша, откуда у него такой дорогой Ниссан Теана, выжидая, пока приедут адвокаты.

Приехал Марк, потом Сычев.

И в итоге у нас возникла проблема, как Сычева вывести из игры, потому что он проявил себя как человек, заинтересованный исключительно в крови.

У следователей план менялся по ходу.

Приехали они с намерением предъявить обвинение по оправданию терроризма по статье на сайте Исламского комитета. Информация об обыске пошла в СМИ, они решили жестких мер сразу не принимать.

Текст они выбрали странный, написанный неким арабом еще в 2003 году.

Я спросил, почему они мне шьют дело по дурацкой чужой статье про женщин в джихаде, вместо того чтобы заняться моей прекрасной, очень сочной статьей про Саида Бурятского в качестве новой ступени джихада на Кавказе.

Они мне сказали, что нет приказа:

— Мы изучаем только вот эту статью.

Они искали подтверждений, что я должен был одобрить эту статью.

Я им говорю:

— Вы понимаете, что я не читаю, не захожу в интернет и не умею работать с этой штукой. Мне распечатывают, приносят, и тогда я читаю.

Они начали искать распечатку, но распечаток не было. Хард-диски тогда забрали и ничего не вернули.

По моему делу свидетелями прошло около 500 человек. Я, когда шел на очередной вызов, встречал вереницу знакомых лиц, которых я уже давно забыл.

Дело оказалось в том, что, когда в 2006 году я был арестован в Дагестане вместе с Аббасом Кебедовым, они украли мой телефон. Остальным телефоны вернули, а мне нет. И в этом телефоне было около 1000 номеров, включая Зюганова, с которым я активно общался в какой-то период.

Дальше просто по телефону косяками выдергивали народ. Я никак не мог сообразить, откуда у них персонажи, которых я уже и не помнил.

Многие звонили, предупреждали, что их вызывают по моему делу.

А потом я понял, что это люди, найденные по моей телефонной книге.

Я в свое время требовал, чтобы мне его вернули, мне тогда привозят полный мешок — выбирай любой. В мешке моего телефона не оказалось, тогда притащили еще мешок.

Как-то к нам с Марком на улице подошел начальник следственного управления и сказал:

— Ну что, будем признаваться? Выходим на условный срок и с чистой совестью расходимся.

После этого была еще пара допросов. Дело сошло на нет.

Но активность РПК на этом они погасили.

Должны быть люди, готовые взять в руки что-то потяжелее пластикового совка. К этим людям и должен прийти РПК. Новый настоящий Политический комитет, без всяких крыловых и торов.

Россия и вставание с колен

Есть уровень «Европы» Ларса фон Триера²⁶⁴: 1946 год, распятая побежденная растоптанная Германия. Она в таком виде нужна сколько-то времени — скажем, 15 лет. Но дальше-то она в таком виде не нужна, дальше нужна богатая, сытая Германия, которую можно доить. И поэтому прямая оккупация убирается.

Но неужели можно поверить, что положение Германии в 1945 году и положение Германии сегодня — разное? Если страна проиграла, то кто же ее выпустит из лап?

У них есть уже один пример — фюрер. Он поднял с колен Германию.

Первоначальные установки Антанты были очень жесткие: не только контрибуция и оккупация Рейнской области — там большой набор. У них просто не имелось ресурсов, чтобы это всё сохранить.

Современная Россия не только не угрожает, но ползет на коленках, просит Запад принять ее в число своих партнеров назад. Россия не мыслит себя вне мирового порядка. И во внутренней пропаганде она не говорит, что она кому-то угрожает. Наоборот, у нас говорят, что НАТО нам угрожает, а мы хорошие.

В 90-е годы Путин был как раз тем человеком, который на коленках прибегал, и он был не носителем чемоданчиков Собчака, а исполнителем приказов Собчака и Чубайса. Он был зам Собчака по международным связям, заммэра. Человек, всей душой преданный мировому порядку и Западу.

²⁶⁴ Фильм «Европа» Ларса фон Триера 1991 года.

В 1997 Собчак проиграл, и Путина взяли «на рыбалку» в Москву.

Дело не в том, на что он влиял и что он определял. Дело в том, какая матрица у него была в башке. Вот, говорят, носил чемоданчики, портфельчики, что-то о себе думал, а теперь что-то еще думает.

Что думал Путин о себе и ценностях в те годы? У нас есть кадры. Он говорит, что надо деньги зарабатывать.

Он стал и. о. Бориса Николаевича, а при Борисе Николаевиче всё было схвачено и под контролем. Он занял это место при живом Борисе Николаевиче — премьером, потом и. о., потом президентом.

Вся система никуда не девалась. Ну как ты ее смоешь? Пошлешь всех американских решальщиков здесь? Тогда очень быстро случится скандал, и Путин сойдет со сцены.

Считается, что американцы были против третьего срока Путина. Но это белоленточники были против. Бессмысленно всерьез считать, что все они реально выражали позицию госдепа, что госдеп создал оппозицию и направил ее против Путина.

В телевизоре считают, что теперь контроля госдепа над Россией нет. Всё, встала с колен. Если в телевизоре так считают, значит, это неправильно.

Страна проиграла в холодной войне — горе побежденным.

Если она проиграла, то, исключая форс-мажорные обстоятельства, она не может выйти из сени проигрыша, не может выйти из-под оков.

У немцев, проигравших Первую мировую войну, было особое сочетание обстоятельств. У Англии и Франции не имелось реальных сил и реальных возможностей осуществлять физический контроль над Германией с необходимой интенсивностью, которую задействовали в 1945 году.

Америка не оккупировала Европу после Первой мировой войны. Главной державой была Великобритания. По своим причинам, рассчитывая устроить заваруху в континентальной

Европе, Британия ослабила этот контроль, и пришел фюрер — магический гений, поднявший Германию с колен. Национал-социализм — это идея.

СССР проиграл, и Россия не могла перестать представлять жалкое зрелище.

Существует ватническая идея, что интерес представляют нефть, медь, никель, заводы, советские технологии, советская наука, мозги. Кого это интересует?

Единственное что есть ценного — территория, простершаяся от Тихого океана до Балтийского моря. Чем она интересна? Тем, что она есть. Эту территорию надо контролировать и использовать.

Сейчас Россию используют в Сирии против Турции. Точно так же ее используют всюду. В 2008 году ее использовали против Грузии. Грузинская война и нейтрализация Грузии — американское дело.

Война с Грузией была необходима ради результата. Результат — блокировка Южного Кавказа для Турции, блокировка Южного Кавказа для Ислама, слабая Грузия, существующая как полугосударство, вечно привязанная к отнятым у нее Абхазии и Южной Осетии. Точно так же, как Азербайджан существует без четверти своей территории, без Карабаха.

За всем этим стоит Россия, которая навязала расчленение и инвалидность.

Нужно это победившей стороне для того, чтобы всё здесь было хромым, неадекватным и завязанным на Москву.

Россия будет использоваться и против Средней Азии, пока не сломается. Она близка к тому, чтобы сломаться.

Американцы считали, что Турция потерпит поражение в столкновении с Россией. Я предполагаю, что поражение потерпит Россия. Но американцы думали иначе.

Американцы входят в детали и нюансы Панамы, Гренады, Шри-ланки. Они занимаются Цейлоном, занимаются Кашмиром, они занимаются всем. Это и есть функция штаб-квартиры мирового либерализма, мирового жандарма.

Они занимаются и Грузией.

Грузия — очень важное место. Грузия является старейшей православной страной, которая относится к Византийскому наследию. Страна, где правила династия Багратионов, эта династия существует. А Багратионы — наследники царя Давида, прямая линия Давида. Это тема высокой масонерии.

Грузия — не просто страна, это сакральная страна, одна из сакральных точек. Причем сакральных точек, важных для Запада, для Рима, для Римской Империи.

Сверхважная.

Снесут Путина — придет такой же человек. Единственный вариант, который может нас освободить, — через хаос, через революцию. Через пожары, через Сирию в России.

Дело в том, что Соединенные Штаты сохраняют свой контроль над миром, примерно как конькобежец, лавируя и делая пируэты, строя всё на двойном и тройном обмане. Они же не могут грубо на силовом контроле держать ситуацию. Даже «кум» на зоне ведет политику и играет очень сложную игру с авторитетами, шнырями, активом. Даже ему недостаточно грубой силы.

Помимо США есть могущественные силы, которые рассматривают США как инструмент. Поэтому ситуация США сложная.

Если в России произойдет разморозка, естественно, начнется хаос. Если начнется хаос, то самолетами ничего не добьешься. Кого им бомбить? Москву?

Предыдущая революция проходила на Дону и в Украине. За одну неделю самолеты не прилетят.

Израиль так активно суется, потому что его сливают.

Обама назвал русскую армию второй в мире. Это маккиавелизм. Она же, конечно, не является второй. Вторая армия — китайская.

Если мы не говорим о ядерном оружии, то Россия далеко отстает от начала. Есть китайцы, есть Северная и Южная Кореи, есть Вьетнам...

Подойдем со стороны русских интересов «вставания с колен».

Если посмотреть на эти интересы, то мы видим, что Россия сделала всё, что в ее силах, чтобы создать проблемы на Южном Кавказе. Вот как не нужно делать, она сделала. Она отобрала совершенно ей не нужную Абхазию и Южную Осетию, превратив Грузию на веки во врага, повесив себе на шею две совершенно ненужных территории. Абхазия не является ни военным, ни стратегическим дополнением, ни базой, ничем. Но это кровавая рана, питающая грузинскую ненависть к России.

Если Россия всё время бьет себя по лбу утюгом, сечет себя как унтер-офицерская вдова с Украиной, Грузией, Азербайджаном, то зачем она это делает?

Очевидно, что она выполняет чей-то приказ. В России это не очень видно...

У либералов свое объяснение, что звероподобный Путин хотел отнять, потом слился, не смог отнять.

Если бы Россия реально грезилась о силовой перемене участи, о вставании с колен, то было бы сделано всё наоборот. Им надо было брать всё — Киев, Тбилиси. Возможность-то у них была реальная. Если бы они хотели нового союза, они бы сделали из Грузии близкого друга. Саакашвили был теледок, который лизал с руки Путина.

Если представить, что Россия хотела восстанавливать Советский Союз, создавать какой-то союз, действовали бы по-другому.

*Роскошь и золото. Митары сатаны.
Дань кошкету по встрече антихриста.
Красота*

Последнее время участились разоблачения высокопоставленных деятелей бюрократии, свихнувшихся на сверхпотреблении. Квартиры за миллионы долларов, недвижимость, яхты.

Когда дело доходит до каких-то невероятных самолетов с золотыми унитазами, которые возят не только своих хозяев, но и их собак, люди начинают задаваться вопросом: в чем суть этого безумия? Ведь такие вещи не встречаются больше нигде.

Раньше что-то подобное можно было встретить у индийских раджей, которые сорили алмазами, проигрывали огромные суммы в казино, и колониальные британские власти поощряли подобные эксцессы в роскоши, в сверхпотреблении, в пустом проматывании колоссальных средств. Но даже и для раджей это всё в прошлом, а в России это продолжается.

Люди задаются вопросом: они что, психически больные, у них диагноз? Зачем человеку, допустим, пятьдесят, а то и сто самолетов с золотыми унитазами? Зачем возить по всему миру собак в этих самолетах? Зачем коллекционировать гигантское количество недвижимости, в большей части которой человек не может даже побывать в гостях, не то что там жить?

Ответ не так уж прост, потому что есть здесь некая метафизическая тонкость.

Власть играет роль мытарей, работающих в пользу сатаны, в пользу Иблиса. Иблис облагает данью человечество, взимает арендную плату за проживание на этой планете, за жизнь на этой земле, как лендлорд собирает деньги

со своих арендаторов. Арендная плата всё время повышается — так, что производительные возможности всех людей коллективно, совокупно заработать на то, чтобы рассчитаться с Князем мира сего, не поспевают за повышением этой арендной платы.

Это один момент.

Мытари, которые собирают налоги с человечества, действуют сегментировано, каждый собирает дань со своей части управляемого человечества, потом всё идет в «общак» на подготовку комитета по встрече Антихриста.

Но к рукам прилипает очень много, мытари кладут значительную долю собираемого ресурса себе в карман.

Это второй момент.

С точки зрения мытарей всё законно. Даже собирание средств в некоторые гуманитарные или благотворительные фонды предусматривает, что до 80 % собранных денег идут в карман собирающих. Сама система таких фондов и таких сборов предполагает воровство и жульничество.

Людям понятно, почему дорвавшиеся до ресурсов чиновники и мытари, слуги Антихриста, слуги Даджала, крадут. Людям гораздо меньше понятно, почему они превращают украденное в бессмысленное потребление.

К чему, к примеру, яхта длиной не 150 метров, а 180, шириной не 20 метров, а 25. Это на десятки и сотни миллионов долларов дороже, но что выигрывает человек, заказывающий себе яхту, на 30 метров превышающую по длине самую большую? Почему он ставит золотые унитазы, использует особый мрамор в ваннах и туалетах, и так далее? Чем мотивирована роскошь саудовцев, роскошь султана?

А дело в том, что мытари находятся под контролем определенных сил, — невидимых, которые держат и плотно контролируют их психику. И эти силы потребляют в свою очередь эту роскошь. Потребляет не сам человек, являющийся оператором, телом, а та психическая монада, которая его контролирует.

Следует напомнить, что роскошь связана с элементом света. Если вы подумаете о том, как вы себе представляете

роскошь, то вы скорее всего сразу представите пространство, полное света, сияния, где много хрусталя, много золота.

Золото — это металл, который концентрирует в себе солнечный свет в его минеральном проявлении. Это минерализация света, это инверсия света.

В Исламе мужчинам запрещено носить золото. Считается, что у настоящего мачо, истинного мужчины золото должно быть в крови.

Версия не носить дополнительное золото помимо того, что у тебя есть в крови, касается всех реальных мужчин — это касается воинов и рыцарей. Серебро носить можно.

В Исламе мужчина не имеет права носить шелковую одежду. Если ты в шелковой рубаше, то твоя молитва недействительна.

Золото — это аналог солнца. Свет является главным элементом роскоши, и, естественно, именно через роскошь, через свет реализуется само понятие о красоте. Красота в абберрациях определенного рода людей, таких как некие министры, султаны или эмиры, очень важная тема.

Дело в том, что красота — это атрибут сатаны. И в этом нет ничего удивительного, потому что сатану следует воспринимать и представлять не как монстра с крыльями летучей мыши и красно-коричневой кожей, поросшей шерстью. Так выглядят джинны из низших миров, которых часто принимают за воплощение зла, но они не имеют никакого отношения к Иблису.

Иблис — это Аполлон-мусaget, световой человек иранского суфизма, Утренняя звезда, человек Земли и Неба, который представляет собой совершенное соединение всех состояний бытия. Это световое соединение.

Сатана неотъемлем от гармонии, от эстетики, от красоты, от сияния и других подобных вещей, которые сопрягаются с идеей силы, власти, изобилия и роскоши. Идея величия у людей, погруженных в Бытие, и идея красоты и сияния тесно связаны.

Бытие должно сиять. Поэтому люди, находящиеся у власти и остро чувствующие предназначение своего поста, своей функции мытаря, должны обязательно транслировать в таких

вот зримых образах и категориях красоты свое положение. Поэтому их собаки могут ходить в золотых ошейниках и лезть в самых дорогих бизнес-джетах. Потому что это аспекты метафизики Сатаны, проявление того, что бытие сосредоточено в Великом Существе, которое есть Утренняя звезда, которое есть Люцифер, носитель света.

Тогда понятно и золото, и прочие эксцессы. Роскошь — атрибут Бытия, а Бытие — это анти-дух. И вот почему всегда монотеистические традиции, монотеистические религии, основанные на откровении единого и единственного Бога, находились в оппозиции к роскоши, световой метафизике, эстетике сияния и света, или по крайней мере относились к этому крайне подозрительно.

Почему у первых праведных халифов халаты были в дырках и в заплатках? Тоже поэтому. Ведь идея величия Аллаха настолько превышает принципы величия Бытия, принципы величия сущего, в которое мы вброшены, что выглядит как нищета.

Аллах презентует себя как нищету, потому что Он не может вместиться в свет и величие, которое мы находим здесь. А если мы находим свет и величие, то это явно признаки сатаны.

Вот поэтому коррупция, связанная с правящими кругами, есть не просто желание вкусно поесть или отдохнуть в Куршевеле. Коррупция связана со служением Мамоне. Для большинства это просто слова, просто метафора, под которой прячется казнокрадство и взятки.

Нет, служение Мамоне — это служение одному из аспектов сатаны. Это служение эстетике, именно той красоте, тому принципу прекрасного и сияющего, который является неотъемлемой чертой ненависти к Всевышнему и ненависти к Духу.

Образы служения Мамоне, поклонения Золотому тельцу являются частями одной идеи, идеи преодоления грязи, из которой был создан человек. Ведь Иблис говорит Всевышнему, когда ему было приказано поклониться Адаму: «Ты создал меня из огня, а его из глины»²⁶⁵.

²⁶⁵ Сура 7, аят 12. Сура 38, аят 76.

Та часть людей, которая поставлена сатаной служить ему, поставлена наверх, — она, естественно, хочет приблизиться к огню. Она хочет выйти из грязи в князи. Но к огню тварные существа из глины приблизиться не могут, это связано с сильнейшей болью. В свою очередь золото — это максимальное приближение к огню, которое можно достичь на уровне глины. Из свинца — в золото.

Поэтому всё, что мы находим в плане эксцессов потребления, есть форма литургии.

Вы скажете, что они с жиру бесятся, делать им нечего. Мол, просто в этих людях сияет какая-то душевная пустота, и они заполняют параноидальным бредом богатства свою бессмысленную жизнь. Так, да не так.

На самом деле они чувствуют себя жрецами того, кого мы называем Великим Существом, — Князя мира сего. Жрецами, осуществляющими литургию, и поэтому они чувствуют свою жизнь насыщенной, наполненной, как чувствует ее всякий поп, который «при делах», который посвящен.

Я видел кадры у Толстого в программе, как приезжает Кирилл, как он идет в бревенчатую церковь, заходит туда. Там, судя по всему, жарко натоплено. И он стоит и говорит, что есть такие места на земле, которые отмечены особой духовной энергетикой. Но в следующий момент он свою мысль испортил, сказав, что это, видимо, от того, что люди здесь тяжело работают и живут в трудных условиях. По такой логике ГУЛАГ — наиболее энергетическое место, отмеченное наибольшим восходящим током.

Но самое интересное он дальше сказал: что мы сейчас находимся надо всем человечеством, под нами земной шар.

Это меня изумило, потому что я наивно полагал, что земной шар находится под северным полюсом. Но оказывается, я узко смотрел на дело, настоящая широта-то вот где.

Собственно говоря, Кирилл может утверждать, что там, где Кирилл, там под ним земной шар. Раздулся страшно. За тысячу лет якобы случилась первая встреча церквей, хотя она не первая, и константинопольский патриарх-то уже встречался с Папой.

Мы, единобожники, должны четко понимать, что мы имеем дело не просто с обожравшейся сволочью, а с четко установленным корпоративным заговором во имя пришествия Даджала-Антихриста, который опирается именно на роскошь, сверхпотребление, золото, культ красоты, эстетики, — на всё то, что противостоит духу.

Красота — это враг духа. Красота, может быть, спасет мир, но погубит человечество.

Гуманизм и антигуманизм

С 12 лет я искал концентрации, платформы чистого антигуманизма. Для меня принципиально была важна идея оппозиции «человеческому, слишком человеческому». Антигуманизм в отношении истории, социологии, антропологии.

Гуманизм — это повестка, некая agenda, некий ценностный критерий.

Например, есть концепция финансов, представление о том, что такое финансы. Когда мы пытаемся понять, почему рубль зависит от доллара, а доллар поднимается повсюду, мы приходим к тому, что он был завязан на золото, потом был отвязан от золота, золото вообще улетело за облака, как заходящее солнце. Есть некий эквивалент ценности.

Мы ищем, ищем, ищем, что же у нас твердое, что у нас неразменное. В сфере современного мира, макроматрицы, гуманизм является тем золотом, которое обеспечивает все остальные виды валют.

Это и есть «Солнце гуманизма». Не вера в человека, не культ человека, не то, что «человек — это звучит гордо». Это определенное сведение взглядов к концепции, что человек есть мера всех вещей. Вещи могут быть посчитаны, потому что они измеряются человеком.

Мы с Русланом зашли в книжный «Ходасевич», и нам на глаза попался журнал «Логос», номер, посвященный опровержению Гуссерля²⁶⁶. Я его открываю и читаю рассуждения автора одной из статей о современном направлении, которое выражено

²⁶⁶ Эдмунд Гуссерль (1869–1938) — немецкий философ, учитель Хайдеггера.

профессором Менским в книжке «Сознание и квантовая механика»²⁶⁷ — относительно множественности миров.

Согласно этой концепции, человек проживает свою жизнь во множестве миров, но сознание мешает ему осознать свою множественность и сводит опыт проживания всех миров к одной точке, что он в одном мире сидит.

Мальчик ест мороженое в этом мире. Но оказывается, что он ест мороженое во всех мирах. Просто его сознание мешает ему это увидеть, он переживает только здесь и теперь. Там дальше выход в квантовую механику, и мальчик, который ест мороженое, и является этой мерой, мерой всех вещей. И его гештальт, его опыт, коррелируемость его опыта с опытом его родителей, которые ему купили это мороженое, с опытом мороженщицы, которая ему его продала, — всё в сумме является физико-математическим обоснованием макровселенной во всех ее измерениях.

Это и есть чистый гуманизм.

Я с 12 лет искал платформы и ключи к антигуманизму — к дешифровке ценностной системы, чтобы ее сломать. Потому что я понимал, что это темница для духа. Дальше идут более сложные навороты.

Когда ты покидаешь камеру, ты выбегаешь в коридор, и там тебя встречают вертухаи с резиновыми палками, дальше идут какие-то переходы, внешняя охрана, вышки с пулеметами.

Это уже религия, это уже метафизика, это уже интерпретации твоего непосредственного здесь-присутствия, «я ем мороженое» на дальних подступах, где ты заключен в представление о духе, которое является гибелью духа, антидухом.

Освобождение духа начинается с точки антигуманизма. На этом пути ты сталкиваешься с человеческими ожиданиями, чаяниями, установками. Люди же запрограммированы. Тема эйфории каждой клетки существа имеет отношение к тому самому золоту.

²⁶⁷ Михаил Менский (1939–2015) в 2011 году издал книгу «Сознание и квантовая механика».

Допустим, приезжает ко мне врач. Он использует абсолютно технические средства: облучает, дает антибиотики, невероятные вещества через капельницу. Это одна половина.

Закройщик режет ткань для костюма. Он зачем режет ткань? Чтобы был красивый костюм! Все эти вещи представляют эстетический выход, эстетический костюм.

В случае врача эстетический выход служит позитивному тренду на уровне клеточной биологии.

Чем отличается человек от камня?

Камень со временем разрушается, а биос с течением времени воспроизводится, потому что в нем нарушено второе начало термодинамики. Он выдает больше, чем потребляет. Он съел бутерброд и выдал столько, как будто съел целый вагон еды.

Законы перевернуты.

В итоге он понимает, что жизнь — это восходящий магический вектор. Человек ему служит. Это золото, которым люди расплачиваются. Бытие должно иметь в себе некий золотой эквивалент, оно его и имеет...

Запад, европейская цивилизация, гомосексуализм и эллинизм

Вся европейская цивилизация родилась из спора двух гомосексуалистов.

У Филиппа, отца Александра Великого, был любовник, его собственный телохранитель Павсаний. Красивый, стройный, ловкий малый. И царь всё время гладил его по курчавой головке. Этот молодчик был для него как пудель, — даром, что телохранитель.

И вдруг наш Филипп положил глаз на другого Павсания, не менее, а может, и более красивого.

Первый Павсаний начал возбуждать, но Филипп ему сказал: «Остынь, так надо. Ты кто такой вообще?»

И вот второй Павсаний в бою закрыл своим телом Филиппа и принял на себя удары, которые были направлены царю, и пал героем.

Ну а тот Павсаний, конечно, шипел от злости, потому что вся его ревность, объект негодования, пал в бою и посмертно получил звезду героя Македонии первой степени.

И тогда Аттал, отец новой жены Филиппа, которую звали Клеопатра, самодеятельно, без каких бы то ни было посылок со стороны Филиппа, взял этого Павсания, напоил неразбавленным вином до беспамятства и кинул его гуртовщикам, которые зверски изнасиловали его в извращенной форме.

Тот очнулся и, рыдая от причиненного ему оскорбления, пришел к Филиппу и стал жаловаться, требовать справедливости.

А Филипп собирался использовать Аттала на очень деликатном поручении. Он дал ему целый армейский корпус, крупное соединение, которое должно было отправиться куда-то. Да и вообще — Филипп готовил поход на Персию, и Аттал

был ему нужен. Не с руки было из-за какого-то телохранителя, красивой play thing, ссориться с человеком, игравшим геополитическую роль.

И Филипп сказал Павсанию:

— Да ты успокойся, малыш, я тебе всё это возмещу.

И дал ему богатые дары. Но Павсаний затаил злобу, богатые дары его не утешили. Он решил расправиться с Атталом и с тем, кто отказался мстить за него — с самим Филиппом.

Был день женитьбы, и толпы народа стояли с обеих сторон. По широкой аллее между ними несли двенадцать статуй Олимпийских божеств, а тринадцатой была статуя самого Филиппа.

Филипп приказал своей охране стоять поодаль, на расстоянии от него, делая тем самым жест большому количеству греков вокруг него, что вот, ребята, я чувствую себя уверенно в вашей среде, я не беспокоюсь.

В этот момент на лошади приезжает Павсаний. Он оставляет лошадь за кустами и идет, закутавшись в плащ, к царю, спрятав кельтский кинжал. Он приближается к царю, царь видит, что идет его бывший любимец. Может быть, даже какие-то сантименты еще оставались в его сердце. Он как бы полуоборачивается, а Павсаний опускается на колени, как бы припадая к его величеству, и потом внезапно резким движением с подъема вверх бьет его кельтским кинжалом в ребра. И тут же бросается бежать с бешеной скоростью.

Часть охраны кинулась к царю, а часть — за Павсанием. Павсаний конечно же ушел бы — он подготовил коня, он бы ускакал, но он зацепился за выступавший петлей корень виноградной лозы и со всего размаху растянулся на земле.

До сих пор является предметом спора и рассуждения причина, по которой подбежавшая царская охрана тут же убила Павсания копьями. Было ли это в пылу погони или же эта была ликвидация человека, который бы мог много чего рассказать.

Теперь поговорим о том, почему спор и конфликт двух гомосексуалистов определил судьбу европейской цивилизации.

По одной очень простой причине. Именно это убийство открыло дорогу Александру Великому.

Было подозрение и на другого Александра, родственника Олимпиады. Но я думаю, что как оно есть, так оно есть: гомосексуалист мстил за себя, за свою опущенность. А началось всё с того, что Филипп с одного гомосексуалиста переключился на другого.

Дугин знает всё о происхождении демократии из педерозиса.

Запад возник как проект Александра Великого, который не пришел бы к власти, не прирежь один из Павсаниев Филиппа. Гомосексуалисты открыли дорогу эллинизму, который стал ключом к универсальному глобальному Западу, и в итоге к глобальной цивилизации сегодняшнего дня.

Через круги гомофобии эта цивилизация возвращается к своим истокам.

Запад прошел круг, родившись из Павсаниев, потом эллинизм, и вернулся к тому, с чего начал, — в убогость, сирость, тщету, рубище, эстетическую аскезу.

*Природа власти в России и на Западе. Космизм.
Мужские и женские ценности. Коммунизм
как коидаса. Как советская власть стала
сошоменным исом. Черные рыцари.
Непересечение с совком*

Недавно попалась статейка американца, явно сочувствующего русским и русскому народу, который пишет, что здешний ватный патриотизм основан на русофобии. Якобы власти не верят, что русский народ может спокойно выйти на широкую дорогу и грудью проложить себе путь к счастью, правам человека, к демократии, ко всем этим ценностям. Власти людям не доверяют и поэтому всячески внедряют мысль, что стране нужна твердая рука.

Это, говорит американец, явная русофобия.

Я прочитал эти рассуждения и подумал, что это разговор слепого с глухим. Американец явно не понимает, что то, что для него является очевидными ценностями, на самом деле никакими ценностями не являются. Но говорит, что, может быть, даже на Западе и нет демократии, но можно ведь людям дать хотя бы такую демократию, которой нет. И всё-таки это лучше, чем совсем не давать ничего, в том числе и демократии, которой нет.

И вот у него идут такие рассуждения, что русский народ достоин лучшей доли, что его делают тупым быдлом в первую очередь ура-патриоты.

Товарищ не понимает, что то, что для него является очевидной цивилизационной нормой, вообще никакая не ценность — по той или иной причине.

Русский человек вообще не воспринимает, что у человека есть какие-то права.

Но тут дело не в том, что русский человек ориентирован на какую-то традицию, на какие-то духовные ценности. Он просто ориентирован на то, что хозяин находится вовне.

Вот почему в западном мире может происходить непрерывная смена руководства, президентов, правящих партий — они не имеют никакого отношения к реальной власти.

Реальная власть там сидит внутри.

Есть правящий класс, есть солидные масонские круги. Эти люди не показываются на поверхности, они вращаются в своих салонах, клубах, формируют позицию, стратегию. По щелчку появляются обамы и что-то выполняют, потом приходят следующие.

Но за всем этим стоит одна и та же элита.

Да, в этой элите есть раскол, но он имманентен стране.

Проблема в том, что в таких странах, как Россия (в первую очередь таких, как Россия, но и в Нигерии, и Замбии) правящий слой находится вовне.

Явно это вышло наружу после того, как рухнул партотатический строй.

Партия некоторое время пыталась имитировать, строила из себя масонский правящий слой, но плохо получалось. На последних этапах она сливалась со своей собственной презентацией в качестве менеджеров.

На смену партии пришли люди, хапнувшие что было. И они уже не могли себе позволить стоять на заднем плане и заниматься играми в демократию. Они не самодостаточны, они не субъекты, они — «смотрящие». Поэтому они могут только вцепиться во власть и держать, и держать ее обеими руками.

Хозяин у них находится вне России.

Как можно нормальные выборы проводить и кому-то уступить власть, как можно отказаться от тандема и не менять Путина на Медведева, а Медведева на Путина, когда то, что ты взял, оно тут и есть?

Обама не при делах — его позвали, и он уйдет. Он знает, что власть не его. Обама ничего не брал, он просто служащий.

А Путин, который пришел, знает, что это всё — его, но он отвечает за Россию перед мировой системой. Он не может поставить вместо себя кого-то, потому что тогда его целиком удалят. Целиком придет другой, а он, Путин, будет совсем никто. Но сейчас-то вся власть в его руках.

Так же и Мубарак мог сорок лет сидеть.

Почему? Он всё имеет, и он должен всё это исполнять. Он не элита, которая кого-то призывает, как граф призывает управляющего. Он просто управляющий, захвативший поместье графа. Графа нет, граф где-то. Вот он хапнул это поместье, и он должен играть роль графа. А граф — это мировая система. Поэтому здесь всё может быть слито.

Так что о какой демократии может идти речь?

На Западе граф сидит, играет в карты, пьет вино, слушает цыганок, а управляющий пашет, за всё отдувается. Графа мы не видим, а видим только управляющего.

В Иране хозяин, естественно, есть. Хозяин в Иране — это высшие клерикалы. Они реальны, у них несколько столетий традиции, они могут всегда сослаться на Муллу Садра²⁶⁸, на XVII век, даже чуть пораньше.

Это серьезные люди, и они меняют Ахмадинежада на Рухани, Рухани на Хатами, — тем более что Рухани и Хатами всё равно из них самих.

Буш тоже в этом плане не далеко ушел.

Но, в принципе, они могут позволить себе менять, потому что у них есть эта раздвоенность, у них есть графья.

А в России этого быть не может. Либо ты всё держишь в своих руках, либо тебя нет вообще. Если человек взял всё, то как он может добровольно от всего отказаться? Тогда его убьют, тогда он никто.

При Брежневе отношение к советской власти уже было несерьезное, но до Брежнева, я бы даже сказал, еще при раннем Брежневе отношение было очень серьезное.

²⁶⁸ Мулла Садра (1572–1640) — основоположник иранской философии.

Ранний Брежнев — не инвалид и не клоун, он вполне нормально говорил, у него были какие-то мысли, поползновения.

Граница проходила между 1964 и 1970. В семидесятом году у него уже приключился удар. И после 1970 года люди стали как бы отключаться от «инволютуры».

Но первый удар был нанесен XX съездом, когда разоблачили Сталина.

Второй удар был нанесен программой партии — построение коммунизма к 1980 году и определением коммунизма через бесплатную жратву. Это была смерть советского мифа, смерть идеи.

Находились люди, кто возражал.

Мы читали вместе с Юрасовским статью одного молодого кандидата наук — может даже это был Казанцев.

Статью опубликовал журнал «Новый мир», посвящена она тому, что исчезла сверхидея: мы забыли о том, что речь идет о голубых городах на Марсе, мы забыли об «Аэлите»²⁶⁹, об эсхатологическом изменении законов пространства и времени, о ноосфере, — ведь ради этого совершалась революция, — мы слишком погрязли в экономизме, в циничном прагматизме. Контроль над солнечной энергией должен быть доведен до 5 % от энергии, падающей на землю, выход на 5 % уже даст нам свободу маневра в ноосфере, свобода маневров в ноосфере даст нам возможность менять физические законы, но главная цель — это изменение второго начала термодинамики, это обратимость энтропии волевым решением, и пора поставить вопрос о том, что истинная цель коммунизма — это изменение законов термодинамики сначала в масштабах Земли, потом Солнечной системы, потом космоса (через миллиарды лет, конечно), но в ближайшем будущем надо с Землей работать...

И всё это написано серьезно.

Русский космизм же никуда не девался — все эти вернадские, зелинские.

²⁶⁹ Фантастический роман Алексея Толстого 1922 года.

Я кое-кого знал из них — например, Зелинского, сына того великого академика, который в 1914 году изобрел противогаз.

Это одна плеяда: Вернадский, Зелинский, Циолковский, Сухово-Кобылин. Сухово-Кобылин был интерфейсом между русским космизмом и Гегелем: главный знаток Гегеля в России, переводил его на русский.

Когда этот «Казанцев» написал такую статью, то поднялась дикая буча. Дело происходило примерно в 1962 году.

Казанцев — такой кандидат наук, не знаю каких, философ, фантаст, автор художественных произведений. Он писал, что коммунизм — это преобразование человека в чистый титанизм. Он был не один. Был еще Зайцев, тоже интересный автор, который пытался соединить космизм с Рерихом.

Всё это немного дрожало и вибрировало — такой левый красный космизм, национал-большевизм фашистско-языческой закваски.

Поднялась дикая буча.

То, как его начали стирать с лица земли, надо было видеть. Разве что идиотом его не называли. Какой-то Минц, какие-то академики говорили, что же это за убожество, попытка нам подsunуть неизвестно что. Понятно же, что коммунизм — просто жрачка и ничего более, народ веками мечтал о жрачке и больше ни о чем он не мечтал, и все эти интеллигентские домыслы вот этих убогих, которые фантазируют, — ну кому они нужны?

Проворачивалось страшное насилие над этими романтиками.

Стилистика примерно такая: в газете публикуется вопрос читателя «А что такое звезда? Какой у нее символизм? Ведь, говорят, это вещь масонская?»

И на это отвечал кто-то типа Минца: «Звезда никакого символизма не имеет, звезда это есть просто звезда, которая нарисована, чтобы означать, что это советский знак. Народ, веками мечтая о жрачке, смотрел на небо и думал, что эти звезды

означают лучшую долю. Вот поэтому нашим символом и стала звезда. А так, в принципе, никого значения это не имеет».

Читал вот такие тексты и поражался, насколько власть боялась — если, конечно, это была не сознательная диверсия, что вполне возможно.

Но если исключить диверсию, власть боялась любой попытки того, что Ленин называл «фидеизм и поповщина»²⁷⁰, — любой попытки придать интеллектуальную глубину собственному проекту.

В каком-то смысле это был «салафизм» советского уклада — запрет на интерпретацию, запрет на раскрытие темы вглубь. Запрет на анализ.

Но убило всё то, как в 1961 году появляется программа партии про колбасу.

Потом происходит короткая стычка между романтиками и «реалистами». И после этого я физически ощутил, как из народа выпустили пар, народ сдулся.

В коммунизме имелась какая-то неопределенность. Пусть народ грубый, прагматичный, лукавый, подмигивающий и циничный. Но слово «коммунизм» оставалось сакральным. Нельзя было об этом просто так говорить, могли и по морде дать.

Метафизика революции еще жила по инерции до начала 70-х годов. В слове «коммунизм» еще содержалась сакральность.

Для меня советский строй и коммунизм был матриархатом. Он был для меня господством женских ценностей над мужскими.

²⁷⁰ См., например, работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» 1909 года. Фидеизм — концепция превалирования веры над разумом. Обсуждение этого вопроса живо описал эмигрант-меньшевик Николай Валентинов во «Встречах с Лениным», 1953. После поражения революции 1905 года Горький, Богданов, Луначарский ушли в богоискательство, что Ленина очень раздражало и вызвало целую серию его выступлений. В СССР эти работы Ленина превратились в обоснование борьбы с любой мыслью вне вульгарного рационализма.

Мужские ценности — это борьба, насилие, смерть, героизм, воля к смерти.

Женские ценности — это воля к воспроизводству, к улучшению качества жизни, к безопасности, снятию конфликтов под контролем эгоистичных самок, которые стремятся к тому, чтобы стать максимальным бенефициаром матриархального контроля.

Это для меня и было коммунизмом.

Я просто поддерживал всё, что было враждебно конкретно советскому строю (это я говорю о своих 12–14 годах). НАТО — хорошо, «Радио Свобода» — хорошо. Мне было наплевать, лишь бы это было против советского строя.

Маркса я читал. Первый том «Капитала» я осилил в десятом классе. Приходил со школы, бросал портфель и садился читать. Я знал, что читаю «Капитал» как произведение врага, чтобы понять мысль врага. И я отмечал про себя, что это очень классный текст. Меня просто поражали некоторые его интеллектуальные и логические красоты. Но, конечно, всерьез я его не принимал.

Суть-то «Капитала» не в том, что рабочий работает 10 часов, получая только за два часа своей работы, чтобы не сдохнуть, а восемь часов берет себе собственник средств производства.

Допустим, это так. Ну и что?

Я же не был фанатом справедливости, понятой социально-экономически.

Допустим, грязные пролетарии действительно пахнут целыми днями, работают не 10, а все 16 часов.

В чем проблема? Они и в совке работают так же. Так же им не дают того, что они заработали. Ну, разводят их на какие-то копеечные подачки, посылают их детишек в «Артек» — и то не всех. Школа, конечно, бесплатная — это да.

Но суть-то не в этом. Меня же никогда не интересовало счастье народа или какой-то части народа или людей.

И что такое счастье? Колбаса, социальные лифты?

Капитализм для меня был серой пеленой, но про коммунизм я точно знал, что здесь правят ненавистные мне

животные другой породы, с другой организацией мозга. Это враги, это метафизические самки, это матриархат. Это как вживую смотреть фильм про первобытных людей и про то, какой у них в пещерах матриархат. Раз повсюду матриархат и бабы, то мужчинам здесь несладко, мужчины кастрируются. Ситуация для меня была биологически враждебной.

Всё, что я видел вокруг себя, это подтверждало. В какое учреждение ни придешь, там сидит баба, заряженная кастрационным комплексом. Мужчины — спившиеся ублюдки.

Ну, собственно говоря, надо просто воевать с этим — и всё.

Я стоял всегда на противоположной позиции, на противоположной платформе, что не мешало мне объективно видеть нюансы.

Иногда, заходя в дом простых людей, я обращал внимание, что для них есть святое, что на каком-то слове, к примеру, на слове «коммунизм», они прекращают шуточки, и лица у них каменеют и вытягиваются. То же самое можно было увидеть, допустим, когда говорили о погибших на войне. Про коммунизм говорили с иным слегка оттенком: не играя желваками, а затуманиваясь взглядом. А после 1970 года это ушло, люди сдулись. И в этом виноват режим, который вырвал из-под них половичок.

В 1970 году начата конвергенция²⁷¹. В 1970 году до народа дошло, что коммунизм — колбаса и ничего больше. И сразу исчез религиозный подтекст, исчезла неизвестность. Прежде подразумевался шанс, что будет выход в четвертое измерение. В слове «коммунизм» для народа сохранялось магическое. Люди верили, что будет всё не так, когда наступит коммунизм, что люди будут другие. 10 км можно будет за пять минут проходить пешком.

²⁷¹ Сближение СССР и Запада, снятие революционной конфликтности и противостояния. Началось с конца 1960-х с «разрядки напряженности» между СССР и США и ограничения ядерных вооружений. Интересно, что конвергенцию в СССР поддерживал академик Сахаров.

Я верил в аристократию, в героев. Мой гештальт был образован так.

Слово «рыцарь» являлось ключевым. Рыцарь стоит вне и над, наделен миссией, миссией, связанной со смертью.

Это определило всю мою жизнь.

Женя написал знаменитые строки, в которых намеренно наивно, инфантильно выражено некое кредо:

Жмите волчью лапу,

Веруйте в гестапо,

Веруйте в мечту.

(Е. Головин «Черные колонны»)

Булгаков с его свитой Воланда — это несерьезно. Как они могут превратиться в рыцарей, если всё завязано на Понтия Пилата, Христа, а с другой стороны — какой-то Марк Криспосом, легионеры с перебитыми носами? Мы же говорим не о системе имперского насилия, мы говорим не о мужиках с оружием.

Мы говорим о рыцарях.

Рыцарь — это ангел смерти.

В школе советская власть серьезно не ощущалась. Всё было на уровне камерного, защищенного валяния дурака.

Я знал, что все красные, Мао Цзэдун и все остальные — враги, потому что они представляли собой фаланстер, организацию социального порядка, которая не имеет смысла, потому что это идеальная организация человеческого муравейника.

Человеческий муравейник есть бытие здесь, которое смысла не имеет.

Бытие вообще смысла не имеет. Ему смысл придает только смерть как его сверхзадача.

Это составляло философское метафизическое знание.

На практике я не ощущал давления. Даже попадая к ментам, даже когда они пытались меня запугивать, это воспринималось лишь эпизодом легкой встряски, не более того.

Стало пожестче, когда начали арестовывать, и я оказывался пленником репрессивной психиатрии. Там меня пытали. Я был пленником репрессивной психиатрии шесть раз. Но при этом я всё время оставался над собой. У меня не было отчаянной слитости с собственной юдолью, как у собаки, которую убивают, и она не может дистанцироваться от ситуации.

Я же сохранял способность относиться к этому с юмором, пусть и испытывая дикую боль, когда нас распинали, растягивали на связках и всаживали в четыре кости серу с персиковым маслом по рецепту Рейха.

Хорошая пытка. Почему-то о ней мало кто говорит.

Говорят о том, что электродами пытаются, бьют резиновой дубинкой по гениталиям, но почему-то про сульфазин забывают. А сульфазин — гениальная вещь. По четыре кубика в четыре кости — и человек скажет всё что угодно, чтобы получить укол морфия. Я достаточно много этого пережил.

В военной тюрьме надо мной летали вороны, и я испытывал ощущение колоссальной свободы. Это ощущение осталось со мной навсегда. Поэтому, когда меня пытали, когда я оказывался в ситуации полного скуляжа и повизгивания, я относился к этому с иронией и абсолютно отстраненно.

Кроме того, у меня всегда сохранялось ощущение, что совестно выразить недовольство своей судьбой. Мне стыдно позвать на помощь.

Если бы меня расстреливали, мне было бы стыдно проявить, что я внутри этой ситуации, а не снаружи.

Настоящий денди должен пройти мимо любой ситуации с сигареточкой в зубах, не поведя и бровью. А заверещать — тема позорная.

Поэтому совок прошел для меня тенью.

Ну какой совок после Сталина? Ну, физик Орлов, ну Богораз, Делоне. Всё реально, но прошло как тень.

В 20 лет я принадлежал к кругу пронацистскому, прогитлеровскому. Я считал, что после 1945 года Европы не существует.

Почему мой конфликт с внешним миром был таким острым? Власть не моя. Не я являюсь обладателем власти. Я мог бы какую-то власть принимать, только если я сам являюсь правящим.

Некий социум, общественные идеалы, поднятие к свету и солнцу интеллигентских масс в очках с портфелями в шляпах — для меня постановка вопроса абсурдна.

Я верю в касту воинов. И я верю, что всегда было только две касты — попы и воины. Либерализм, не либерализм, секуляризм, не секуляризм, буржуазия, не буржуазия — есть только две касты.

Да, они разгромили касту воинов. С приходом абсолютизма, с приходом лицензированного офицерства, созданием придворной аристократии вместо аристократии меча каста воинов уничтожена.

Она распалась на разрозненных одиноких героев.

Одинокие герои рождаются в народной толще — Бакунин, Нечаев, Че Гевара, Карлос.

Те, кто были воинами, Fedeli d'amore, кто шли в крестовые походы или наоборот их отражали, превратились в революционеров.

Я никогда не поверю, что истинные революционеры ведомы заботой об интересах народа. У человека колоссальный разрыв между матрицей и собственными убеждениями. Конечно, если он прочел Коммунистический манифест, живет в конце XIX века, то у него в голове белиберда про народ, он говорит, что нужно вывести к свету ужасное зачморенное огромное стадо.

Но подлинный пафос в его душе — черный индивидуальный ницшеанский романтизм.

Это хорошо показал автор романа «На краю», изданного в 1926 году.

Гениальная книга — жалею, что она куда-то запропастилась.

Роман об офицере-аристократе, сыне гвардейского генерала. Учился в пажемском корпусе. У него нет состояния, нет поместья, он зарабатывает на жизнь, преподавая в элитных дворянских домах, будучи сам человеком с именем. При этом он эсер, но вхож всюду, вплоть до тезоименитства принца Ольденбургского. Эсер «товарищ Сергей» встречается с другими товарищами в рабочей ячейке и читает «Искру».

По сюжету книги ему дают задание — убить некоего губернатора. И он его убивает, вызвав на дуэль после игры на золото в карты с товарищами по пажемскому корпусу. Они играют всю ночь, и он подводит губернатора, с которым он учился в юные годы, к дуэли.

Утром они едут в парк, выбирают шпаги, — дуэль, он его убивает.

После чего товарищи эсеры ему закатывают дикий скандал. Как он смел обойтись с приказом партии таким средневековым феодальным образом? Ему приказали провести ликвидацию, а он ее провел в форме дуэли, то есть идеологически дал противоположный вариант, обессмыслил акцию.

Тонко схвачена идея черного романтизма байронического революционера, героя, в противопоставлении тупому унылому марксистскому замесу в стиле «товарища Сергея», который в очочках приходит на собрание, разворачивает «Искру», читает высокие строки и говорит: «Вот, товарищи, сейчас перед нами очередная организационная задача...»

Я понимаю все возражения, которые можно сделать на этот счет. Есть одна тонкость.

Черный революционный романтизм — субстанция, горячее, и оно сверхценно. Но его надо трансцендировать, превратив в системное радикальное движение через Ислам, через религию.

Религия является тем солнечным лучом, который, будучи сконцентрированным в фокусе наводимой линзы, зажигает горячее, бензин дымится и вспыхивает бешеным пламенем. А горячее — черный романтизм индивидуального героизма.

Если его разбодяживать эсэровщиной или эрэсдеэrpевщиной, «Искрами», «Очередными задачами советской

власти», программными установками, — ничего хорошего не получится.

Взрывчатка будет флегматизирована.

А чтобы она вспыхнула и загорелась, нужен лазерный луч религии, Ислама, политического Ислама, подсоединение Ислама как трансцендентного индивидуального романтизма.

Именно это зажигает черный романтизм.

Истинный пафос всех, кто едет сражаться на джихад, связан с черным романтизмом, с персональным героическим комплексом.

Всё остальное — отстой.

Среди «лесных братьев» Шухевич был черным романтиком или, скажем осторожнее, элемент черного романтизма в нем наличествовал. Но не будем забывать, что преизобиловали куркули-мужики, которые дрались за свою собственность. Так же и кулаки сопротивлялись коллективизации.

Мы же не будем говорить, что они герои, сопротивлявшиеся из черного романтизма — просто своеобразная Вандея²⁷². Но и Вандею Гюго приукрасил. Крестьяне — это грибы, они грибы и есть.

Всё кончилось одновременно со Сталиным. Ушел Сталин, и ушли «лесные братья».

А дальше — лысый Хрущев, Никитушка Кукурузный, бьющий ботинком по стойке ООН, едва ворочающий челюстью Брежнев...

Такие фигуры не случайны.

Сталин — гламурная фигура.

Мы не знаем, каким он был бы в двух шагах от нас. Говорят, рябой, маленький — 168 см.

Откуда мы это знаем? Мы видим на пленке, что сняла камера. На камерах это круто, на камерах это вполне внушает.

²⁷² Вандейское восстание 1793–1796 — крестьянское восстание против Французской революции. См. роман Виктора Гюго «Девяносто третий год», 1874 год.

«Широкая грудь осетина». Ничего «тонкошеего»²⁷³ я не вижу. Пусть он один такой, но он заряжает остальных. Есть еще буденные, но всё не то. Благодаря тому, что Сталин среди них, на них тоже падает отблеск. Он не случаен.

Потом раз — и у нас Никитушка Кукурузный с мордой-картофелиной, с похожей на свинью Ниной Петровной. Просто Хавронья Хавроньевна.

После еще более стремные вожди с комическими психожестами типа почмокивания. Пошел постмодернистский балаган.

Мы берем видеокadres Сталина на трибуне Мавзолея, или Сталина между Черчиллем и Рузвельтом и, допустим, Брежнева на встрече с Луисом Корваланом, и ставим их рядом.

Между ними пропасть. Абсолютно разные матрицы, разные пространства, разное качество.

Понятно, что сталинское — враг, серьезный, реальный. А Брежнев — уже не серьезно.

Советская власть стала соломенным псом.

Когда я вышел из дурдома, Москва показалась мне изменившейся. Лена меня встречала, мы шли с ней по Москве. Я смотрю, и понимаю, что что-то изменилось — менты переоделись.

В моем детстве у ментов были синие шинели. Они были армейского покроя, но синего сукна. Они одевались в то же, что и армия, но другого цвета.

Я получал паспорт, когда мне было 16 лет, и визави сидели тогдашние, еще воевавшие менты в синих шинелях, синих кителях и требовали, чтобы я взял не такой паспорт, а этот паспорт, и я их посылал.

И вдруг они сняли свои синие шинели и появились в штиблетиках вместо сапог, в сизых штанишках. Старые, топающие сапожищами менты исчезли. В них было что-то от Жеглова, что-то отеческое. Как бы вот — я старый, я воевал,

²⁷³ «Широкая грудь осетина», «сброд тонкошеих вождей» — отсылка к стихотворению Осипа Мандельштама о Сталине «Горец» 1933 года.

я тебе в отцы гожусь, ты встал на скользкую дорожку, на этот раз отпускаю.

А переодевшиеся новые менты, уже абсолютно подлые, ушли в отрыв, в свое ментовское. Стали похожими на шпииков в своих сизых гражданских пальто с погонами.

И это бросило странный отсвет на всё остальное. Москва изменилась.

День советского перевалил за определенную черту, и сила солнечного света сократилась. Еще светло, но брезжат сумерки.

И происходит главное решение: кремлевские старцы, еще не состарившись окончательно, принимают решение взять курс на конвергенцию, которая является концом всего.

Я не жил в пространстве, пересекавшимся с совком.

Было несколько моментов пересечения: пару месяцев сторожем поработал, университет, армия, аресты, репрессивная психиатрия. Такие ожоги.

Но в основном я жил в пространстве, где совок отсутствовал — на территории, где шла интеллектуальная жизнь. Предмет нашего дискурса никак не соприкасался с совком.

Мы обсуждали с Женей Головиным Парацельса, Женя раскрывал его тайны на старонемецком языке. Мы обсуждали Генона. Мы читали книжки, изъятые из спецхрана, мы находились в состоянии глубокой эйфории брутального типа, как Элевсинские мистерии.

Мы были носителями такого энергетического качества, что совок не мог на нас ни наехать, ни накатить. Мы были открытыми нацистами, и будь это с кем-то другим, тех людей бы сгноили. А мы имели несколько столкновений — и всё. Не потому, что нас принимали за сумасшедших. К нам относились очень серьезно. Моей матери в середине 70-х звонили из КГБ и говорили:

— Мы вашего сына убьем.

Мать передала трубку Теймуразу, и Теймураз сказал:

— Вы — твари, я вашу породу знаю. Я могу вас раскатать, как Бог черепаху.

И всё, больше никто не звонил.

Мы были носителями черного пламени, когда еще ничего такого даже близко не было. В 80-х годах пошли демонстрации в честь дня рождения Гитлера — и это было уже чистым фейком.

Когда я сидел в дурдоме, пытаюсь получить группу, записал одну вещь, которая стала для меня инструментальной: «Смысл человеческой жизни — это смерть. Смерть является абсолютной целью, абсолютной самодостаточной сверхценностью, к которой надо стремиться». Я записал это в двухкопеечную тетрадочку...

В другой раз, когда я сидел в дурдоме, мне из Парижа привезли Коран.

Малый отряд избранных. Пророки и люди. Тема гов. Евреи левые и правые

Элит много. Есть один тип избранных, другой.
А есть малый отряд избранных, который противостоит
мировому злу.

Человеческий социум — тень сатаны на земле, непосредственная проекция сатаны. Поэтому во всех наших авраамических текстах сказано, что Всевышний попустил сатане до Судного дня, до последней битвы действовать и соблазнять человека²⁷⁴.

Второй момент — это заговор системы против обычных человеческих существ, и протекает он на сверхчеловеческом уровне.

Не три обычных человека, которые пытаются договориться, но тут же начинают наступать на шнурки, кидаться подушками, пирожными, а гораздо более высокий уровень, чем человеческий. Подразумеваются люди, организованные выше, чем средний обыватель, который ходит по улицам.

Ислам антигуманистичен. По Исламу человек является противником Бога. «Мы сотворили его из капли, а он враждебен определено»²⁷⁵. Человек называется явным оппонентом Всевышнего. Там, где кончается человек, начинается Бог, и наоборот: там, где начинается человек, кончается Бог.

Если ты верующий человек, то прежде всего ты должен вести борьбу с человеком как с неким гештальтом, как с данностью. С человеком в целом. С общечеловеческими ценностями. Ты должен вести борьбу со всем этим.

²⁷⁴ Сура 7, аят 17.

²⁷⁵ Сура 36, аят 77. Сура 16, аят 4.

С чем я всегда соглашался в еврейском взгляде на мир, так это с точкой зрения по поводу гоев. Да, я считаю, что люди, не связанные духовными узами с Авраамом, представляют собой мусор.

При этом связь по крови — эксклюзивная связь.

Я не считаю, что есть народы, которые непосредственно происходят от Авраама. Только пророки и их родственники.

Все остальные люди — обезьяны, примыкающие к посланию Авраама на виртуальном уровне. Они следуют за пророками, они усваивают дискурс, и благодаря этому в них оживает потенция получения божьей искры. Эту потенцию они могут развить, а могут и не развить.

Но если духовной линии, связанной с авраамической реальностью, нет, то эти люди являются просто страшными обезьянами, джиннами, шайтанами, которые никакой самостоятельной ценности не представляют. Более того, они враждебны Духу.

Евреи приписывают себе некую эксклюзивность, на которую они не имеют оснований, потому что большинство современных евреев не имеет отношения к авраамической традиции.

Самое интересное в евреях даже не то, что они ненавидят гоев.

«Тикун олам», «исправлять мир» — один из главных тезисов каббалы. Как раз это имел в виду Маркс, когда говорил, что «многие философы пытались понять мир, а дело состоит в том, чтобы его исправить»²⁷⁶.

Но гораздо более интересным, чем еврейское отношение к жизни, является ощущение глубокого инфернального падения при рождении *сюда*.

У Багрицкого есть потрясающее стихотворение под названием «Происхождение». Я считаю, что это его главное стихотворение.

Но в сумраке старея,
Горбаты, узловаты и дики,

²⁷⁶ Одиннадцатый тезис Маркса в «Тезисах о Фейербахе», 1845 год.

В меня кидают ржавые евреи
Обросшие щетиной кулаки.

В этом стихотворении рисуется чудовищный мир, полный негатива, полный инфернальности.

Любовь?
Но съеденные вшами косы;
Ключица, выпирающая косо;
Прыщи; обмазанный селедкой рот
Да шеи лошадиный поворот.

Страшные строки, выражающие одну из наиболее острых черт еврейского менталитета — брезгливый негатив к миру. Отсюда проявляется интересная воля исправить его, преобразить из дерьма в золото: был сортир, выгребная яма, а мы сделаем из нее дворец.

Отсюда такая кропотливая работа. К сожалению, в 99 % случаев она выражается в сосредоточении на материальном преображении — собрании ресурсов, накоплении ресурсов, чтобы вырваться из ситуации, подняться над общей ситуацией, быть независимым от нее.

Но поскольку еврей не является оппозиционером внутри этого мира, он не может его контролировать и не может быть его хозяином. Поэтому еврей всегда является посредником. Он является посредником между политиками, между королями, между государствами, партиями, церквями. Всюду, куда ты ни помотришь, ты находишь еврея, который является посредником и решает вопросы.

Как говорил Аркадий Шварцер, «в какую бы лабораторию ты ни взглянул, во главе нее стоит Остап Бендер». И добавлял: «Почему же меня не берут в мировое правительство? Ведь я же чистый еврей!» А в какой-то момент сказал: «Я понял! Меня уже взяли, просто я об этом не знал».

Это серьезная проблема, потому что она не дает возможности еврею продуктивно осуществлять его задачу «тикун олам».

К примеру, он революционер, он входит в клинч с установленным порядком, но через некоторое время оказывается, что он революционер какой-то не такой.

Изя Шамир пересказал мне интересное наблюдение профессора из Еврейского университета в Иерусалиме.

Евреи не левые по своей сути, евреи — правые, более того, евреи близки к фашизму. Но в те времена, когда они вышли из гетто после Наполеона и когда началась эпоха Хаскала²⁷⁷, когда они начали секуляризоваться и цивилизоваться, стоять на стороне правых означало быть за церковь, короля, феодалов, то есть за то омерзительное и страшное, что враждебно и неприемлемо для евреев.

У них не было другого выбора, кроме как пойти налево — к Марксу, Гейне, Мозесу²⁷⁸. А когда правая сторона секуляризовалась и перестала ассоциироваться с церковью и королем, евреи пошли направо. И они стали очень крутыми фашистами. Их было полно в среде крайне правых во Франции и в Германии.

Вообще, для евреев более естественно быть крайне правым, чем крайне левым, если не считать специфический тип вроде Бори Кагарлицкого, книжного начетчика-марксиста.

Есть разные типы.

Но между марксистом Борей Кагарлицким и каким-нибудь правым фашистом Авигдором Эскиным всегда будет общее взаимопонимание, потому что и тот, и другой главным своим предметом будут считать их общее выживание и защиту.

Евреи сделали огромную ошибку.

В конфликте Ислама и Запада они встали на сторону Запада, хотя Ислам защищал евреев от Запада в течение 1000 лет.

²⁷⁷ Хаскала — еврейское движение с середины XVIII века за ценности европейского Просвещения, привело еврейство к выходу из гетто.

²⁷⁸ Мозес Гесс (1812–1875) — приятель Маркса в юности, на которого оказал определенное влияние по части коммунистических идей, позже занялся концепцией сионизма и в 1862 году издал базовый труд «Рим и Иерусалим» о двух исторических расах арийцев и семитов.

Принято считать, что выбор сделан из-за государства Израиль.

Однако государство Израиль является разменной монетой в руках Запада.

Поэтому евреи не руководят своей судьбой, а являются инструментом римского, англо-саксонского мира.

Сегодняшний Израиль — карикатурная копия Иерусалимского королевства, основанного герцогом Бульонским, Плантагенетами — фланг Запада на Ближнем Востоке под видом еврейства.

Всё хитро оформлено, сопряжено с холокостом, со второй мировой войной, и очень ловко подано. Следует приплюсовать к этому коллективный идиотизм западного человека, являющегося барашком на лугу.

*Почему Восток проиграл Западу. Кшатрии
за мировой порядок и герои против него.
Политический Ислам*

На 1800 год Китай был сверхдержавой. Китай просто не подозревал, что его могут сделать. Одна из причин, почему его сделали, — почивание на лаврах. Они были просто уверены, что у них мощное производство, высокий уровень жизни.

Высокий уровень жизни был и в остальных странах Востока.

Есть замечательная книга, посвященная изменению точки зрения Запада на Восток с ходом времени: что думал Запад в 1400, 1500, 1600 и далее²⁷⁹.

До 1700 года Восток был для Запада примерно тем же, что для нищего совка Соединенные Штаты.

Мы берем шире. В 1762 началась промышленная революция в Англии. За два года до этого — битва за Калькутту. Первая великая битва, в которой Индия потерпела поражение. С этого момента начинается ее ограбление, вывод ценностей, легших в основу промышленной революции.

Вена (осада 1683 года) — еще далеко не поражение османов, только остановка. Да, начало конца, но это как в 1941 году невзятие Москвы. После еще три года били морды, возились, ходили туда-сюда, Сталинград, Курск.

Да, под Веной остановили, но если посмотреть на карту 1750 года, то есть много лет спустя после Вены, то увидишь, что Румыния, все Балканы, значительная часть Украины, Азов — турецкая территория. Черное море — внутреннее турецкое озеро. Мы не говорим о ерунде типа материальной базы, ресурсов, золота.

²⁷⁹ Книга американского политолога Джека Голдстоуна (род. 1953) «Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850», 2008 г.

В какой-то момент Европа как каток прошлась и раздавила высокоорганизованный Восток. Уже потом появились танки и самолеты, которые Восток не делал.

Но в 1750 году турецкая артиллерия была лучшая в мире. Турецкие ружья были качественнее английских. Всё было лучше.

В 1800 тоже принципиальных изменений не было.

А в 1877 под Шипкой турки вооружены то ли Ли-метфордами²⁸⁰, то ли немецкими штуцерами. Но очень хороши-ми, которыми они набили огромную кучу российских солдатиков. Но уже не своим оружием. А всего лишь за 90 лет до этого у них было свое.

Пойдем вглубь.

Почему Рим, тоже дикий, создал великую империю и прошел всё Средиземноморье и не только, как иголка пронзает холстину?

Почему римляне, вооруженные бронзовыми мечами, ломали о колено народы, вооруженные сталью? Верцингеторикса и его кельтов с отличными стальными мечами. Бронза римского оружия, их короткие мечи — известный принципиальный факт. Бронзой они были вооружены. Это специальный момент, на котором сосредотачивались, а не то что какой-то домысел. Об этом с удивлением говорят.

Да, англичан били в Афганистане. Но в целом Запад одолел Восток. И одолел он его не вчера, не при Виктории, а одолел еще при Македонском. Почему?

Метафизика этого иррациональна.

Я пришел к выводу, что мировые элиты в какой-то момент договорились лечь под Запад. Клеопатры, древние египтяне, раджи с брахманами в какой-то момент поняли, что человечество вступает в финальную полосу кризиса и нужно мировое правительство.

Мировое правительство могли обеспечить только западники, у которых воинская каста была переразвита.

²⁸⁰ Lee-Metford — английская винтовка.

Известно, что Европа всегда была крепка воинской кастой, а клерикальная надстройка оставалась достаточно слабой. Нигде же не происходило такой борьбы между клерикалами и воинами, как в Европе. В Индии было, но давно.

В Европе организующее пассионарное воинское начало, имперское начало было очень мощным. Все остальные традиции возглавлялись клерикалами. Они решили лечь под Запад, который эволюционировал, шел от Рима к нынешнему состоянию и далее, но с тем, чтобы мировое правительство защищало интересы элит по всему миру.

Мы видим сговор.

Избыток пассионариев-кшатриев — мотив, но важна метафизическая основа.

Эти пассионарии-кшатрии — не кшатрии, которые бросают вызов мировому порядку. Настоящие герои получают себе Откровение — такое, как Коран, — и это откровение для них становится их мистерией.

Коран, Ислам — мистерия кшатриев, мистерия героев. Они должны быть главными, первыми, им должна принадлежать власть, клерикалов — к ногтю.

Запад же против Иерусалима, против Мекки. Рим против Иерусалима. Эти кшатрии на службе мирового порядка.

Начинал всё это Македонский.

Македонский — ученик Аристотеля.

Он впервые пришел в столкновение с большим внешним миром и с метафизиками вне себя, в «открытом космосе». Он толкался, топал ногами, треножник Пифии перевернул. Вел себя круто. В итоге он создал империю, которая вся стояла на эллинизме. А эллинизм — просто универсальный язык поповской супертрадиции. В итоге Македонский со своим Аристотелем всё равно обслуживал мировую систему. И мировая система сегодня должна молиться на Македонского. Потому что он является ее Менделеевым и Ломоносовым одновременно, он ее сделал 2300 лет назад.

Но я думаю, что дело упирается в еще более раннее время.

Авраам был 4300 лет назад. Авраам сразу бросил вызов Нимроду. Авраам бросил вызов Вавилону, который в то время являлся мировой столицей.

Вавилон — образ мировой системы, родина Вавилонской башни. На Вавилоне сходились все — Китай, Ассирия-Вавилония, Хаммурапи.

Какая Европа 4300 лет назад? Речки, болота, никаких греков. Но есть Вавилон и есть Авраам. Авраам — это всё, что необходимо.

Коран и Ислам — возврат к Аврааму, просто восстановление ханифизма²⁸¹.

Если можно говорить о салафизме как о попытке восстановления Ислама «как при пророке», то сам пророк — это восстановление «как при Аврааме». Это чистый ханифизм. А что такое ханифизм? Принципиальная отмена утвердительного контента жреческой метафизики.

Вот есть Логос, жреческая метафизика, Платон, Аристотель.

А есть Откровение, которое отменяет этот контент и говорит:

— Ребята! Всё, что у вас есть, — все эти рассуждения о недвойственности, о великом Едином, о базе разворачивания бытийной манифестации, — всё чушь, потому что у нас идет прямой сигнал от Того, что не пересекается с вашей плоскостью. Чтобы вы ни предложили, тот Бог, которому мы поклоняемся, является принципом, противоположным вашему. Он противоположен принципу универсального Всё, который вы выкатываете, как турусы на колесах. То, чему мы поклоняемся, не присутствует в вашем универсальном Всё, — причем не присутствует радикально. И в нашем опыте не присутствует, и в вашей метафизике не присутствует. Но мы ставим это в центр нашей утвердительной практики.

²⁸¹ «Ибрахим не был ни иудеем, ни христианином. Он был ханифом, мусульманином и не был язычником». Сура 3, аят 67. Ханиф (араб.) — вернувшийся, предавшийся Всевышнему, честный.

Тогда элиты, всякие брахманы, говорят:

— Ну что же это такое! Ничего круче против нас никогда не было. Ведь это мгновенно обесценивает и перечеркивает всё. Всё, что мы до сих пор визировали, визионировали, испытывали, реализовывали в экстатическом снятии субъекта и объекта, всё это оказывается просто мусором. Они говорят нам, что стрелка их духовного компаса на то, что в принципе отсутствует в опыте. Они утверждают, что чего у жрецов нет, чего нет ни у кого и нигде, является Истиной и Центром.

Значит давить! Но как давить? Давить так: мировое правительство.

Есть много матриц, много цивилизаций, и у них у всех один ключик.

Но этот ключ не проявлен до Македонского. Пока не было эллинизма, никто не мог объяснить, что, например, мудрость адвайта-ведантизма и мудрость досократиков, и мудрость ацтеков, и мудрость даосов — одна и та же мудрость, изложенная разными парадигмами.

Появился эллинизм — и на языке «модернизированного» Платона всё расставили по своим местам в огромной «таблице Менделеева».

Много матриц, и все они беззащитны: где-то сидят памирцы, тут Дарий сидит, дальше Индия с какими-то тамильскими мистериями, тут тебе Кали-юга. Есть всё, что душе угодно. Всё очень пестро, сочно. Но если это кипение онтологии ничего не стоит, то ответом может быть только мировое правительство.

И всю дальнейшую авраамическую историю мы видим, как происходит реализация гиперимперского проекта. На наших глазах.

Споры идут между людьми, которые абсолютно ничего не понимают в Исламе даже близко. Ибн Таймия ничего не говорил об Исламе.

Есть круг. Есть пророк, и есть ближний круг, есть салафы, есть табиины. Есть Али, который это очень хорошо выражает. Почему его пророк в сунне называет «врата в град знания»?

Потому что вот эта тема, так резко выраженная в фразе: «Что бы вы себе ни представили, Аллах противоположен этому»²⁸². Это как раз изложено в «Нахдж-уль-балага» («Путь красноречия») у Али очень остро²⁸³. И этого ни на грамм нет у нынешних шиитов, которые просто являются пантеистами-суффиями.

У Сирхинди²⁸⁴ это есть, он бросил вызов Мухиддину Ибн Араби. Он сказал, что вахдат аль вуджуд (единство бытия) — страшное заблуждение, и реальность противоположна этому, категорически нет никакого вахдата.

Сначала он пытался паллиатив²⁸⁵ сделать с «зиллият», с тенью: «Учение о тени».

Ахмад Сирхинди является вдохновителем деобанди²⁸⁶, из которого вышли талибы²⁸⁷. Вот он сидел при великих моголах. Первую часть своей жизни он следовал за Ибн Араби. Тут без вариантов — все суффии были последователями Мухиддина Ибн Араби. Они все пантеисты. Пантеизм — их общий знаменатель, с обожением твари, тождеством, инсан аль-камиль. Натуральный платонизм. Все суффии были платониками.

И Сирхинди был единственным человеком, который, оставаясь суффием, сказал: «Да это же полная чушь! Этого же быть не может. Тогда чего ради мы этому поклоняемся? Если тварь тождественна творцу, если всё на самом деле слито

²⁸² Высказывание Ахмада ибн Ханбаля (780–855), основоположника ханбалитского масхаба.

²⁸³ «Нахдж-уль-балага» (араб. «Путь красноречия») — высказывания Али ибн Абу Талиба, собранные Шарифом Рази (970–1015).

²⁸⁴ Ахмад аль Фаруки Сирхинди (1564–1624) — правовед ханафитского масхаба, шейх Нахшбандийского тариката, вел политическую борьбу против шаха Акбара в империи Великих Моголов.

²⁸⁵ Паллиатив (фр.) — термин, обозначающий полумеру, временное решение.

²⁸⁶ Деобанди — мусульманское движение в британской Индии, действовало с 1866 года, возникло после поражения антиколониального восстания сипаев 1857–1859 годов. Название происходит от города Деобанд.

²⁸⁷ Данный вопрос подробно разобран в книге «Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке» 2005 года. Книга является сборником исследований научной группы Исламского комитета под руководством Гейдара Джемалья.

в универсальном Всём, тогда чего стоит откровение? Чем же мы тогда отличаемся от мушриков? Мушрики-то тоже пантеисты».

И он сначала перешел к доктрине зиллията, то есть что всё сущее есть тень Аллаха.

Но потом он решил, что зиллият — это слабо. Либо есть Аллах и нет ничего остального, либо есть всё, но при этом нет Аллаха. Но если есть всё остальное и нет Аллаха, то тогда его «нет» круче, чем всё остальное «есть». Это как весы. Реальное отсутствие Аллаха и есть сверхценность, а всё остальное только обозначает вот эту сверхценность. Своим наличием оно указывает на эту сверхценность.

Но, конечно, его очень сильно не поняли. Только тоненький ручеек пробился.

Я очень не уверен, что сейчас хорошо понимают учение деобанди. Там есть крутые интеллектуалы, сидящие в Англии. У меня стоит книжка, очень хорошее детальное исследование на английском языке. Она показывает, что кто-то есть, способный изложить, но я думаю, что лишь чуть-чуть.

Во всяком случае ни деобанди, ни талибы не являются сегодня решающей скрепкой в мировом суфизме. Ибн Араби как был, так и остается абсолютным мейнстримом. И это такой мейнстрим, который и в Куме мейнстрим — шиитский *ирфан* есть не что иное, как пантеизм. Пресловутый Мулла Садра, основоположник великой иранской философии — ученик учеников Ибн Араби.

Турция тоже вся лежит под этим.

Динамика конфликта бекташи-накхшбанди, вокруг которого происходит крах янычар, — всё крутится вокруг этого. Я это всё излагал турецкому тезке моего сына. Мы с ним очень хорошо поговорили.

Салафизм, вообще говоря, близок к слабоумию. Но в чем его гениальность?

Он держит поле под паром до прихода чего-то действительно стоящего.

Он говорит «стоп, машина!» Аристотелю и Платону.

— Не сметь!

— Но как же, философия, мудрость!

— Нет, не сметь! Лечь, отжаться.

— Но это же на века!?

— Не сметь!

Пока мы не пришли с нашей новой мыслью, поле оставалось целинным.

У нас в Исламе сплошной Казахстан до 1956 года, который мы теперь должны запахать альтернативной мыслью. Радикальной, альтернативной мыслью, на которую Сирхинди только намекнул.

А это же основа политического Ислама.

Основа политического Ислама — это абсолютный конфликт сознания, которое выражено в концепции противоположности всему сущему, и всего сущего, которое является мудростью в себе и самооценностью в себе, для которого сознание есть травма, язва, позорная болезнь, которую нужно ликвидировать. Инициатический путь по обожению есть путь ликвидации сознания как позорной болезни. Нафс, то, что называется нафс.

Политический Ислам есть борьба с Бытием, которое выражается в форме организованного глобального общества.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали.

Речь идет о зерне монотеизма, которое ашариты, мутазилиты вообще не понимают. Но зато понимают брахманы, они понимают, что им грозит. Они понимают вызов, чувствуют его шкурой.

Приходит Муса, и на него выкатывается каббала. Приходит Иса, и на него выкатываются Ормузд с Ариманом. Как только происходит вброс чистого монотеизма, на него тут же накидывают мокрые медвежьи шкуры старой метафизики, старой интерпретации.

То же самое попытались сделать и с Исламом, и в общем-то сделали, но здесь есть одно *но*.

Коран перед нами. У иудеев или христиан нет неизменного Корана. У них нет Корана, который является прямым присутствием Аллаха.

Ветхий Завет десять раз переписывался, уничтожался, воспроизводился, добавлялся.

С редакцией Османа даже Али согласился. Это провиденциальная редакция.

И сказано очень интересная вещь: Всевышний берет на себя сохранять Коран до последней точки, до последней буквы до дня Страшного Суда.

Что это значит? Некоторые интерпретируют это так, что в День Суда будет явлена копия, которая была составлена Али и которую отвергли. Провиденциально есть всем известная версия, принятая Али, и есть копия самого Али...

Мы стоим на той позиции, что настоящая правда нам не известна, нет никаких пиров²⁸⁸, нет никакого посвящения, а есть только работа чистой мысли над интерпретацией коранического текста, правильное буквальное понимание, которое ведет нас очень далеко.

Но в буквализме имеется ложное тупиковое ответвление — «рука Аллаха», в какой форме она существует, есть ли рука и прочее.

На самом деле вопрос интереснее.

Ты не можешь подойти к интерпретации Корана, не имея заранее некой философии. Если у тебя в голове Платон, то ты подходишь определенным образом. Если у тебя запрос на философию, то ты подходишь так, что рука — это рука. А если у тебя философия анти-Платон, то ты подходишь к Корану не по-тупому, что рука — это рука, и не так, как суфии, которые говорят, что белое — на самом деле черное. Ты подходишь исходя из того, что правдой является не тождество всего всему, а абсолютно противоположное — нетождество Аллаха ничему.

И Муса об этом говорил, и Иса об этом говорил, и у Авраама это есть.

²⁸⁸ Пир — от персидского «старец», руководитель тариката.

Если читать правильно текст, когда Авраам ищет, чему бы поклониться. «Ветру ли поклонимся? Но ветер умолкнет. Звезде ли поклонимся? Но звезда исчезает за зарей. Солнцу ли поклонимся, но его закрыла туча. Так не будем поклоняться ничему из всего этого. А будем поклоняться тому, что никоим образом не может быть проявлено или указано»²⁸⁹. Объект поклонения не может быть ассоциирован, проявлен и, самое главное, выражен в символах.

Перебираются разные сакральные символы, а не реальные физические или космические объекты. Некие сакральные символы, прорывные точки сборки. И оказывается, что все они имманентны. «Так будем же поклоняться тому, что абсолютно противоположно».

Авраам это знал, Муса это знал, все пророки это знали.

Но простой человек-то глиняный. Искра Святого Духа была вложена в Адама, и все пророки — его потомки. А люди — глина, в них никто ничего не вкладывал, и только по виртуальному приобщению они могут быть причастны истине, могут быть носителями отсвета Святого Духа. Вообще-то их к глине тянет, они же, как сказано в Коране, оппоненты явные²⁹⁰. Они же враги Аллаха, и только в некоем сверхусилии некоторая часть из них составляет общину, которая идет за пророком. А так-то они враги.

Поэтому деобанди — это просто такой «мяук», некоторое точечное проявление, но оно тоже провиденциальное: нельзя же совсем оставить без намека.

Дан некий намек, который как-то выживает. Может, кто-нибудь из крутых за чаем в чайхане что-нибудь такое интуитирует. Но это не работает, не выливается в большую метафизику, в мейнстрим.

А вот если это сформулировать всем аппаратом развитой сегодня философской мысли как некий независимый труд — такой как, скажем, «Наука логики» Гегеля. Только это,

²⁸⁹ Сура 6, аят 75–79.

²⁹⁰ Сура 36, аят 76–80.

конечно, будет анти-Гегель, потому что Гегель — это максимальная платонизация дискурса. Идея, которая абсолютно тождественна Бытию — она же есть и благо, и она в своей динамике приходит к тому, что последний финальный уровень развития после Христа — он и есть сам Гегель, который ее понял. Идея, которая в Гегеле осознает саму себя, и как Уроборос²⁹¹ кусает себя за хвост. Всё, тут уже совершенство.

Но это всё колоссально «протюкано».

Евклид сказал, что параллельные линии никогда не пересекаются, а Лобачевский это опроверг и построил свою альтернативную геометрию, где параллельные прямые пересекаются в бесконечности.

Что такое исламская метафизика? Это как раз Лобачевский. Есть две параллельные, и я говорю, что они пересекаются. И тогда всё получается наоборот, и ты, уже обладая аппаратом, подходишь к Корану и получаешь такое богатство, как если бы ударил киркой по скале, и оттуда бы посыпались драгоценные камни и золото. Это же уже совсем другой коленкор.

И все те, кто сидит наверху, мотивируются ужасом перед такой перспективой.

Почему проиграло восстание сипаев в Индии²⁹²? Потому что, когда побили англичан один раз и второй, ханы и раджи смотрят и думают: «Нет, лучше уже англичане».

А кто возглавлял восстание сипаев? Школьный учитель-ваххабит²⁹³. В толстой советской книжке так и было написано — школьный учитель-ваххабит.

²⁹¹ Уроборос — греч. «змей, кусающий себя».

²⁹² Восстание в Индии против англичан 1857–1859 годов.

²⁹³ Религиозный учитель Маулави Лиакат Али (1817–1892) возглавлял восстание в Аллахабаде в ходе восстания сипаев. Англичане его арестовали в 1871 году, приговорили к смерти. Умер в плену в 1892 году.

В тем пробиеша ушии

Есть такая установка либерального мира, что мусульмане не являются субъектом, не являются участником политической борьбы, не являются участником истории — это внутренняя, фундаментальная вшитая им в подкорку установка.

Причем это касается не только ребят, которые ушли в лес, не только тех, которые уехали в Сирию. Про Эрдогана, например, я тоже читал недавно у одного крупного известного аналитика, что «может показаться по последним резким действиям Эрдогана, как будто он действительно неуправляем, но, конечно же, мы понимаем, что он управляем — иначе быть не может; хотя может показаться наоборот, но это миф».

То есть доходит до президента крупной страны, который уже доказал, что Турция действует исходя из собственной повестки дня. При этом аналитика ломает признать, что это так. Для него Эрдоган, несмотря на всю видимость, что он независим, несмотря на всю видимость, что он идет против течения, он, конечно же, управляем, а уж касательно просто мусульман-джихадистов, радикалов — вообще говорить не о чем.

Это синдром большого внутреннего страха, который испытывает куфр перед феноменом Ислама, бьющегося за восстановление своей политической субъектности.

Метафизическую и теологическую субъектность Ислам никогда не терял. Но ведь пафос Ислама в том, что его субъектность высшего плана обязательно должна быть проведена на самые конкретные низшие слои. А здесь разрыв — проявленность на низшем уровне была утрачена несколько поколений назад. И сегодня мусульмане бьются за то, чтобы снова стать субъектом и игроком большой истории. Я имею в виду настоящей истории, которая имеет легендарно-символический смысл, эсхатологической истории, истории, которая

имеет движение, сюжет и конец. Мусульмане — единственные, кто воплощают в себе принцип этого сознания.

Дело в том, что либералы не могут втянуть в себя, интегрировать в себя понимание, которое одушевляет мусульман, потому что либералам непредставимо, что можно быть идеологически эсхатологом, то есть можно сражаться за реальное исполнение всех исторических обетований, за то, чтобы история остановилась, реализовалась, всё в ней было подведено к итогу для того, чтобы был конец этого ветхого мира, ветхого бытия, Воскресение, Суд и Новая земля и Новое небо — то, что для верующих христиан было актуально 300 лет назад.

Сегодняшняя эпоха точно воспроизводит позднюю античность, потому что ее порнография, ее либерализм, ее «нью-эйдж», ее синкретизм, ее околесность и ахинейность, невразумительность — это всё характеристики позднего Рима перед концом.

С другой стороны, есть традиционалисты, которые внутри этого Рима сидели (тогда сидели и сегодня сидят). Мы знаем, что эти традиционалисты — это клерикалы и знать, которые никуда не делись. Но они были и в позднем Риме — неоплатоники, неоплатонические школы, гностики — вся столбовая линия большой философии.

Были и радикалы. Кто были тогда радикалы в позднем Риме, в поздней античности? Христиане, которых преследовали, уничтожали, то есть подпольные общины.

Сегодня радикалы — это политический Ислам.

Три силы — либералы, радикалы и традиционалисты — все были в поздней античности. Методологически они воспроизводят ту же самую картину, которая была две тысячи лет назад. Более того, даже такие технологические прорывы и гаджеты (конечно, не электроника, но, например, паровая машина в Риме изобретена²⁹⁴, потом после коллапса ее забыли).

²⁹⁴ Паровую турбину и другие технологии изобрел Герон Александрийский (I век н. э.) — греческий математик и механик в Египте, который уже входил в Римскую империю.

Речь идет о том, чтобы восстановить субъектность. Как восстановить субъектность? Воевать за конец света нельзя, потому что о конце света знает только Всевышний — единственный автор исторического сюжета, по которому построено течение времени в событийной жизни нашего человечества.

О том, как сюжет кончится, как он будет развиваться, мы ничего знать не можем. Но мы знаем о том, что есть глобальное мировое общество, которое исключает Ислам как фактор объективного духа.

Для глобального общества религия — это институт, это институт внутри социума. Это папа римский, который является классным наставником для контроля, чтобы ключи от понятия «добро» находились в определенных руках.

И вдруг является сила, которая говорит, что для нас Дух абсолютно объективен. Он вне человеческого пространства, вне человеческого опыта и восприятия. Он идет вразрез со всеми ожиданиями, воображениями, всеми интеллектуальными парадигмами. Это абсолютно неизвестное и запредельное, и оно является здесь и теперь главным фактором, ради которого мы будем бороться и умирать.

Вот фундаментальная парадигма идеологии.

Как она практически реализуется?

Вот территория, и на этой территории должен быть Шариат. Когда на этой территории Шариат и это легитимная территория, она поднимает знамя, объединяется с другими территориями, на которых Шариат, то это образование субъекта. Территориально это пространство, куда сходятся люди (они совершенно независимы от этнического происхождения, от того, местные они или не местные) — их объединяет Шариат.

Что такое Шариат? Шариат — это кодифицированная справедливость, которая не зависит от человеческого произвола.

Поднимается знамя на этой территории — и это субъект игры.

Дальше ему бросают вызов либералы, для которых это ужас, потому что это конец их аргументации от тела, это конец их аргументации от сенсуализма, от чувственного

мировосприятия, от концепции комфорта, конец всему. И, самое главное, это конец их атомарной неукорененности в смысле.

Но против этого выступают и традиционалисты, потому что для традиционалистов самое главное — «что вверху, то и внизу», пронизывающий мир символизм с отсылкой к идеям Платона.

Вдруг навстречу выступают радикалы, которые говорят:

— Наше понятие о справедливости строится на том, что Аллах противоположен всему, что вы можете вообразить. Вы не можете Его понять, вы не можете Его воспринять, Он противоположен абсолютно всему созданному. Всё сотворено для того, чтобы обозначать неведение о Нём, но Он здесь и теперь и Он является гарантом абсолютной справедливости. Мы парадоксальным образом посвящаем всё сущее Тому, что противостоит этому сущему.

Традиционалисты откидываются назад, разводят руками и говорят:

— Ребята, тогда война.

— Хорошо, мы здесь застолбили территорию, мы здесь объявили Шариат, мы подняли черное знамя непостижимой тайны, и мы будем отстаивать, что смысл истории — вот здесь, где мы его подняли.

Так что вот это — идеология.

Определенные согласования идут, определенные тайные сделки и сговоры в сфере *real politic* происходят. Но, честно говоря, есть ли какая-нибудь революция или есть ли какой-нибудь радикальный процесс, о котором мы безусловно знаем, что это живая история, что это совершилось, потому что не могло не совершиться (типа Великой Французской революции, типа Октября 17-го) — есть ли они без этого?

Всегда для меня была большая проблема с пониманием того, почему Красная армия не взяла Варшаву в 1920 году. Потому что падение Варшавы открывало ворота на Берлин, а взятие Берлина — это мировая революция, это Европа, которая становится красной и т. д. А невзятие Варшавы привело к тому, что пошло дальше: Сталин, замыкание Советского

Союза в своем контуре, переход ко Второй мировой войне со всем последующим и с Горбачевым и Ельциным на выходе. Горбачев и Ельцин были запрограммированы в 1920 году.

Значит, это что? Это сговор, манипуляция, предательство Сталина на этом этапе или «так получилось»? Почему отказались от мировой революции после 1920-го года? Почему слили Коминтерн?²⁹⁵

Сейчас быстро время идет. Я считаю, что на самом деле лидеры ИГ полагали, что свалить Асада — это рукой подать, он как бы у них в кармане. А вот Асад уходит — и тогда что? Тогда Дамаск свободен. И кто туда приходит и кто там сидится? Джабхат ан-нусра или Свободная сирийская армия или мы? Поскольку с Асадом казалось, что всё решено, то прежде, чем мы добьем Асада, давайте решим, кто будет в освобожденном от него Дамаске.

Мне кажется, что логика была достаточно очевидно именно такая.

Поднялись антиисламские силы, пошла широкая полоса противостояний, потому что либералы внутри Туниса, Ливии, Египта начали давать бой при поддержке западной мировой системы, как мы видим это в Египте: Сиси тут же мощно оперся на Саудовскую Аравию, на поддержку Запада (Запад стоит за Саудию, которая всю дорогу ненавидела ихванов и которая приветствовала переворот хунты).

Во-первых, нужно понять следующее: что значит арабская весна и полоса исламских революций? Она же не полоса таких переворотов, которые должны создать удобное, комфортное общество, где тут же заработает наука, образование, станет дешевле жить, заполнятся прилавки. Это не исламская мечта, это мечта совка образца 1991-го года. Это один момент.

²⁹⁵ Коминтерн (Коммунистический интернационал) — III Интернационал, существовал с 1919 по 1943. Сталин договорился с союзниками о сдаче Коминтерна с его разветвленной сетью в мире, в обмен на открытие второго фронта против Германии. В 30-е годы многие члены Коминтерна, искавшие убежища в СССР, были репрессированы. В 1943 году члены Коминтерна с семьями, проживавшие в гостинице «Люкс» (с 1953 года переименована в «Центральную»), были расстреляны.

А второй момент — это то, что мы находимся в полосе войны, мы находимся в незаконченном процессе. Это примерно как если говорить, допустим, «смотрите, октябрьский переворот 1917-го года совершен, а в 1919 году у нас «буржуйки», у нас дико холодно, люди-энтузиасты ходят слушать Блока, одетые в валенки, отмораживая себе ноги, и пьют чай из морковки. А зачем же тогда делался Октябрь 17 года? Значит, получается, что мы пролетели со свистом в октябре 17 года?»

Нет реальной исламской философии. В том числе нет политической философии. Нет определенных методик, нет определенной привычки к серьезной политической мысли на базе Ислама, Корана и Сунны. Этого нет.

Есть определенные влияния разных алимов («факихские», законоведческие), которые смешиваются с осколками просветительно-рационалистической западной идеологизированности.

У людей где-то сидит установка, полученная от начитанных шейхов арабов, которые фетвы дают. Но при этом большие куски знания разбиты в осколки западной матрицы, которые серьезными пластами тоже в мозгах.

И это касается не просто обычных людей, а это касается серьезных основоположников таких движений как ихваны, например. Читаем внимательно Сейида Кутба²⁹⁶ — и там достаточно на виду находится деизм. У человека в голове западные рационалистические деисты. Он не мусульманский теолог, а рационалистический деист образца французских рационалистов, которые еще неокончательно порвали с религией, но уже превратили Бога в гаранта, тикающего как заводные часы космоса.

²⁹⁶ Сейид Кутб (1906–1966) — египетский писатель, сформулировал идеологию движения «Братьев-мусульман». Был школьным учителем. Два года прожил в США, придя в шок от американского образа жизни. Поддержал переворот Насера в 1952. В 1954–1964 сидел в тюрьме, где его пытали — за несогласие с политикой Насера. В 1965 году снова арестован и приговорен к смерти. Насер предложил Кутбу отречься от его идей в обмен на пост министра культуры. Кутб отказался и от поста, и от помилования. Повешен по приговору трибунала.

Например, человек пишет, что неизменность законов космоса доказывает бытие Божие. Это мы узнаем от мусульманина, который стоит у истоков ихван аль-муслимин. Это свидетельствует о том, что у мусульман в голове философская загрузка, целиком заимствованная у западников, причем у западников третьего сорта (это не Шеллинг, не Гегель), потому что неоплатонизм порубили во времена монголов. К XVI веку он уцелевает только в Кумской семинарии, у шиитов. А у суннитов серьезной, большой философии нет, осталась ерунда какая-то от французов, от поздних англичан. И с этим сочетаются осколки шариатского отношения к вопросам. Конечно, при этих условиях люди будут спорить. Они как после взрыва корабля — на плаву с разными спасательными жилетами, кругами качаются на волнах и они, конечно же, будут друг с другом спорить. Общий корабль взорван.

Но есть разные точки зрения. Общий корабль — это метод, это концепция.

Нет понимания мира.

Но есть Коран — и это база. Но ее надо расшифровать. Это ключ. Этот ключ должен войти в замок. Замок — это понимание мира. Ключом является коранический текст и его прочтение.

Ключ есть, а замка никто не видит.

Допустим, что думает мусульманин об устройстве материи? Что он думает о том, что такое биологическая жизнь? Какое отношение бытие как бытие (вуджут) имеет к концепции социума, общества?

Если задать эти вопросы мусульманину, он скажет: «Всё во власти Всевышнего, всё сотворил Аллах, Аллах мощен над всякой вещью». А тебя конкретно спрашивают: «Что такое материя, она есть или ее нет, с твоей точки зрения?» И он будет, если он образованный, повторять какие-то обрывки западной наработки. То есть он будет на какой-то западной философской платформе.

А ведь на самом деле есть замок, в который входит коранический ключ, который его открывает. Этот замок должен быть перед нами, и тогда споры прекратятся.

Должна быть идеология и философия сверху-донизу, объясняющая всё с точки зрения Корана, как был марксизм, который объяснял всё, с точки зрения переделанного, перекроенного гегельянства.

Это работа ближайших двух поколений.

Сегодня мы стоим накануне начала сорокалетнего периода — 1440 год по лунной хиджре, камари начнется где-то в 2019-м году — и это будет продолжаться до 1440 года по солнечному календарю, который будет в 2060 году. Вот эти сорок лет, когда Муса (мир ему) водил свой народ в пустыне. Это будет сорок лет одной и той же датой по лунному и солнечному календарю, за которые нужно выстроить новую умму с новым авангардом и новым ядром, которая будет обладать политической философией и глобальным мировоззрением, объясняющим всё, начиная от того, есть материя или нет материи, кончая тем, что такое социум.

Более того, не прописана роль абсолютного зла, ну или относительного зла как этического принципа в политической философии Ислама.

Мы знаем, что зло признается в Исламе как фактор, который является частью творения. Мы просим Всевышнего уберечь нас от зла, которое Он сотворил. То есть мусульманин признает, что Всевышний сотворил зло, от которого мы Его же просим нас уберечь. Что это за зло?

Мы знаем, что есть халал, есть харам и что Всевышний в шариате объявил харам — это зло, а то, что Он объявил халал — к этому надо стремиться.

Но мы знаем также, что у предыдущих пророков эти рамки были сдвинуты, то есть это не безусловное определение, это не фундаментально выжженные на небесах иероглифы — вот добро, вот зло, как у метафизиков язычников. У них объективное добро, которое само по себе существует, а недостаток добра — это зло. Но у нас же это не так.

Халал и харам — это приказы Аллаха.

Сам Аллах непостижим. Но что такое зло? Мы не можем сказать, что зло — это убийство как таковое само по себе, потому что при определенных обстоятельствах убийство долженствует.

Мы не можем сказать, что это, допустим, что-то само по себе, потому что, например, если мы перейдем к Откровению Мусы (мир ему) или Откровению Исы (мир ему), то мы найдем там то, что разрешено, а потом при шариате пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует) запрещено.

Но мы должны знать, что такое зло в чистом виде само по себе. Почему? Потому что зло — это Иблис. А Иблис соблазняет человечество. А человечество позиционирует себя как противника Аллаха.

Где этот корень, который мы должны видеть и метафизически разглядывать? Недостаточно сказать, что это, допустим, ночные клубы, как некоторые теологи типа Лариджани («Запад глазами мусульманина»). То есть поехал, увидел неоновые огни, ночные клубы, ночных бабочек и в ужасе как крестьянин, который впервые попал в город, убежал и написал целую книжку. Это восприятие сельского человека, который попал в город. Нельзя раскрывать зло через такие импрессии, впечатления провинциала.

Сущность зла безмерно глубже, чем так называемые социальные язвы.

Ислам борется с реальным злом. А реальное зло неотделимо (и это может быть парадоксально для тех, кто меня слушает, и кто сейчас будет ахать и охать) от акта творения. Потому что акт творения предполагает включение в себя этого элемента зла, который выдан нам для преодоления, и он глубоко сопряжен с актом понимания. Акт понимания, то есть работа нашего сознания, работает на границах зла и, скажем, света (не будем говорить добра).

У нас нет добра. У нас концептуально в Исламе нет добра. У нас есть нур ас-самават валь-ард (свет небес и земли), у нас есть хакх (справедливость, высший ориентир). Но нет добра, нет блага, потому что «хайр» — это очень банальное слово, то есть блага в плане «виноградная лоза», «шашлык», то есть из даров Всевышнего — это в самом низу, банально. А если мы говорим о сверхценности, то нет такого добра, которое есть у язычников, бытия, которое кипит, поднимается пеной.

Хакх — это не добро. Справедливость — это не добро.

Справедливость на самом деле очень страшна, она бездонно страшна, она некомфортна, потому что она сопряжена со смыслом, и она сопряжена с режущим как бритва краем, который рассекает бытие, и там пенится кровь.

Хакх — это очень страшная вещь, но хакх противостоит злу.

А что такое зло? Зло — это неотъемлемая часть Ветхого бытия, она будет преодолена только в Новой земле и Новом небе, когда свет Аллаха будет озарять лица праведников.

Отсутствие этого света, который не озаряет сегодня наши лица — это и есть фундаментальное зло. Скрытость Аллаха и есть фундаментальное зло.

И когда мы поднимаем шариатское знамя и утверждаем на этой земле действие шариата, мы предвосхищаем Новую землю и Новое небо уже здесь, в этом Ветхом бытии. Это идеология, это ориентир.

Конечно, либерал просто этого не может понять.

*Смерть и минимальное человеческое понимание.
Смерть в русской литературе. Душать смерть.
Скелеты и барокко. Детское видение живых
трупов. Виставка народного мексиканского
искусства. Почему мусульманам легче
расставаться со <<Станиславом с мечами>>.
Шахада*

В свое время на меня произвел огромное впечатление рассказ Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича». Я этого автора не люблю, но у него есть сильная и достаточно редкая черта. Немногие писатели могут отметить в себе эту черту, которую я бы назвал минимальным человеческим пониманием. Это очень ясное отрефлексированное понимание того, что смерть упраздняет все ценности жизни.

Иван Ильич рассуждает, что может быть барьером против смерти, которая подобно страшной лавине сметает всё, черная дыра, которая всё засасывает. Орденовая лента? «Станислав с мечами»²⁹⁷? Повышение по службе? Личная благосклонность государя императора? Целый набор каких-то няшек, и в итоге Иван Ильич понимает, что всё — чушь, что смерть — единственная реальность. И это понимание его заполняет. Он думает о семье, о прожитых годах, супружестве, любви.

Думает о детях, внуках, своем имени, и понимает, что всё — чушь.

В этом рассказе рефлексия смерти выражена гениально. Потрясающая вещь, и понятно, что Лев Николаевич весь жил в этой теме. И он стоит особняком среди всех русских писателей.

²⁹⁷ Орден св. Станислава — младший в иерархии орден Российской империи для чиновников.

Его всегда сравнивают с Достоевским, но у Достоевского нет минимального человеческого понимания. Он избегает темы, что смерть отменяет всё. У него Иван с клейкими листочками²⁹⁸, и никто не хочет умирать, смерть приходит всегда внешним образом. Смердяков убил Федора Павловича, Раскольников убил старушку. Потом проблема Раскольникова решается через чтение Евангелия вместе с Соней по вечерам.

Федор Михайлович делает всё что угодно, чтобы не превратиться в Ивана Ильича и не разобрать эту тему. До тех пор, пока простуда на открытии памятника Пушкину его самого не прикадрила.

Мне интересно, когда он ясно начал понимать, что это всё, что второго момента славы уже не будет, как вот он переживал свою ситуацию, насколько он был в сознании? Смерть Достоевского — очень интересный момент.

Со смертью Льва Николаевича всё понятно. Лев Николаевич весь в теме смерти, он посвятил всю свою жизнь смерти, борьбе с ней, бегству от нее, заклинанию смерти. Действовал он неправильно. Написал какую-то альтернативу Евангелию. Потом бежал.

Это же классический пример, когда человек из Басры бежал от смерти в Багдад и встретил смерть на базаре, которая сказала: «Я как раз за тобой собиралась в Басру, а ты на встречу ко мне пришел». Лев Николаевич полностью повторяет эту модель.

А вот как же с Достоевским?

Достоевский четко не проявлял этого минимального человеческого понимания. Напротив, он, подобно Ивану Ильичу, всю жизнь выставлял заглушки, как, по-моему, Галковский это называет, цензурные громоотводы, стеночки между собой и правдой.

²⁹⁸ Клейкие листочки в речи Ивана Карамазова символизируют притягательность жизни. Разговор Ивана и Алеши о выборе между любовью к жизни и любовью к смыслу из романа Достоевского «Братья Карамазовы», 1880 года. Аллюзия на стихотворение Пушкина «Еще дуют холодные ветры» 1828 года.

Интересно, кто реально имеет минимальное человеческое понимание из русских писателей? Лермонтов? Не очевидно. Платонов?

Может быть, в поэзии это немного ярче проявляется. Люди подступают и не перешагивают через какой-то барьер.

Я думаю, что мучительно минимальное человеческое понимание имел Брюсов, потому что он постоянно возвращается к теме «я жил, прошел как тень, и умер». Просто он вздорный человек, и он не может так выразить, чтобы проняло до корней, до дрожи. Постоянно «улица мела как море, толпы проходили...», всё пафосно, но ощущение финала у Брюсова живо.

Гумилёв — конечно. Он особая фигура. Гумилев сказал, что «лучше слепое ничто, чем золотое вчера». Эта декларация делает его абсолютно великим человеком, который как романтик является просто несравненным поэтом. «Лучше слепое ничто, чем золотое вчера» — это контрромантизм, потому что романтизм построен на том, что лучше золотое вчера, чем слепое ничто. Или золотое завтра, или послезавтра, или золотое нигде.

А этот человек говорит, что лучше слепое ничто.

Но он же говорит: «Я носитель мысли великой, не могу, не могу умереть». И он тем самым свидетельствует, что он не взял барьер минимального человеческого понимания, потому что тут же вопрос такой: если ты думаешь, что твоя великая мысль является защитой от смерти, что ты ее носитель, что твоя мысль — противотанковый ров против смерти, то ты дурак.

Человек страстно думал о смерти. Да, великая мысль должна быть о смерти, но не так что вот «я носитель мысли великой, не могу, не могу умереть», а так, что эта великая мысль и вбирает в себя смерть.

Ты должен думать смерть! Думать смерть. Смерть должна открыться как истинное существо твоего сознания. Это уже следующий момент за минимальным человеческим пониманием.

Когда человек, как Иван Ильич, уже дошел до конца и испытал полное совлечение с себя всех цацек, которые оказались бессмысленными, он уперся в черную дыру.

И возникает вопрос: остаться с этой черной дырой как негативом, который тебя разрушил, перечеркнул, и ты капитулировал и сдох прежде смерти? Либо же искать следующий шаг. Что после минимального человеческого понимания? Минимальное человеческое понимание — цацки все сожжены и выброшены в мусорное ведро.

И что же дальше? Какой будет следующая ступенька, чуть-чуть побольше, чем минимальное человеческое понимание?

Оказывается тогда, что это ход к великой мысли, которая должна быть именно мыслью не о смерти, а мышлением самой смерти.

Надо мыслить саму смерть, рисовать смерть.

Ради чего, допустим, художники барокко рисовали скелеты? Они пытались мыслить смерть. Они всё время рисовали красивых дам с пышной грудью, которых сзади обнимает скелет и заглядывает ей через плечо. Рыцарь, а рядом с ним смерть с косой. Короли и епископы, а среди них скелеты.

Хочу рассказать об одном своем опыте, который меня до сих пор преследует.

Когда мне было лет десять, а может девять, я читал «Дэвида Копперфилда»²⁹⁹. Очень долго читал, книжка толстая. Был дождливый день, и она как-то у меня связывается с этим днем и с последующими. Мама потянула меня в большую прогулку, где она встречалась с какой-то своей подругой. Прогулка заключалась в том, что в этот дождливый пасмурный осенний день мы почему-то пошли в ГУМ, и по этому ГУМу она меня таскала.

У меня бывали такие видения, и в частности, в этот раз тоже... Когда я встретился с этой маминой подругой, — она была в черном плаще типа пыльника или макинтоша-дождевика, из ткани не прорезиненной, но воду не пропускающей.

²⁹⁹ Роман Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим», 1850 год.

Ну, плащ, плащевка. И вдруг я увидел у нее на груди, в том месте, где должно быть сердце, такое красноватое пятно, как если бы на материи лежал кусок сырого мяса. Неприятное красновато-коричневатое пятно. Вот у нее на груди проступало такое пятно, и я понял, что это пятно проступает от сердца, которое тут лежало, — ее сердца, которое лежало на этом макинтоше.

Когда я посмотрел вокруг, я увидел, что половина людей — в серых макинтошах, и у всех у них проступает это пятно на месте сердца.

Я испытывал дикую жуть и тоску между двумя этими женщинами — мамой и ее подругой. Я смотрел на прохожих, и все, кто шли нам на встречу, имели это сырое пятно на месте сердца.

Думаю, что это было очень близко к опыту, зафиксированному художниками барокко: скелеты, проступающие сквозь тела. Видение тленности и могилы, но не в отстраненном, рефлектирующем, дискурсивном виде, а непосредственное переживание того, что вокруг меня живые трупы с кляксами на плащах.

Бабушка любила меня водить в музеи. Пару лет каждое воскресенье мы намыливались куда-нибудь в музей. Таким образом она хотела меня развить.

Мы обходили по телефонной книге все мыслимые музеи, существовавшие в Москве, включая Музей пограничных войск, Музей КГБ, Музей Дарвина, Зоологический музей, Музей палеонтологии. И конечно же Пушкинский.

И вот однажды в Пушкинском проходила выставка привезенного туда народного мексиканского искусства. Мы пошли, и там вообще ничего не было, кроме черепов и скелетов. Черепа величиной с собачью конуру, с хороший обеденный стол, крошечные черепа, которые можно было вставить в оправу кольца. Танцующие скелетики величиной в половину спички, громадные скелеты выше двух метров, скелеты, украшенные разноцветными камнями, покрытые эмалью, самые разнообразные скелеты. Черепа с россыпью узоров, блестящих и сверкающих.

Бабушка была в шоке, она же шла на народное искусство. Может, она ждала каких-то вышитых ацтекских рубах. Не знаю, что она могла себе представлять. Но когда она увидела повсюду черепа и скелеты, она опешила. Только ходила из зала в зал и приговаривала: «И это народное искусство? Ничего себе».

А я был в полном кайфе, мне эти черепа ужасно нравились. Черепа, скелеты...

Я понял, что самое близкое, что может быть, это народное мексиканское искусство, эта заикленность на смерти — она встретилаcь с чем-то очень глубинным во мне.

Я же очень рано был направлен на созерцание смерти через освоение и усвоение ее себе. Я читал писателей, которые, как я знал, уже умерли, — при условии, что они остро писали о смерти. Человек пишет о смерти, осваивает эту территорию, думает о том, что чувствует в момент смерти какой-то его герой. Но не такими пустыми словами типа «пиф-паф, и он умер», а именно изнутри.

Например, как Тургенев писал о смерти Базарова: полутона, полумеры, но всё же некая попытка. А потом ведь он сам умер. И вот интересно, а как повлияло на него то, что он вступил со смертью в интеллектуальный контакт, описывая ее. Сначала пытался ее пережить, а потом по-настоящему умер. Ведь всё равно же умер.

У Майринка есть замечательный рассказ «Vivo». Герой обнаруживает могилы с надписью «Vivo» — «я живу» по латыни, такими неувядающими буквами. У людей, решивших вопрос со своей смертью, написано «Vivo».

Не буду рассказывать, что там этому предшествует, как он вышел на это и как стал замечать эти могилы, разбросанные по разным кладбищам. Но меня преследовал после Майринка тезис, который, мне казалось, я сам сформулировал, но Майринк такого не говорил, наверное. И я доставал всех этим мрачно произносимым слоганом «кто умер, тот никогда не жил». Это было где-то на стыке Майринка и меня.

На некоторых это произвело сильное впечатление. Я ведь говорил не в оптимистическом ключе. Кто-то понимал в оптимистическом: мол, мы не умрем, поэтому мы живем³⁰⁰.

А я понимал в другом ключе: мы уже не живем, потому что мы умрем, уже умерли. Но и то, и другое — достаточно скромная преамбула к более серьезной постановке вопроса.

Серьезная постановка вопроса заключается в том, что человек должен пройти опыт Ивана Ильича, пока не поздно, и потом оставить всё, что его мучит, — разрыв с любимым, отношения с друзьями, с детьми, какие-то проблемы с социальной адаптацией. Всё это надо поверять могилой.

Потому что люди, горевшие страстями, изменами, любовями, эгоизмом, борьбой с эгоизмом близких, скандалами, — всеми этими людьми полны кладбища, и они там лежат и очень тихо бормочут после всех этих страстей.

Нужно сконцентрироваться и подумать о том, что отменяется? Отменяется всё. Тогда, собственно, что не отменяется? Не отменяется лишь усвоение себе негативной эссенции, негативной страшной эссенции невозможного.

Ведь смерть — это не небытие.

Небытие — это просто отмена вещи, которая сама всегда в себе несет возможность не быть.

Есть чашка. У нее есть возможность быть конкретно самой собой, и тут же параллельно для нее есть возможность не быть, и эта возможность рано или поздно реализуется.

Эта возможность реализуется с чашкой, с кошкой, с воробьем, с планетой Земля. Возможность не быть применима к объекту, к феномену, а смерть — гораздо более страшный момент.

Смерть — это соединение твоего воспринимающего центра с его принципиальным источником, который называется Невозможное. Невозможное находится по ту сторону ассоциаций, описаний. Это то, что называется «страшно впасть в руки Бога живого», потому что Живой Бог — в реальной

³⁰⁰ Эту фразу именно в оптимистическом ключе использует в своих работах Дугин, приписывая ее Головину.

мысли Всевышнего о самом себе, где это размышление занимает центральную позицию. Это размышление и есть Невозможное.

Отблеск оттуда составляет существо нашего здесь присутствия.

Наше воспринимающее «я» — центр, который в момент смерти возвращается в невозможное. Тут даже общей меры нет по сравнению с небытием. Потому что в могиле нас не то что нет, как нет камня, который просто отсутствует внутри себя как клякса, — в могиле нас ждет именно Невозможное.

Именно в этом активный ужас, который люди пытаются выразить и не могут.

Они говорят про ангелов, могильные мучения и пытаются каким-то образом коснуться Невозможного. Но проблема в том, что это Невозможное находится в нас при жизни, но мы его не видим, как глаз себя не видит. Чтобы глаз сам себя увидел, нужно посмотреть в зеркало.

Каждый человек испытал в своей жизни шок от неожиданности. Например, когда его кто-то в темной комнате напугал, или он дверь открывает, и там кто-то стоит. Выброс адреналина на долю секунды повергает человека в острый шок.

С чем он сталкивается?

Он сталкивается с Другим. Тут вопрос неожиданности.

Он сталкивается с Другим, а Другой это именно истинный Бог, который есть Невозможное, внезапно объявившееся перед тобой. Если продлить этот шок хотя бы в два раза, человек умрет. Он и так-то после такой встряски некоторое время будет приходить в себя.

Я пришел к выводу, что эссенция ощущения шока, ужаса — та же самая, которую испытывает человек в Раю, когда он будет воскрешен и войдет в Рай.

Шок адреналинового удара, после которого трясутся руки, будет в абсолютно чистом концентрированном виде питься как напиток, будет являться полнотой тотального переживания воскресшего «я».

Только он будет не этим ударом ужаса, а абсолютным наркотическим переживанием эйфории, он будет преобразован из минуса в плюс.

То, что называется буддистами «сатори», есть продленное ощущение от шока испуга, но в разбавленном виде, которое человек может выносить более чем долю секунды.

Скажем, если испуг от неожиданного столкновения с кем-то взять за 100 %, то сатори будет состоянием, разбавленным до 5 % раствора.

Будущие наши воскресшие души, вернее, наши тела с нашими душами, то есть мы лично после Суда, если мы войдем в Рай — то, что мы будем испытывать, будет несравненно более концентрированным, чем чистый шок от испуга. Вот эта эссенция Невозможного, которая станет родной, которая станет нам сиять, как черное солнце.

Уже сейчас мы можем, думая о смерти, заставить ее светиться черным сиянием, чтобы она уже сейчас была для нас солнцем.

И она будет нам сиять и в могиле, по ту сторону восприятия.

Это не значит, что мы будем это воспринимать. Но мы уйдем в могилу, зная, что мы сделали это. Что мы в последний момент трансформировали ночь в черное пламя.

Любая субкультура есть хождение вокруг да около подлинного, с чем субкультура не может справиться, вступить в реальный контакт, поэтому она и превращает это в культуру.

Культура есть уже форма отчуждения, культура есть упразднение реального, уникального и превращение всего в книжку с картинками.

Из репетиции Страшного Суда — из хаджа — люди опять возвращаются к своим заботам.

На мусульманах лежит печать правильного подхода, потому что черная энергия шахады действует независимо от того, понимает ли это человек или не понимает.

Вот он искренне сказал: «Ля иляха илля Ллах, Ашхаду алля иляха илля-ллаху ва ашхаду анна Мухаммадан расулюллахи».

Вот он это сказал и вступил с этим во взаимодействие. Конечно, он не думает еще смерть. Он не думает смерть, но он высказал мысль, которая думает смерть и думает ее словами. Словами не его, словами шахады, божественными словами.

Он к ней примкнул, и она теперь управляет в известной степени его экзистенцией, она снимет его проблемы, но у него минимальное человеческое понимание уже авансом появилось.

Дальше ему скажут — есть ближняя жизнь и есть дальняя жизнь, что мы здесь странники. Ну, это обычное дело.

Иван Ильич тоже это всё понимал — и про странников, и про то, что всё это ничего не стоит. Он же, наверное, и какие-то проповеди слушал, считался религиозным человеком. Но оказалось, что пока его не прихватило, он был твердо уверен, что «Станислав с мечами» — это ценность.

Мусульманам проще.

Через шахаду для них проблема «Станислава с мечами» или его эквивалента в мусульманском поле уже снята.

Дальше уже всё зависит от человека — для кого-то больше снята, для кого-то меньше. Главное, что мысль, которая думает саму себя как смерть, идеальным образом воплощена именно в шахаде.

Нет божества, но есть Аллах. Не так, как это обычно переводится — нет бога с маленькой буквы, кроме Бога с большой. А именно нет божества, но есть Аллах. «Есть» в данном случае — это тоже введенная в русском переводе часть. Если совсем уже буквально переводить, то получится — нет божества, но Аллах. Так будет правильнее.

Это противопоставление, что божества нет, но за пределами абсолютно всего, что может быть помыслено, спроецировано или чаяно, за пределами всего этого — Аллах, который

и есть Невозможное. Но это то Невозможное, рабом и посланником которого является Мухаммад.

У нас есть Сира и у нас есть принесенный им Коран, который и есть та часть здесь-присутствия этого Невозможного, которое сделало себя возможным, явило себя.

В Коране Всевышний присутствует как слово Божие, как Логос, физически воплощенный среди нас.

Это и есть «кусочек Бога» здесь.

Нам открыто его «Я».

А то, что осталось там, в ночи, — это сама ночь, это Он, отсутствующее третье лицо.

Поэтому мусульманам в этом отношении проще.

Все люди находятся под давлением финализма, и они ходят вокруг этой проблемы, палочкой трогают, иголкой. Получают какие-то электрически разряды.

Много лет назад, размышляя о себе, я думал, что культура — это когда на полке стоит Альберт Швейцер, «Майн Кампф», «Так говорил Заратустра», «Бесы», какая-нибудь «Наука логики». Они все стоят на одной полке. Там стоят как книжки о любви к человечеству, так и книжки, которые были запрещены как пощечина человечеству. Лотреамон и сказки братьев Гримм — всё это культура.

И это, конечно, ужас, потому что одно перечеркивает другое.

Ницше в «Заратустре» сказал: «Заратустра — не учитель более», а его берут и ставят на полку рядом с Альбертом Швейцером, с которым тот бы и на одном гектаре не сел.

И я думал, в чем же для меня планка, которую я должен взять, и я думал наивно, что нужно написать такую книгу, которую никогда не поставят на полку по крайней мере рядом с Альбертом Швейцером, а лучше, вообще никогда.

Я понимаю, что это невозможно, потому что культуру только пистолетом можно победить. Известный деятель III Рейха постоянно хватался за пистолет, когда слышал слово «культура». Когда мы думаем о культуре как о гробе, в котором похоронены, как в общей могиле, души всех страждущих,

мы понимаем, почему он хватался за пистолет. И мы разделяем его возмущение.

Пошлость в своей сути — исключение идеи смерти из экзистенциального присутствия. Что культура, что субкультура каких-нибудь «готов» не решает проблему Ивана Ильича.

Чертков³⁰¹ был абсолютным противовесом всему, что был Лев Николаевич. Сущность Льва Николаевича была посвящена исключительно бегству от смерти, борьбе со смертью, попытке осмыслить смерть, а Чертков был пошляк.

Как только человек добивается эстетически или каким-то ходом, что смерть исключена, упоминание о ней исключено каким-то жестом, хохотком, анекдотцем, куском селедочки с рюмкой водки, — и тут же он пошляк, и пошлость торжествует.

Чистая пошлость — это «смерти нет».

Добрые дела и пахота на ниве гуманитарного возделывания ничего не меняют. Это всё форма эскапизма, форма самообмана.

Человек, к которому подступает смерть, должен это встречать и бороться с этим наедине — вот как Кася³⁰², например. А когда он это выносит в коллектив, в субкультуру, — это форма эскапизма. Большинство двенадцатилетних отличается от такого образа. И в мое время двенадцатилетние не ходили в черном и не думали о смерти. В некоем мыслимом черном ходил я. С небольшими серебряными молниями. А больше я никого не знал.

Готы³⁰³, череп на письменном столе — форма эскапизма, форма самообмана, попытка приручить смерть,

³⁰¹ Владимир Чертков (1854–1936) — лидер толстовства, редактор и издатель произведений Толстого.

³⁰² Каусар, дочь Гейдара Джемала.

³⁰³ Готы — молодежная субкультура в Великобритании с конца 70-х годов, стилистически использовавшая псевдогоготическую романтическую мрачность.

но не внутренним образом мыслить смерть, а экстравертным образом, внешним образом, сделав ее предметом эстетики, любования.

Уверяю вас, когда реальная смерть начнет последовательно охватывать своим холодом члены этого человека и он как бы внезапно ощутит разверстую притягательную бездну могилы, то он поймет, что зря он терял время, играясь в черепа, это ему не помогает.

Как «Станислав с мечами». Что «Станислав», что череп на письменном столе — не помогают. Всё отменяется. И все эти игры говорят о том, что рубеж минимального человеческого понимания не перейден.

Когда над Достоевским ломали шпагу, он сам сломался.

Он зверски полюбил жизнь. Он же написал про клейкие листочки, и высказал свою позицию словами Ивана. Иван — его альтер-эго. Не Митя же, и не Алеша тем более. Он — Иван, и он рассказывает свой опыт из-под расстрела с завязанными глазами, когда он от имени Ивана пишет, что хотелось бы целую вечность стоять в ночи на одном квадратном метре, прикованным к скале как Прометей. Лишь бы жить. Пусть вокруг будет крошечная ночь, но только бы жить и никогда не умирать.

Мною такое желание снято и трансформировано в другое — в мысль о смерти, которая вбирает в себя абсолютную жажду жизни. Абсолютная жажда жизни без этой соли, без мысли о смерти, более того без мысли смертью, не получится, как суп без соли.

Жизнелюбы-бытийщики, лехаим — абсолютно противоположный мне полюс.

Я прошел через ненависть к смерти как некое внешнее отрицание меня, которое потом преобразовалось в понимание смерти как истинную сущность меня.

Жажда бессмертия и ненависть к смерти — два маленьких писка, которые сняты и трансформированы в суть молчания, в тайну молчания.

Я очень мрачный человек по сути. В 20–25 лет это, наверное, не так очевидно было, потому что в юные годы

мы гуляли очень круто. Но что-то было ощутимо для тонких людей. Как мне передавали, покойный Генрих Сапгир, который меня ненавидел, жаловался, что когда я вхожу в пространство, где он находится, то гаснет Солнце, сумерки наступают, и температура падает. Жизнь, лехаим тут же тихо надевает кипу и уходит, пятясь, через черный ход.

Я даже удивился, когда мне это передали. Типа того, что «неужели, когда я вхожу, мир сразу темнее становится?» Но человек так переживал.

Я думаю, что это объективное ощущение, потому что я вообще человек мрачный, такой мрачный парень. Моя жена, например, тоже считает, что я мрачный. Что я нагнетаю концентрированный мрак, холод, пессимизм. Что моя дочка испытывает серьезные психологические проблемы оттого, что рано вступила в духовный контакт со своим отцом, который нагнал на нее мрака. Мрака нагнал на всех.

Возможно, с иными людьми я не специально другой, но бессознательно меняю свои формы контакта, формы презентации. Я же спонтанно действую, я специально не играю никаких ролей, но, конечно, я разный с разными, но это проблема коммуникации. Я меняю коммуникативное поле, потому что я ориентирован на общение, если уж общаться.

Есть такое понятие — светский человек. Светский человек не грузит, светский человек учитывает психологические особенности собеседника, светский человек никого не гнобит, умеет быть интересным каждому и подыгрывать каждому, даже если знает, что этого человека потом расстреляют всё равно.

Светский человек не может перестать быть светским. Мы общаемся искренне, но при этом в своем общении я включаю инструменты, которые вам делают это общение комфортным.

Что такое Зло

Проблема Зла ускользает всё время от схватывания, от понимания и от анализа, потому что зло, о котором мы говорим, не имеет никакого отношения к Бытию, к умалению Бытия, к тому, что Бытие само по себе есть Зло.

Бытие возникает, потому что есть Зло, Бытие это следствие Зла.

А в чем Зло, в чем суть-то Зла?

Мы берем чувствилище, центр человека понимающего. Так и назовем его вместо Rectus Nabilis³⁰⁴: человек понимающий.

Что это за понимающий человек? Это человек, который имеет нетождество в себе со Всем.

Есть тотальное Всё, а он имеет нетождество. Он видит вокруг себя предметы, феномены, но также он понимает нечто про Небо, нечто про Абсолют. Потому что он тоже не тождественен ни Небу, ни Абсолюту.

Ну и он как бы говорит: «Ты извини, брат, но какой же ты Абсолют, если я могу о тебе говорить? Мое сознание в данный момент не является единым с тобой, оно не поглощено тобой. Вообще всё сущее не может быть, если ты Абсолют, — если ты Абсолют, то ты не можешь ничего допускать помимо себя. А ты попустил, чтобы всё было. Ты попустил, чтобы я тебя воспринимал. Ты, конечно, можешь меня перечеркнуть, уничтожить, реализовать во мне *потенциал не быть*. Но сейчас, в данную секунду, я о тебе знаю, и это делает бессмысленным мое дальнейшее растворение в тебе, потому что есть предметственность. Растворенное в тебе *Я* было в какой-то момент не тобою, ты был не-я».

Об этом всё время забывают те, которые говорят: «ты есть то».

³⁰⁴ Rectus Nabilis — на латыни «человек прямоходящий».

То есть можно совершить акт посвящения и исчезнуть. Да, но этот акт посвящения отправляется от некой позиции, в которой я отделен.

Раз я отделен, значит я существую помимо.

Значит, есть нечто, какая-то условность, которая вне Абсолюта, которая не покрывается Абсолютом, и мое сознание есть блик, частица, месседж от этого нечто, что находится вне Абсолюта.

Такой «Абсолют + X».

Теперь, если я являюсь таким чувствилищем, которое глобально «локаторствует» за счет нетождества Абсолюту, знает всё за счет этого нетождества... А теперь мы как бы подвели итог... Ну вот я, частный человек, листок с ветки. Но мы можем представить на моем месте пророка, Адама, который воплощает в себе всех людей, и, соответственно, вот этот его зазор — он для всех людей является зазором.

Это не просто нетождество — это метафизическое нетождество, которое позволяет быть нетождественным ничему.

Значит то, чему он не тождественен, он будет воспринимать.

Теперь есть нечто, что он не воспринимает.

То есть он всё воспринимает, а нечто — скрыто. Это как называется? Это то, что тождественно ему, и поэтому он это не воспринимает?

Ну да, можно сказать, что это Невозможное, что находится за пределами Абсолюта. Абсолют он воспринимает, а вот это он не воспринимает.

Значит, здесь у нас как бы имеется тождество, потому что сознание, которое всё воспринимает, является бликом Невозможного.

Теперь Невозможное мы превращаем в новое глобальное Всё вместо того абсолютного «всё», которое потеряло трон, того «Абсолют+X», которое существует.

Но проблема в том, что «+X» никуда не делся.

Как только Невозможное заняло место этого абсолютно-го «всё», «+X» стал прикладываться к самому Невозможному.

Он будет проявлен, потому что такова идея Духа.

Суть Духа заключается в том, что он всегда нетождествен, это всегда апория, которая стремится к тому, чтобы преодолеть любую абсолютизацию.

Есть величие, плерома, полнота. Величие как Джалла, Джалла джалалу³⁰⁵. А есть превосходство над этим величием, которое можно выразить только в отсутствии, в лишенности.

Тут возникает два аспекта.

Лишенность как свойство того, что здесь (всё лишено того, что не вмещается, того, что превосходит). Это нищета и скорбь реальности утверждения.

А есть активная сторона. То, что не вмещается, есть само по себе.

Когда цветок невозможного полностью раскрывается и затмевает собой всё, вдруг оказывается, что есть нечто, что не входит туда, что превосходит его.

Этот цветок невозможного, то, что было «+X» по отношению к Абсолюту — оно как бокал является пустым, потому что есть нечто, настолько превосходящее принцип этого объема, что и наливать-то нет смысла.

Получается тогда вот какая штука: в невозможном нет этого так же, как и в Абсолюте. Абсолют + X. Этого нет в Абсолюте, и этого нет в «+X», которое является невозможным, которое стало на место Абсолюта, заняло его трон.

Получается, этого нет в двух полюсах — ни в отрицаемом, ни в отрицающем.

Это означает, что отрицаемое и отрицающее тождественны негативным образом. Они тождественны не через позитив, а через негатив — ни в этом, ни в том нет единственного, подлинного.

Ни в этом, ни в том.

Значит, они тождественны в своей пустоте, в своей лишенности, своей «приватизированности». Они лишены, и предмет этой лишенности есть Зло.

Потому что он принципиально не схватываем.

³⁰⁵ Джалла джалалу Ллахи — на арабском «велика слава Аллаха».

Он выражается только в негативе, он не может быть последней инстанцией, он не может быть утверждением, он может быть только смертью мысли.

Мысль базируется на двух полюсах: вот это невозможное, к которому оно стремилось, и вот это «всё», которое стало Абсолютом и которое выступает к Невозможному как отрицающее.

Оказывается, оба полюса одинаково перечеркнуты, они негативно тождественны в своей нищете.

Мысль оказалась пустым сосудом, мысль в этот момент умирает.

Единственная сущность, с которой мысль совпадает, — это превосходящее оба полюса, то, что делает их одинаковыми. Не входящее в эту активную имманентность. Есть пассивная имманентность — это лишенность. А есть активная имманентность — то, чего лишена мысль, то чего лишена полнота.

Что же выведет нас за пределы силы превосходства, которая выражается только негативом, только отрицанием?

Нетождество ей самой.

У нас есть абсолютно отрицательная активная сторона лишенности — то, чего лишена мысль.

А мы должны всегда помнить, что мысль больше, чем «Всё».

Мысль — всё, но мысль больше, чем всё, потому что она всегда стремится к нетождеству с самой собой.

Мысль не тождественна сама себе.

Она умирает, потому что есть нечто, что превосходит мысль, содержащую в себе идею превосходства.

Вот где Зло.

Зло в том, что есть принцип превосходства над мыслью, которая уже содержит принцип превосходства, превосходства над тотальным глобальным «Всё».

В этот момент мы обнаруживаем истинную природу Зла.

Это глубокая ночь без побуждения, смерть мысли.

Там, где черное становится настолько черным, что у него уже нет сияния.

Черное давало сияние, потому что оно было чернее предыдущего этапа черного, — наконец, эта ночь, черная дыра, дошла до такой степени концентрации черноты, что уже не выпускает никакого сияния.

Этим обозначилось превосходство над тем, что уже содержит превосходство над всем.

Вот здесь концентрация Зла.

В этот момент мы обнаруживаем спасительное нетождество с этим. Дух, который живет в нетождестве, прилагает нетождество и к страшному отрицательному финалу и освобождает из этой ночи — из гущи черного — трансцендентное как таковое, которое не имеет никаких ни конкурентов, ни добавлений, — ничего, что бросило бы вызов этому утверждению (утверждение ведь есть то, кроме чего ничего нет).

Как только мы говорим, что есть Всё, мы говорим, что есть «+X». А вот это утверждение таково, что оно не имеет в себе «+X».

Почему? Потому что оно само по себе есть чистое нетождество последнему Злу, которое есть превосходство над принципом превосходства.

Тем самым это есть убийство принципа превосходства, принципа плеромы.

Зло убило всё именно потому, что оно безмерно, потому что оно огромно, потому что оно трансцендентно.

Но эта трансцендентность негативная.

Трансцендентность, которая выражается в том, что взаимоисключающие полюса отрицательно тождественны друг другу. Они взаимоисключают. Мы берем такие взаимоисключающие полюса реальности, которые превосходят саму идею двойственности, двойственности отрицаемого и отрицания.

Отрицаемое надо понимать как предмет отрицания, без которого отрицания бы не было.

И они абсолютно негативно тождественны по отношению к другому, что, в принципе, перечеркивает любую полноту, любую идею утвердительности.

И только нетождество этому выводит нас в чистый трансцензус, который трансцендирует не над чем либо, а он трансцензус в себе.

Он — нетождество в себе.

Он нетождество, которое свободно от предмета нетождества. Здесь трансцендентное находится у себя дома, само в себе.

Схватка клубов. Либералы уйдут. Синицакры и поднимное. Затем Россия?

Сегодня, 29 сентября³⁰⁶, прошла передача «Время покажет». Она была посвящена статье известного лоббиста российского в Германии Александра Рара по теме, что будет в мире в 2050 году. Я в этом участвовал. И, честно говоря, было довольно странно и муторно слушать поток измышлений, которые порождены постановкой вопроса и, самое главное, решением вопроса.

По Рару, в середине XXI века будут три основных силы. Соединенные Штаты, к которым на коленках приползут европейцы, битая Европа, нуждающаяся в утешении и поддержке. Она будет поскуливать, и Штаты ее заберут под себя. Отдельно будет стоять великая и могучая Россия, уже вставшая полностью с колен. Причем колена, в результате долгого стояния мощные и мозолистые, и не дай Бог попасть под эту коленку, если она этой коленкой двинет. Китай, естественно, тоже один из центров силы. Видимо потому, что он выпускает большое количество плюшевых мишек для детей всего мира. И где-то там будут бегать ребята-революционеры с требованием справедливости, почему-то с отдельным указанием на роль Северной Африки, даже конкретно Ливии, которая превратится в некий отдельный центр.

Тема очень быстро соскользнула на то, что великая Россия всегда и даже, как сказал Александр Гелиевич Дугин, столетиями противостояла Западу, бросала вызов его проклятым либеральным ценностям, хотя либерализм на Западе торжествует отнюдь не в течение столетий.

Если серьезно, то либерализм как мощная политическая сила стал показывать зубы со второй половины XIX века.

³⁰⁶ 2016 год.

Энциклопедисты XVIII века — это кабинетные люди. А политическая сила — это парламенты, партии, прямое структурированное решение наверху. Энгельс говорил о том, что Бисмарк³⁰⁷ решил вопрос о социализме, создал социалистическую монархию. После этого желать в общем-то и нечего. То есть так проявилась нормальная нордическая сущность Бисмарка, такого крутого немецкого катехона³⁰⁸. Энгельс освободился от покровительства своего еврейского друга, который вносил резко развратно-разгульный элемент, вернулся к идеалу казармы, и Бисмарк у него стал представителем правильного решения о социуме.

Возвращаясь к Дугину, который думает, что Россия столетиями противостояла Западу, а Запад противостоял России. Мне показалось, что всё это звучит дико и неадекватно. В процессе разговора был вплетен и несчастный Наполеон, который, оказывается, хотел построить универсальную западную всеохватывающую империю, хотя он стремился ее развалить и поставить под очень жесткий контроль совершенно нового класса имевшиеся на тот момент монархические режимы, а самое главное — освободить Европу от британского влияния. Из-за этого произошел его поход в Россию. Я попытался это сказать, что вызвало легкий визг и попытку замотать тему. Неважно.

Там что ни слово, то вранье, потому что, во-первых, Россия никогда не противостояла Западу. С какой стати она должна противостоять Западу? Она организована Западом. Грозный мечтал быть мужем английской королевы.

Короткий период был условно с 1917 по условно 1956 год. XX съезд положил конец всякому противостоянию, сразу обнулил весь посыл по поводу, что Россия чему-то противостоит. Можно выделить небольшой период с 1917 по 1928 — десять лет, когда реально чистое противостояние Западу. Троцкизм-ленинизм, который потом был тщательно перечеркнут,

³⁰⁷ Отто фон Бисмарк (1815–1898) — первый канцлер Германской империи, объединил немецкие земли.

³⁰⁸ Катехон — на греческом «удерживающий».

посажен на карандаш, на штык. Но в 1956 году тема закрыта, всё восстановлено. Не люблю останавливаться на частностях.

Самое главное, что домыслы по поводу трех будущих центров в 2050 году — Америки, Китая, России — на мой взгляд, совершенно бредовые, потому что дело ведь идет к ликвидации империй и зависящих от них национальных государств. Уже сегодня главными являются не государства и не союзы государств, не НАТО, ЕСы, ШОСы, а клубы, которые представляют собой идеологические модальности, типы глобального политического сознания — либералы, традиционалисты и радикалы.

Клубы фундаментально различаются в своем отношении к последним вопросам жизни и смерти.

Либералы не верят ни во что хорошее, кроме жизни здесь и теперь.

Традиционалисты верят в символизм и аналогию здешней жизни и высокого плана будущей жизни или уровня платоновских идей, которые являются архетипами.

А радикалы верят в то, что мир построен на ошибке. Эта ошибка заключается в том, что мир исполнен гнета, а он должен быть исполнен справедливости. За это надо бороться. В этот мир надо принести справедливость — не распределение материальных благ, а смысл, противостоящий абсурду существования, то есть преодоление абсурда существования. Вот во что верят радикалы.

Три клуба находятся в схватке не на жизнь, а на смерть. В 2050 году эти клубы выйдут на поверхность в самом окончательном виде, на мой взгляд. Сейчас мы находимся в 2016. 2050 через 34 года после сегодняшнего дня. За эти 34 года либералы проиграют войну, которая против них уже началась. Они ведут арьергардные бои сегодня. Выиграют традиционалисты. И друг против друга останутся традиционалисты с радикалами — две главных силы.

Либералы уйдут. Если они не будут полностью зачищены, то уйдут в маргиналитет. Они будут отброшены на обочину политической и исторической жизни. На мой взгляд,

всё будет сопровождаться большими войнами. Либералы так просто не сдадутся. Но и последующий процесс конфронтации радикалов и традиционалистов будет в форме всемирной гражданской войны, потому что после маргинализации либералов как политического клуба никуда не денется тип либерального человека, ориентированного на то, чтобы вкусно пожрать, сорвать цветы удовольствия и ни о чем в дальнейшем не заморачиваться.

Такой тип человека был и 500 лет назад, будет и завтра, но он не будет политически весомым, он не будет ничего решать. Он останется просто неким балластом. Потому что будет сломан хребет либеральной элите. Под либеральной элитой следует понимать не грефов и шуваловых. Под либеральной элитой следует иметь в виду тот истеблишмент, который задает тон всему дискурсу, как мейнстрим.

Например, никому в здравом уме не придет в голову считать, что Генон представляет собой часть мейнстрима. Генон только-только вылез с обочины, из глубокого маргиналитета в то пространство, в котором о нем могут упоминать люди с докторской степенью в кармане или могут написать о нем в энциклопедии. Пока что это не мейнстрим. Но всё будет переиграно в течение 34 лет.

А самое главное, что будет переиграно — радикалы превратятся в реального субъекта. Сейчас радикалы только-только начинают приобретать контур исторической субъектности.

Политический Ислам, который является стержнем радикализма, сегодня обретает статус игрока, с которым считаются, о котором говорят, который является более чем 50 % всего топика в медийном потоке. О чем говорят? О терроре, о Сирии, Ираке, ИГ, Джабхат-ан-Нусра. Говорят об исламском факторе, об экстремизме. Взять хотя бы такую тему как переход евреев-сефардов в Ислам во Франции. Существует уже служба психологической поддержки евреев, которые задумываются о том, а не перейти ли им в Ислам, служба предупреждения перехода в Ислам.

Мы имеем субъектность, по крайней мере с виртуальной точки зрения. Она уже рисуется.

Я излагал тему, что 360 лет нам остается до Армагеддона, до Великой битвы с Даджалом. Если мы эти 360 лет считаем по шамси (солнечному календарю) и по камари (лунному), то возникают 40 пустых лет. 1440 год по шамси — это 2060. А 1440 по камари — это примерно 2019. И то справедливо, и другое справедливо. Вот эти сорок лет между 2019 и 2060 у нас где? Они у нас нигде. Это скитание. Скитание Моисея в пустыне, когда он водил евреев, чтобы воспитать совершенно новый тип людей, новую общность, новый джамаат, чтобы люди забыли египетский плен.

Хорошо. Вот эти 40 лет, примененные к умме с 2019 по 2060, и есть формирование нового типа мусульманина, нового дискурса, новой позиции радикального клуба, когда в человеческое сознание будут вброшены такие проблемы, которые не имели место, не формулировались, не осмыслялись ни на Востоке, ни на Западе в последние 1400 лет. Вообще не осмыслялись. Потому что Ислам, базирующийся на Откровении, несет совершенно новый тип понимания проблематики.

Чтобы не быть голословным, скажу следующее. Все люди, которые нам попадаются по дороге, когда мы идем, смотрим налево, направо, люди идут мимо — все они построены внутри себя, весь их дискурс, вся их мыслительная аппаратура, вся их философия стоит на Платоне. Они, может, не читали его и не слышали, что такое Платон, не читали «Диалогов», не знают о Сократе, но всё, что у них есть, полностью покрывается Платоном и триумфально завершается в Гегеле. Потому что человеческая психология, психология мышления строится на принципе тождества, на вере в тождество — что всё имеет финальную идентичность, когда всё равно всему. Это Абсолют. Всё сходится в Абсолюте и всё является блаженной полнотой, которая есть и бытие, и благо, и сознание одновременно. Но это Платон, это Гегель.

А что такое Ислам? Это прямо противоположная идея — это нетождество, потому что она говорит о том, что Дух нетождественен существу. Есть сущее, всё мыслимое сущее. А есть Дух, который не имеет аналогий. Вообще не имеет аналогий.

Он не просто апофатичен (не то и не это, отказ от определений).

Опять-таки у нас есть определения, а есть отказ от них.

Попробуйте помыслить себе не просто отказ от определений, а отказ от отказа определений. Определения тут у вас никуда не годятся. Потому что природа Духа за пределами отношения к нему. Она вне отношения к нему. И главную роль начинает играть иман, вера.

Вы берете то, что к вам не имеет отношения — поле черной дыры, бездна, которая не квалифицируема. Не апофатически не квалифицируема, а ее нет — то, чего для вас нет. И вы объявляете, что это есть центр вашего существования, это главное в вашей жизни, это единственная подлинная реальность. Это совершенно переворачивает всю эллинскую традицию, всё узкое мышление. Это мы, мусульмане.

99 % мусульман, конечно, так не думают. 99 % мусульман не способны так думать, потому что они просто люди, воспитывались на эллинских книжках или книжках, зараженных эллинизмом. Они под омофором³⁰⁹, если пользоваться этим не мусульманским термином, суфистских орденов, тарикатов, а тарикаты основаны на эллинском тождестве.

Ну какая нам разница, 99 % так думают или не думают, на что они годятся? Самое главное, что Ислам таков и у нас есть хотя бы тысячные доли процента мусульман, которые способны к абсолютно противоположному подходу.

Мы их берем и мы их превращаем в золотую пулю, которая выпущена в адрес судьбы человечества, которая убивает ветхого человека, начинает новую главу мышления во всем.

За 40 лет мы должны выйти на пограничный рубеж нового типа мышления.

А нам говорят — Китай, какая-то Россия, Америка. Да вы что, ребята? Да вы возитесь в детском саду, в песочнице, с какими-то погремушками. Вы даже не можете понять и осознать масштаб проблем, которые стоят перед мусульманами.

³⁰⁹ Омофор — на греческом «носимый на плечах», широкая лента на плечах епископа. В переносном смысле «быть под омофором» означает быть под управлением, под покровительством.

А это означает, что вы безнадежно проиграли мусульманам, безнадежно отстали от них.

Я думаю, мы должны обсудить, как мы видим 2050 год — за 10 лет до конца сорокалетия, которое является для нас учительским блужданием по виртуальной пустыне Моисея, когда мы должны использовать эти сорок лет, чтобы вырастить новую умму.

Какие есть сомнения, какие у нас есть установки и твердые убеждения, как оно должно быть. Встретим острием, штыком или даже, может быть, вилами посыл, озвученный на главном канале, с лоббистской претензией на всю территорию СНГ.

В мажоритарии, причем в мажоритарии первого уровня, снова выдвинется традиционалистский клуб, за которым стоит клерикализм, не поверхностный, а глубокий фундаментальный клерикализм и обслуживающая его старая аристократия, старые дома.

Что станет базой, территорией для штаб-квартиры, которая будет курировать этот клуб? Не Штаты же, конечно. Потому что Штаты в течение более 300 лет были убежищем для либералов, которые в конце концов сожрали свою собственную буржуазию.

Либералы же антибуржуазны. И в Америке до сих пор сохранилась реальная буржуазия, в отличие от Европы. Параллельно там либеральный истеблишмент держит эту буржуазию под контролем.

Взять хотя бы Трампа. Явный симулякр, не буржуа. Это либерал, чандала, имитатор человека, занимающегося бизнесом. По психологии, по психодрайву он отвязный человек богемы. И Хиллари тоже не буржуа, и тоже человек богемы. Такой тип в Америке, наверное, останется. Он имеет социальную базу.

Но Америка перестанет быть ключевым центром. Она перестанет быть одновременно штаб-квартирой мирового либерализма и мирового порядка.

А что же будет штаб-квартирой традиционалистского клуба, который станет штаб-квартирой мирового порядка? Всё-таки Европа.

В 1945 году ей навязали либеральное ярмо, под которым она — побитая дворняжка, но в условиях большой войны, в условиях гражданской войны в Штатах в Европе есть силы, которые поднимут такую волну, что они вернут Европе статус штаба традиционализма.

Россия хочет быть кулаком.

Либо она станет кулаком традиционалистов — кастетом в руках черного интернационала, с ее «Арматами» и «Калибрами». И за ней будут стоять Виндзоры, ватиканы, далай-ламы, гуру, старцы и прочая, и прочая.

Либо это будет наш кулак.

Ведь либерализм у нас организован симулякрами. Основной тип человеческий, основной психологический гештальт либерализма — это актер. Конечно, на первом месте стоят адвокаты, но и адвокат — это актер. У нас на переднем плане актеры. Свободные профессии, богема никуда не исчезнут, по крайней мере, в кратчайший срок.

Но этот симулякр не однороден. Кого симулируем?

Есть кшатрии, воины — и можно симулировать их. Есть брахманы, жрецы — можно симулировать их.

Это разные симулятивные парадигмы.

Например, если ты симулируешь кшатриев, то ты попадаешь к левым либералам и к крайне левым. Оказываешься среди рахметовых и блюмкиных.

Если ты симулируешь жрецов, то ты попадаешь к правым либералам, ты оказываешься фашистом. Бержье и Павел в «Утре магов» писали, что фашизм — это генонизм плюс танковые дивизии. Оказываешься в охапке с традиционализмом, правда, традиционализм отпихнул протянутую лапку из туманности национал-социализма. Побрезговал, потому что не поверил, не захотел с симулякром иметь дело.

Но есть и те, кто симулируют буржуазию, имитаторы вайшьев. Они, несомненно, будут разгромлены и оттеснены. Их завода, запаса свернутой пружины хватило на два-три поколения. Хорошо им было существовать, когда они не были допущены ни к кормушке, ни к рулю.

Они в полный рост действуют в сегодняшней России. Это бюрократия, силовики, бюрократия в погонах, корпоративные прохвосты, наиболее яркие выразители паразитической структуры.

Какова сегодня стратегически главная битва? Можно перейти и к более высокому метафизическому уровню и сказать, что, как всегда, как и тысячу лет назад и три тысячи — основная битва истории есть битва между бытием и сознанием. Но конкретная формулировка противостояния в наши дни — между подлинным и не подлинным.

Есть воля людей к подлинному. Это не значит, что они находятся в подлинном. Это не значит, что они могут достигнуть подлинного, но они хотят подлинного. Это определяет модель их действия, их образ жизни, принятия решений.

И есть люди, которые сознательно удовлетворяются не подлинным, которые кайфуют от симулякра, которые считают, что симулякр — это постоянно обновляющийся источник богатства, то есть позитивного блага. Потому что симулякр — это фонтан изобилия.

У Рара в голове всё смешано. Он берет три национально-имперских образования и пристегивает к нему в виде теневого сопровождения идеологическое четвертое начало. Радикалы — это идеологическое начало, а Китай — не идеологическое.

В России они специально, когда говорят о противостоянии с Западом, говорят о ценностях. Они же не говорят об идеологии, о подлинном и не подлинном. Они говорят о ценностях. Российские ценности от западных ничем не отличаются. Они пытаются зачистить острые элементы исторической правды. Они не хотят смотреть в лицо правде, бросающейся всем в глаза, о Наполеоне Бонапарте, который

протягивал руку Александру Первому, а тот в эту руку плевал. Они не хотят воспринимать правду. Они даже поход 1812 года будут извращать и рассказывать нам истории, что Бонапарт хотел всё объединить под универсальной либеральной эгидой, а Александр Первый был борец с этим.

Европа будет в значительной степени увлечена прибоем радикализма, хотя я по-прежнему настаиваю, что в истеблишментской официозной части она будет штаб-квартирой традиционалистов.

А вот главным вопросом будет вопрос о России, о судьбе этого кастета.

Либо Россия будет кастетом в руках традиционалистов — этот пафос черного интернационала, черного мундира, но с другим контентом, с чужого плеча. Есть же люмпены, которые очень любят надевать на себя эсесовскую форму.

Либо же Россия будет мощной цитаделью радикалов, как это почти получилось в 1920-е годы, только с сильнейшей коррекцией сакрально-идеологического плана. И весь потенциал 1/7 мира будет отдан на то, чтобы быть рекреационным и производительно-научным полем, помогающим радикалам выстоять в колоссальной Всемирной гражданской войне, которая будет идти много поколений, возможно, около десяти.

Я не думаю, что мы выстоим в этой войне без России хотя бы по одной причине. На стороне традиционалистов законы глины, законы субстанции, законы бытия, потому что мы вброшены в темницу бытия. Бытие, Великое существо играет само за себя, а мы-то играем за Дух, который здесь присутствует в ничтожно малой степени. Если у нас нет куска глины, который мы себе вырезали как опорную базу против остальной немеряной глины, то у нас и шансов нет.

Я считаю, что Россия — это та глина, тот плавучий остров посреди болота, без опоры на который мы будем просто задушены в колыбели. Я говорю о территории — 1/7 от Балтики до Сахалина.

*Отношение к советскому. О попутниках.
Ислам и джаммааты. Не играть в чужие игры*

Меня с детства, с двенадцати лет примерно, когда я начал мыслить самостоятельно, преследовала идея зеркальной анфиладности реальности. Что универсум построен по принципу зеркал, в которых отражается, повторяясь, всё целое, что есть во всех зеркалах, и это повторяется и собирается в каждом. Динамически идет рост содержания в каждом из зеркал. А зеркала в плане восприятия безграничны, они резиновые.

И я играл с этой идеей.

Например, что зеркала, находящиеся на разном расстоянии, посылают свой контент друг на друга с разной скоростью. Одно зеркало находится близко и сразу отражается в соседнем, а другое зеркало находится в двух световых годах или в световом месяце, и отражение приходит через месяц. И хотя отражается одно и то же, но за счет задержки создается впечатление, что имеет место какое-то рассогласование, впечатление пестрой толпы. Кто-то завязывает шнурок, а кто-то уже после этого встал, а кто-то и рукой помахал. Это всё этапы одного и того же, но пришедшие с разной скоростью. У меня это было параллельно с условным панлогизмом. Идея зеркальности подтачивала и размывала веру в полную закрытость, в концепцию абсолютной идеи...

Я считал себя гегельянцем. Для меня это означало веру в панлогизм, что всё было отражено в чистом интеллекте. Не было ничего, что не имело бы своего присутствия. Всё было покрыто — никаких закоулков, никаких темных углов, ничего.

При этом 90 % гегелевского контента мне было чуждо. Там же диалектически эта идея проходит через тезис, антитезис и синтез и приходит к конкретному современному человеку.

Тогда это всё мне было неинтересно, потому что мое гегельянство останавливалось на концепции чистой идеи, идеи как синонима Бытия.

Вот чистое и абсолютное Бытие — это и есть Идея.

Есть еще идея Ничто. При этом идея Бытия и идея Ничто абсолютно тождественны друг другу. Бытие и Ничто — две половинки одного глобального гештальта, который и представляет собой абсолютную идею. В своей чистоте они ничем не наполнены, они предшествуют любому наполнению. Чистое Бытие настолько пусто и стерильно, что равно идее Ничто.

Именно это меня интересовало, на этом останавливался. Остальное — выход на гегелевский анализ права, истории — было уже неинтересно.

Идея Бытия как идеи и моя идея зеркальной анфилады жили параллельно.

Потом с Мамлеевым были очень серьезные споры. Каждый раз, когда мы встречались, мы спорили, покрывает ли панлогизм всю реальность или есть «внелогичные» закутки, по поводу которых абсолютной Идее вообще нечего сказать.

Пока я защищал позицию панлогизма, у меня было видение Великого Существа, распятого на бесконечной расходящейся паутине миров. И что где-то между распятым существом и дальней периферией, где всё становится настолько мутным, что не имеет значения, потому что форма исчезает. В середине же форма сохранялась, но при этом Великое Существо было достаточно далеко, что давало шанс на зазор, на свободу, на то, чтобы сорваться с того крючка, на котором распято Великое Существо. Великое Существо — это концентрация абсолютной несвободы.

Оно само по себе абсолютная несвобода и разносит эту несвободу повсюду.

После этого Гегель отпал как сухая корка с болячки. Здесь не было ничего, касающегося абсолютной Идеи, но она перестала быть актуальной. Это был еще предгеноновский период.

Актуальной темой моей биографии, темой моей философии для меня является мое реальное отношение к Советскому Союзу, к советскому феномену.

Советский Союз, советский дух, всё советское было для меня абсолютно неприемлемой реальностью.

Я пришел к ощущению, что я всё это ненавижу, на очень раннем уровне. Это было связано с тем, что я пережил советское как женское.

Хрущевское время, мне девять лет, 1956 год. Вдруг я понял, что именно здесь концентрируется моя ненависть. Для меня, для маленького мальчика, по моему глубочайшему интуитивному выбору, насилие — духовно, а жажда мира — подлая специфика раба.

Рабское состояние эксплицитно отражено в женщине, женщина — враг мужчины. Наиболее проявленное в мужчине состояние женственности — это состояние раба. Мужчина как раб — это мужчина, который повержен, принужден, кастрирован.

Дискурс, который вела советская пропаганда, я воспринимал именно как кастрационный дискурс, женский дискурс. Для меня это сразу четко оформилось.

Я выбрал в качестве своего поводыря Гераклита за то, что он сказал, что вражда — отец вещей. Эта фраза стала моим фундаментальным слоганом, которым я руководствовался. Она привела меня, как неопытного мальчика, к социал-дарвинизму, к поверхностному ницшеанству.

Между девятью и 12 годами я исповедовал культ насилия, жестокости, войны, господства, ненависти к человеческим поискам комфорта и культу безопасности. Все качества, которые

мною философски отторгались, воплотились для меня в феномене советской реальности, реальности рабской, женственной.

Экзистенциально я же понимал дискурс о мирном сосуществовании как аутентичный.

Сегодня принято считать, что это была пропаганда, разводка агрессивной советской империей западного человечества.

В одной Жениной песне есть строчка — «обожал он сражаться за мир».

Я и по сей день полагаю, что мирное существование — реальная подоплека и психологии, и гештальта кремлевских старцев.

Хрущев, Маленков и другие реально были заточены на конвергенцию, мирное существование, на всяческий позитив, на хозяйственность. Стоит вспомнить лысого Никиту Сергеевича в вышиванке с кукурузой в руках, как всё об этом человеке становится понятно.

Больше всего на свете эти люди боялись реальной конфронтации, реального взятия на излом их с их ситуацией, и хотели бы продолжать вот такое свое существование.

Как говорит Гегель, господин и раб отличаются тем, что господин идет навстречу смерти, а раб хочет от нее убежать³¹⁰.

Поэтому Советский Союз страшно не любил тему финала и злился, когда Мао говорил, что ядерная война, ядерная бомба — бумажный тигр, а половина человечества — плата за коммунистическое будущее.

Позднее Никсон или Рейган полагали, что есть вещи поважнее, чем жизнь, и это здесь вызывало истерику.

Советские были рабами и кончили коллапсом, как рабы, вставанием на те колени, с которых они непрерывно до сих пор встают. Скользят и падают на лед, как гуси.

³¹⁰ См. Гегель «Феноменология духа», 1807 год.

Советский Союз был для меня предметом абсолютного отрицания. Но когда он кончился, настал период с 1989 по 1993 год для осмысления и оценки.

Раньше я не хотел разбираться в том, что в Советском Союзе есть какие-то этапы, аспекты, история, подистория. Что есть троцкизм, который ставил перед собой совершенно другие задачи. Что между Хрущевым с кукурузой и пламенным Львом Давыдовичем лежит пропасть.

Я не хотел в это вникать, я это отрицал полностью, хотя я изучал марксизм, марксистскую диалектику с седьмого класса.

Первый том «Капитала» я прочел в 15 лет с карандашом в руках. Не только прочел, но и понял. У меня есть этот вкус, это ощущение.

Когда я его читал, я видел, что этот текст — гениальный, что там колоссальным образом сконцентрирована логика, метод описания действительности, очень качественный и обладающий генеративной способностью. Он порождает политику, политическую реальность. Она, конечно, может быть сниженной, может быть совершенно другой, проэволюционировавшей в иную сторону, но в ядре «Капитала» мысль восхищала своей плодотворной напряженностью и ясностью. «Гегеля» («К критике гегелевской философии права» Маркса) и «Немецкую идеологию» я тоже читал. Некоторые фразы стали моими личными мемами.

«Мы решили предоставить эту рукопись грызущей критике мышей», пишут Маркс и Энгельс по поводу черновика «Немецкой идеологии».

Но это теоретический уровень.

На практическом уровне вокруг меня был совок, и этот совок мной отрицался.

В 1993 году произошел финал — расстрел Белого дома.

И я увидел, что в совке наличествовал диалектический процесс, который и привел к капитуляции, к тому, что я ненавидел, к женской жажде выживания, к женской ненависти

к насилию, женскому неприятию огня, который жжет и разрушает плоть, к женскому бегству от смерти. Это приводит к капитуляции, к рабству, к вставанию на колени, что и закончилось поражением в Холодной войне.

Может быть, мне даже совестно признаться, но мне не понравилось быть гражданином страны, которая является страной третьего сорта.

Ненавидя советскую власть, я тем не менее чувствовал себя нормально, будучи, условно говоря, гражданином сверхдержавы. Ненавидел ее, отрицал ее, я был антицезарист в Римской Империи. Наверное, такое состояние и Владимир Ильич испытывал, потому что по некоторым моментам можно понять, что Ленин болезненно относился к каким-то ущемлениям страны.

Когда оказалось, что Россия стоит на коленях, я стал думать, что за динамика такая, которая от понтов по поводу мировой революции привела к жалкой позе на четвереньках. И я вынужден был углубиться в тему.

Я стал различать ленинизм и сталинизм, я увидел сталинизм, как его описывал Троцкий, — как термидор, как контрреволюцию.

Тут сложный момент, потому что, с одной стороны, я ощущал себя как радикал и революционер, противостоящий status quo, а с другой стороны, внутри Совка, пока он еще не рухнул, я находился на крайне правой позиции. Но крайне правые экстремистские позиции в своем пределе лучше всего выражены Юлиусом Эволой, Геноном, той моделью, которая в конечном этапе является абсолютизацией status quo, абсолютизацией общественной пирамиды, — в основе нее принцип иерархии, принцип господства, но диалектически это связано с тем, что подлежит отрицанию, потому что в нем абсолютно подавлен, заглушен и уничтожен момент трансцендирования.

Традиционалистский идеал — платонический абсолютизм, изощенный сложный пантеизм, абсолютная западная философия тождества.

Пантеизм ведь сложен.

Есть пантеизм Платона, но диалектика природы Энгельса — тоже пантеизм. Самое главное, что пантеизм не предполагает нечто, выходящее за пределы бесконечности, которая дана здесь и теперь. Эту бесконечность можно рассматривать как чисто спиритуальный Абсолют, а можно рассматривать как материю, субстанцию. И там, и там в основе лежит субстанциональность, которая, как море разливанное, нигде и никогда не кончается.

Спиноза был пантеист, но с установкой, что Бог есть природа.

А на другом конце мы находим крайне изощенные разреженные формы. Какая разница? Когда я для себя открыл, что диалектический материализм является скрытой формой мистицизма, многое поменялось в моей оптике.

Генон-то забивал мне башку тем, что мир идет по инволютивному пути, что мир дегенерирует от золотого века к железному, что от великолепной иерархии он движется к власти шудр.

А внимательное изучение, наведение зума показало, что нет, что, хотя какие-то внешние движения идут, но ничего не меняется. Бытие реализует те возможности, которые в нем заложены изначально в его Золотом Полюсе. Именно в Золотом Полюсе есть тот омерзительный негатив, который распускается пышным цветом в его конце.

Советский режим диалектически содержит в себе полюс бунта, отрицания и вопля о неприятии, и это очень глубокая традиция.

Еще на раннем этапе я познакомился с работой Каутского по истории социализма от Платона до анабаптистов и от анабаптистов до наших дней — несколько томов, переведенных на русский язык до революции.

Оказалось, что тема революционного вызова красной нитью проходит через всю историю на серьезном религиозном уровне.

С другой стороны, в совке заложен глубочайший конформизм и воля к тому, чтобы кушать, к тому, чтобы жить, — жить здесь, жить хорошо. И всё это прикрыто диктатурой пролетариата.

Какой уж там пролетариат, какая диктатура.

Я видел из своего окошка во дворе пролетариат. У нас во дворе был гараж, там копошились в комбинезонах работяги, шоферюги, и бабушка запугивала меня, что я буду одним из них, если я не совершу над собой сверхусилия.

Какая там диктатура пролетариата. Где мой дед и где эти шоферюги. Его шофер Пискулин носил к нам ящики с икрой и виноградом. Этого Пискулина я никогда не воспринимал как представителя пролетариата, осуществляющего диктатуру, — даже когда я узнал, что его дети или внуки на кого-то выучились, что кто-то из них, может быть, даже стал дипломатом. Для меня это было неприятным парадоксом, что вот кухаркины дети³¹¹ кем-то стали. Я всё это всерьез не воспринимал.

Я не мог принять вызов в адрес существующего, в адрес Бытия, как связанный с социально левым, как связанный с низами, как связанный с социальной несправедливостью.

Потому что положение несправедливости, положение раба, которого лишают свободы, не дают есть, для меня не было негативным аспектом сущего, серьезным или центральным аспектом сущего.

³¹¹ Циркуляр 1887 года «О сокращении гимназического образования» сократил доступ в гимназии и был прозван «циркуляром о кухаркиных детях». На 17-летнего Ленина это произвело впечатление. В статье «Удержали большевики государственную власть» в октябре 1917 года он написал, что любая кухарка пока не может, но должна научиться управлять государством.

Протест против сущего не связан с тем, что человеческая жизнь плохо устроена, а с чем-то гораздо более глубоким, с фундаментальной болью.

С чем он связан, предстояло еще найти.

Уже в начале 90-х, когда я стал различать два тренда, два потока в советском феномене, я пришел к выводу, что можно рассматривать как попутчиков Савинкова, Каляева, Сазонова, Нечаева, Троцкого, IV интернационал. Они оставили определенное политическое и идеологическое наследство.

Но дальше, когда Россия стала играть с советской темой, отказавшись от советского социального пакта с населением в пользу олигархической шкурности, когда она стала лицемерно муссировать свое советское прошлое до поражения в Холодной войне, пришлось пересмотреть очень много и в этом направлении.

Пришлось пересмотреть что-то и в отношении революционной традиции, в красной нити вызова, которая проходила через древность, Средние века, Возрождение, пришла к Робеспьеру, к якобинцам, потом перешла к Марксу.

В какой мере это вообще не часть игры того Бытия, которое здесь генерирует, образует систему, являющуюся воплощением Бытия на уровне человечества?

Ведь мы же не имеем прямого выхода на Бытие.

У нас нет контакта с Бытием. Вместо прямого Бытия нам предъявлен социум, нечто, выступающее в качестве Рока, но в человеческом облики, — механизмы неизбежности, осуществляемые людским аппаратом.

У социума много измерений — семья, социальное положение, экономика. Всё это в сумме образует ткань неизбежности, ту органику, из которой берется коллективная судьба и индивидуальные судьбы.

Но это не Бытие, это тень Бытия.

Когда человеческий фактор встречается с реальным Бытием, то оно действует крайне деструктивно.

Встреча с Бытием — как встреча бензина с огнем или сухого дерева с огнем.

Бытие действует на свои отражения, на вторичные свои проекции в виде человечества, в виде общества как удар огня.

Поэтому контакт с Бытием сложный и опосредованный — через иерархию, аппарат власти, мистику и поповскую традицию, которая всегда является понтификатом, наведением мостов между отражением и оригиналом.

В конечном счете я понял, что Советский Союз был просто инструментом системы — не самым большим и серьезным, а вторичным. Вся революция в ее пафосе, романтизме, в ее молодой страсти является таким инструментом. Почему? Потому что она завязана на Бытие.

Горизонт любой революции онтологичен, он связан с Бытием, это коррекция Бытия, надежда на Бытие, взывание к Бытию, вера в потенции, которые содержатся в Бытии.

Это вера в то, что Бытие есть Благо, пусть это Благо сейчас скрыто, но это Благо нужно из Бытия как-то вытащить.

Это очень важно. Я на самом раннем этапе пришел к ощущению, которое сформулировал намного позже, а именно что Бытие есть зло, и Бытие есть ложь.

Оно проявляется маской, не самодостаточной, но вторичной маской подлинной правды, которая совершенно негативна.

В основе псевдоутверждения, которое за пределами всякого опыта, лежит дефицитность, привационность, глубокая богооставленность.

Изначально в самом фундаменте сущего есть богооставленность как безусловная данность. Эта богооставленность прикрыта позитивной маской Бытия. Бытие существует исключительно для того, чтобы заменить, компенсировать, скрыть богооставленность как бы богоприсутствием, при этом абсолютно фальсифицируя идею истинного Бога.

Бытие подает себя как бог. Для всех тварей Бытие и есть бог, и тем самым Бытие есть не что иное, как абсолютный враг Бога, Бога, который выступает отсутствующим субъектом в богооставленности.

Мы здесь, в этом мире, как отражения Бытия, находимся в тени, или в проекции, которую отбрасывает лже-Бог.

Мы находимся в тени сатаны.

Вот это ощущение было для меня врожденным, но оно раскрывалось постепенно. Сначала как ненависть к женскому, потом как ненависть к советскому как к воплощению женского. Потом мои горизонты расширились, включая в себя и Запад, и Восток. Потом это уже включало в себя человечество, глобальную систему, потом включало в себя всю историю.

И наконец пришло полное понимание того, что Бытие в целом есть золотая маска на черном тлене, тлене, который описывает подлинное, не могущее состояться в силу того, что оно слишком огромно, слишком ускользающе, чтобы состояться. Оно не может быть предъявлено, вместо него предъявлено его отсутствие, предъявлена оставленность сущего им.

Сущее есть пустой сосуд.

Этот сосуд сделан из золота, он расписан и украшен, может быть даже эта пустота компенсирована тем, что туда налито что-то, что не имеет никакого отношения к тому, что там должно было бы быть.

Поэтому налитое туда — это всё равно, что пустота, более того — это хуже, чем пустота.

Это то, что называется покрывание истины ложью.

И Советский Союз был просто небольшим инструментом в играх системы, которая в свою очередь являлась стратегическим аппаратом сатаны, работающим, в частности, с этим миром как с одним из миров.

Но этот мир очень важен, потому что в этом мире живет человек, а человек — единственное во всех мирах создание,

причастное Святому Духу. Святой Дух — это то, что должно было бы быть в этом сосуде.

В богооставленности есть два полюса: один полюс — тлен, чистая богооставленность, ужас богооставленности. А другой полюс — то, на что богооставленность указывает.

Богооставленность указывает на то, кто оставил, чем это оставлено.

Вот этот сакральный полюс — это Святой Дух, та самая точка смысла, которая является антитезой изначальному фундаментальному злу.

И вот я пришел к выводу, что только метафизическое трансцендентное откровение, которое есть Ислам, есть откровение Святого Духа, есть единственное, к чему можно обратиться и на что можно опереться в отрицании лжи Бытия.

Многие христиане в Серебряном веке были озабочены темой Третьего завета. В последующем такие деятели, как Эшлиман, Якунин тоже об этом говорили. Что, мол, первый завет — это завет иудеев с Богом, второй — завет христиан, а третьего мы ждем.

Мережковский об этом писал, Розанов, да мало ли кто еще.

Какими же они были слепцами, если не видели, что третий завет уже состоялся и состоялся именно в Исламе. Именно это и был завет со Святым Духом, о котором они мечтали. Более того, это прямым текстом сказано в Евангелии, что «я уйду от вас и придет к вам утешитель, который пребудет с вами до конца времен»³¹².

Для меня стало очевидным, что Ислам и есть реальный завет со Святым Духом, который конкретно в истории Ислама выступает в образе Джабраила, принесшего Логос, и в этом Логосе содержится непостижимая точка, превращающая пепел и тлен богооставленности в абсолютное утверждение,

³¹² От Иоанна, глава 14, стих 16–17. Глава 15, стих 26. Глава 16, стих 5–15.

в бальзам и вино трансцендентной правды, ускользающей от опыта, ускользающей от восприятия. Именно это является тем канатом, за который надо держаться.

Мне стало очень многое понятно. И я поставил перед собой вопрос: а можно ли использовать попутчиков? Где стратегия Духа?

Для меня стало ясно, что исторический Ислам — это стратегия Святого Духа. Но стратегия — это же методология борьбы. А какие можно использовать методы, если мы живем в конкретной ситуации?

Мы же брошены в мир.

Например, можно ли бороться, будучи мусульманином, радикалом, выступающим против Бытия, с конкретным проявлением системы в данном месте и в данное время, оставаясь национал-социалистом? Радикалы же представлены очень многообразно. Они были среди красноармейцев, махновцев, национал-социалистов, национал-сепаратистов.

У нас же есть площадка для маневра. Мы же не можем тупо дудеть в одну дуду.

Это останется не понято, приведет к сектантской изоляции.

И тут я понял одну вещь. Именно это очень опасный путь, потому что «кушать», потому что жить, жить хорошо — это же либеральная идея...

Был интересный грек в Ливане. Мы с Орханом его посещали. Он родился в Бейруте — он не «греческий» грек. Его дед приехал в Бейрут. Он говорил по-гречески абсолютно свободно, это родной семейный язык. Говорил по-английски и по-французски. Даже по-русски что-то говорил. В юности вступил к фалангистам³¹³.

Потом от них ушел.

³¹³ Фалангисты в Ливане — католическая маронитская правая партия «Катаиб», активно участвовала в гражданской войне в Ливане, замешана в резне в лагерях Сабра и Шатила 1982 года.

Дома у него вокруг стола собиралось такое jet society. Миллионеры швейцарские, иранские журналистки из Америки, настоящий хороший богемный свет. И там было очень комфортно.

В какой-то момент появляется Тьерри Мейсан³¹⁴ и говорит: «Предал, сволочь! Предал... Был на нашей стороне и вдруг оказалось, что перешел. Ну, слаб человек, а кто его знает. Короче, разоблачили его: с ЦРУ теперь работает...»

Первоначально он был греком, который работал с Насруллой, с которым Тьерри Мейсан тоже имел дело.

А тут проходит несколько месяцев, и Тьерри Мейсан несет его: «Оказался перевертыш, перешел на сторону врага, оказался связан с ЦРУ, предал».

В то время я сам к Тьерри Мейсану хорошо относился.

Но когда дальше наши отношения стали всё больше напрягаться, и когда я уже полностью понял масштаб того, какой Тьерри Мейсан гаденыш многомерный, многопластовый, сложный, стало ясно, что Тьерри Мейсан просто завербован рашкой в самом конкретном смысле, потому что он гонит то, что говорит Russia Today, и даже корректирует Russia Today, дает ей материал, чтобы она просто не наступала на шнурки, поправляет ее. Когда я сопоставил это с оценкой Тьерри Мейсаном того грека, я понял, что грека надо просто обнять.

Ведь какая интересная метаморфоза произошла и с самим Ливаном: нынешний Ливан ничего не имеет общего с тем Ливаном, в котором мы были с Орханом и в котором бывал я. Там всё поменялось, и нам даже туда и ходу особо нет.

Тогдашний Насрулла — это не нынешний Насрулла, это не тогдашняя Хезболла. Прежнего Ливана уже не будет, проехали.

Путин, Россия — всё это не имеет отношения к их метаморфозе. При чем тут Путин? На этого Путина положить с прибором. У них своя agenda, которая формируется не Путиным, она формируется в Тегеране.

³¹⁴ Тьерри Мейсан (род. 1957) — французский журналист, автор книги о том, что 9/11 в Пентагоне произошел взрыв, а не падение самолета. С 2010 — частый гость в СМИ РФ.

Если бы они порвали с Ираном, то другое дело. Но при Насрулле они не порвут. Они продолжают воевать в Сирии.

Как только ты становишься игроком, который соглашается на предложенные игры, как только ты делаешь попутчиками своего проекта национал-социалистов или национал-сепаратистов, левых интернационалистов и прочих, — ведь всё это проекты Бытия, — ты начинаешь союзничать с теми или иными диалектически оппозитивными проявлениями Бытия для борьбы с Бытием.

Но частный случай не может победить целое.

Ты сразу занимаешь площадку, потенциально обреченную на поражение в силу своей частности.

Допустим, чтобы бороться с государством, ты идешь в криминал и становишься бандитом. Это вызов государству. Но есть ли шанс у вора или бандита победить государство? Конечно нет. И в конечном счете мы видим, что преступность сходит с благородного пути «отрицалова», становится организованной преступностью, которая является одним из отделений правоохранительных органов, выполняющим грязные поручения, по закону не подходящие для носителей погон.

Так же дело обстоит и со всем остальным.

Тогда я понял, почему салафиты так негативно относятся к ихванам, почему в Исламе существует такое предубеждение к политическим играм, которые подразумевают адаптации политических методологий Запада — партии, выборы и всё подобное.

За такими инициативами стоит оправдательная риторика самого позитивного свойства: давайте, где есть условия, воспользуемся возможностью и создадим партию, которая включится в политическую борьбу, ведь дальше на этой площадке мы сможем что-то такое исламское развить.

Салафиты совершенно правильно отрицают подобный подход, потому что ты просто идешь к сатане, но вторично-му, мелкому, иллюзорному, идешь к тени тени. Ты начинаешь с ним сотрудничать, приобретать черты этой тени тени,

чтобы бороться с оригиналом, с могущественным сидящем на троне Люцифером. И становишься просто мелким чертенком, который показывает кукиш, причем показывает его тому, чьего когтя он не стоит, шерстинки с хвоста.

Это заведомо проигрышная позиция.

Понятно, что от отчаяния люди второго или третьего сорта, или, к примеру, лишённые статуса белые офицеры могут пойти в жиганы, но их путь — путь в расстрельный ров, путь в никуда.

Если мы думаем о победе, то быть попутчиком Райха, быть попутчиком ичкерийцев, басмачей, суфийского сопротивления, европейского сопротивления, консервативной революции — тупиковые пути.

Что же тогда остается? Здесь существует веер совсем других тактик, которые не переходят на платформу приспособления к чуждым матрицам, чуждым гештальтам, на которых лежит откровенная печать онтологизма, откровенная печать Бытия.

Самым трудным уроком и самым очевидным в педагогическом плане является рассмотрение советского опыта, советской феноменологии в этом контексте: как быть мусульманину, который верит в Аллаха и действительно переживает Ислам в его внутренней правде не как призыв ко всему хорошему против всего плохого, а именно как радикальное неприятие всего?

Что такое отрицание идолократии, идола? Если быть последовательным, то отрицание идола есть отрицание всего. Это отрицание Бытия, потому что Бытие — это Тагут, его последняя метафизическая тайна. Тагут — не каменный идол, который ссылается на олимпийского бога. Тагут — это и есть Бытие, одной из ипостасей которого является совершенно реальный олимпийский бог.

Если ты идешь против Тагута, то можешь ли ты быть попутчиком ну хотя бы Коминтерна? Можешь, к примеру,

поехать в 1936 или 1937 году в Испанию воевать с Франко? Или поддержать национально-освободительное движение? Ведь это же как бы параллельный путь, это облегчает борьбу. Совок же вкладывается, дает деньги и оружие людям, которые противостоят Британской империи.

Если я теоретически понимаю, что это фальшивый путь, и потом навожу зум на фактическую историю, на то, как это было, — я, к примеру, вижу историю партии Туде в Иране. Я вижу, как ту партию, которую создал троцкист Блюмкин, сдали и уничтожили, а потом создали партию Туде, которую тоже сдали и уничтожили.

И я вижу, как всё, что было создано Советским Союзом, создавалось для того, чтобы это сдать и уничтожить.

Я вижу, как закончили ихваны, которые долго-долго играли в партии, но в итоге их сдал и уничтожил сначала Насер, а потом его духовные последователи, включая Сиси.

В Алжире тоже ведь ихваны выиграли выборы в 1991 году.

Они постоянно выигрывают выборы, и их постоянно выводят из классной комнаты и зверски подвергают политическому геноциду.

Хорошее выражение — политический геноцид. Не этно-геноцид, а именно политический — замочить всех ихванов, замочить всех мусульман и других «фашистов».

Любые попытки встать на площадку, используя попутчиков в борьбе с системой, обречены, потому что они метафизически фальшивы.

Всё, что есть в этом мире помимо чистого Ислама, — это проекции Бытия, но частные, и выглядят они как критика частного против целого. А если ты солидаризируешься с частным, то ты заранее обрекаешь себя на потерю своей позиции антитезы и на проигрыш целому.

Это, пожалуй, главное, что я вынес из анализа своего отношения к советскому феномену на протяжении почти 60 лет его изучения. Советского и постсоветского — это единый процесс.

В 1991 году никакой серьезной ломки или превращения одного в другое не произошло. Таков парадокс поражения в холодной войне. Парадокс в том, что когда страна проигрывает в горячей войне, как Германия или Япония, то наступает слом, а когда в холодной, как СССР, то история продолжается, но уже в зеркальной, извращенной форме.

Бороться — необходимо.

Но Ислам должен создать свои специфические политические формы, которые не тождественны ни нацизму, ни коммунизму, ни западной демократии.

Это совершенно специфические формы, в которые пусть приходят и играют другие.

Не мы должны прийти и играть на западных или восточных площадках, а другие должны прийти и играть на нашей площадке.

Моя идея состоит в том, что внутри Уммы власть должны взять новые политические джамааты как ячейки партии, состоящие из пассионариев. Где принцип выдвижения руководства основан на коллективном признании большего уровня пассионарности в тех, кто выдвигается.

Чем больше человек жаждет смерти, тем более он достоин власти, и тем больше на нем должна быть ответственность, чтобы вести джамаат к победе.

Джамааты должны быть сетью, подобно масонским ложам, они должны управлять человеческим морем мусульманской общины.

За пределами мусульманского мира тоже будет формироваться сеть джамаатов — «трансграничный халифат», о котором говорил Сиддики.

И тогда униженные и оскорбленные всего мира придут к джамаатам, придут к мусульманам, потому что за мусульманами будут стоять эти структуры, пассионариев управляющие процессом.

Следующий этап — это диверсификация методов борьбы.

Где-то может быть конфронтация, как в Сирии, где-то прямой нажим на лидеров куфры.

«Избивайте руководителей неверия, ибо может быть те, кто следуют за ними, одумаются и изменят свой путь»³¹⁵.
Хороший тезис.

Не надо играть в чужие игры. Другие пусть приходят, ищут заступничества, ищут союза и принимают те формы, которые мы им предложим.

Это единственный путь.

Амин.

³¹⁵ Сура 9, аят 12.

Как-то Гейдар сказал:

— Дугин считал, что надо ставить камеру и просто записывать все наши разговоры — и это войдет в историю мысли. И вообще войдет в историю.

В разные времена я пыталась включать камеру в домашнем кругу, но на присутствующих нападала скованность, и Гейдар просил камеру выключить.

В 2012 я оказалась с Гейдаром и Дугиным в одной поездке. Вечерами в лобби отеля они сходились и разговаривали друг с другом, два человека, которые политически, идейно разошлись и составляли острую противоположность друг другу.

Вокруг, да, пожалуй, на земле не было никого, кто мог хотя бы примерно понять, о чем они говорят, не то чтобы вклиниться. Было видно, какое наслаждение получает Гейдар, когда его мысль не требует адаптации.

Весной 2015 года Гейдар внезапно сказал:

— Вы должны написать обо мне книгу.

Сказать, что я онемела — ничего не сказать. Предложение ошарашило. И что говорить в ответ? Не могу? Не хочу? Не сумею? Любой рассказчик о Гейдаре упрощает и портит его мысль.

Возможно, кто-то в будущем. У кого будет дистанция. Пока — нет. Пока пишут что-то беспомощное или те, кому Гейдар застит свет. Как браться за книгу о том, с кем 20 лет ежедневно сверяешь всё?

Что-то такое я плела.

Мы жили через улицу, навевывались друг к другу.

Гейдар отдыхал за такими разговорами. Это развлекало его, а в последний год отвлекало от болезни, о которой он не говорил.

К книге Гейдар несколько раз возвращался, но я не видела перспективы у этого задания.

Но была одна тема, которая вывела. Герцен помог.

Много лет я докучала Гейдару цитатами из «Былого и дум». Из какого-нибудь далека могла спросить про Мадзини, Гарибальди или Бенкендорфа. Гейдара Гарибальди раздражал своим масонством, а куда острее его интересовали Бланки и Достоевский, Герцена же он числил пыльным автором третьего плана, устаревшим либералом ушедшей эпохи, не достаточно радикальным, чтобы быть актуальным, карикатурным гражданином кантона Ури, персонажем Достоевского.

И вдруг Гейдар взял с полки томик Герцена, открыл его и пришел в восторг от этого текста. И меня осенило.

— Вы должны надиктовать новые «Былое и думы» для новых людей, которые вот сейчас задыхаются в новом безвоздушном пространстве.

Примерно такое я сказала.

Книжка Герцена вроде бы о частной жизни, о дружбе, о горечи любви и потерях, о детской клятве под виселицей декабристов, о смешной родне, о ярких и обаятельных современниках, которые ушли как тени, о том, как этот человек стал в одиночку против необоримой мощи полного сил, налитого соками левиафана — вроде бы уютная хроника, а поколения вдумчивых детей были вырваны благодаря ей из лап времени.

Что говорить, я любила эту книжку и могла часами о ней заливаться соловьем.

— Со времени тех «Дум» 200 лет прошло. Всё изменилось. Всё изменится еще сильнее. Это и будет та самая книга.

Гейдар согласился. Неожиданно быстро.

Кто знал Гейдара, тот всегда поражался яркости его речи. А когда он диктовал, текст не нуждался в редактуре.

Рассказы Гейдара превращались в представление. Он описывал людей и ситуации так, что всё оживало перед глазами — лица, мимика, жесты, обстановка, дух времени.

Он часто вспоминал те или иные ситуации, людей, Южинский, Таджикистан, но не видел смысла более или менее системно всё это записать. Разве что, когда умирали друзья его юности, кто-то решал собрать книжку, и Гейдар с некоторым внутренним сопротивлением отдавал несколько страниц своих заметок, надиктованных к сборнику.

10 декабря 2015 года мы с Гейдаром и Русланом записали ролик на полчаса, который назвали «В чем проблема уммы». Вот этот ролик и задал тон книге.

Мы набросали план, обсуждали его, переделывали. Я не очень-то представляла, как всё пойдет.

Гейдар сказал:

— Начнем. Я готов. Приходите.

И вот 28 декабря 2015 года я явилась к Гейдару с треногой и камерой.

— А камера зачем? Мы же просто пишем на диктофон.

Как-то я сумела обосновать, зачем писать именно на видео. Во мне крепко сидело, что записывать следует именно так.

Иногда мы записывали по полчаса, иногда по часу или по два, не зная, что и как получится и получится ли. И называли это всё поначалу «наши былое и думы». Гейдар считал, что у Герцена неудачное название книги, которая глубже «дум» и интереснее «былого».

Гейдар был уверен, что работы не так много, уложимся за месяц. Но нам не хватило отпущенных ему последних 11 месяцев. Мне не хватило.

Если бы вернуться в тот декабрь, если бы знать, что это наше последнее время здесь, что это его последний год.

Думаю, он знал.

Гейдар ездил на эфиры, раз в неделю ходил на радио Медиаметрикс, считай, специально для него организованное, где, по сути, он начитал 25 часовых лекций. Уезжал ненадолго проветриться — да, весной 2016 года он еще чувствовал себя достаточно в силах, чтобы поехать к морю, где ему становилось гораздо лучше, чем во всё более чужой Москве...

Ну, и я уезжала, приезжала, Кавказ, Азия.

Если б знать.

Мы продвигались по нашему плану. И казалось, много времени впереди, а эта работа помогает Гейдару отвлечься от боли.

Боль Гейдар продумал и прочитал о ней лекцию — законченный шедевр, по странной прихоти издателя не включенный в книгу «Разговоры с Джемалем».

Всё у Гейдара шло в топку на разогрев его мысли — боль, болезнь, переписка, посиделки, чаепития.

Кто видел, не забудет.

«Каждое засыпание так мучительно, иногда кажется, что сойду с ума. Лучше всего заснуть перед монитором: в постели — это пытка. Благодарю Аллаха (С&Т), что послал мне это испытание», — написал мне Гейдар.

В нем развита была деликатность, не позволявшая ему выражаться прямее. А следовало понимать, как сигнальную ракету.

Многих я просила записывать без меня.

Мой сын подошел к делу со всем тщанием, выставлял студийный свет, вешал хороший микрофон, строго шел по плану и пунктуально заносил номера файлов и их содержание в красивую черную тетрадь.

Да, есть у нас и такие, качественные записи, по-взрослому организованные. Не могу их смотреть до сих пор. От записи к записи Гейдар всё слабее. И надо было это замечать тогда. Надо было, да.

Если что и ценил Гейдар в материальном мире, так это словари и блокноты с шероховатой желтой или серой бумагой, на которой хорошо писать чернилами.

Для записей мы завели самую красивую тетрадь, что у меня нашлась.

Она не заполнилась и на четверть.

Несколько раз на запись приходил Орхан. Разговор уходил далеко от нашего плана — в Китай, поэзию, к Филиппу Македонскому, «к гиксосам» — своего рода мем бесед отца с сыном. Они спорили и рушили всякую последовательность.

Больше ни Гейдар, ни Орхан не разговаривают с нами. Их споры наполнены теперь особым смыслом. Хорошо, что я не нажала «стоп». Теперь ценно всё, включая гиксосов.

Иногда на записи забредали люди из прошлой жизни Гейдара. Это было странной многочасовой иллюстрацией, что Гейдар не из них, не из того и не из этого времени.

Поразительно, но мы успели почти всё. Выполнили почти весь план.

Гейдар всегда знал, что именно он хочет сказать, касалось ли это эфира, интервью или этой книги.

Удивительная способность отливать слова в законченную форму.

Гейдар назвал эту книгу сам. Название появилось к весне 2016. Гейдар позвал меня и сообщил о названии. Мы ничего не снимали и просто разговаривали. И потом Гейдар написал: «Я вспоминаю наш вечер. Мне кажется, хоть он и не проходил на фоне горных пейзажей, в нем было райское качество духовной семьи».

«Вы не возвращаетесь. Мы не делаем нашу книгу. Вы забросили наш проект?» — написал мне Гейдар на Кавказ, куда в общем-то сам меня и заслал. Так я узнала, что он относится к ней серьезно, несмотря на множество препон, которые возникали из-за его занятости, недомогания и прочих сложностей.

В конце августа 2016 я уехала в Дагестан, рассчитывая на осенних каникулах доделать оставшееся. Всё у нас было расписано.

13 октября 2016 года Гейдар написал мне, что улетает в Алматы лечиться на две недели.

Я прочитала эту СМС-ку на высоте 2000 м посреди немыслимой ледяной красоты и, задыхаясь от накрывшей ясности, позвонила ему:

— Мы не увидимся? Мы больше не увидимся?

Эти паузы Гейдара, его ирония.

— Ну почему не увидимся? Говорю же — на две-три недели, максимум месяц. Мы должны закончить нашу книгу.

Я приехала в конце октября в Москву, прошла мимо дома Гейдара — и в моей голове возникло отчетливое и бесполезное знание, что больше не увидимся.

Мы созванивались, подолгу разговаривали и переписывались.

Гейдар шутил. Рассказал, как ободрил Орхана: «Без папки не останешься».

А мне написал: «Скоро некому будет рассказывать про снег в горах».

Орхан тогда сказал:

— Раньше времени не начинай. И вообще, слезы — бесполезная вода.

21 ноября Гейдар написал мне: «Боль и смерть взаимно-исключают друг друга».

1 декабря мы разговаривали в последний раз.

5 декабря 2016 года в 3.45 утра мне позвонил мой сын и сказал, что Гейдар умер в Алматы.

Собираясь с силами, мы несколько раз устраивали мозговой штурм, чтобы понять, что и как нам теперь предстоит делать. Архив, фильм, книги, какие книги...

Орхан сказал:

— Никитой Высоцким я не буду.

И фильм мы из плана вычеркнули. Потому что никто не мог рассказать о Гейдаре, кроме него. А ему это было невыносимо, и боль никуда не девалась.

Я спросила его, что он думает о «Садах и пустошах» и прочитает ли он ее целиком как цензор.

— Если там будет цензура, я читать не буду вообще. Никогда. Следует издать то, что Гейдар считал нужным сказать. Что он сказал. Только так, и никак иначе.

Орхан считал, что эта книга — самая важная, что мы должны издать. Потому что она создает удивительный эффект присутствия Гейдара и станет отмычкой для всего, что он оставил. Особенно для тех, кто не был знаком с Гейдаром лично. И что эта книга — совсем не *belle lettre* и не *memoire*.

Полгода я не могла приступить к ней, не могла заставить себя и не могла никому доверить расшифровку десятков часов видео.

Многие предлагали помощь. Но всё было не то, пока не написал Иван Никитин, и почему-то этому человеку я поверила, да и вообще поверила, что всё получится.

На расшифровку ушел год.

30 июля 2018 года в Африке был убит Орхан.

Эту книгу он прочитать не успел.

Что сказать? У меня этих слов нет.

Джемали покинули нас. Две невосполнимые потери для гигантского числа людей.

Две благородные фигуры, две необычайные личности. Без которых очень трудно тем, кто сверял с ними часы ежедневно.

Однажды Гейдар написал мне:

«Мы свое возьмем! Союз — Вы даже не подозреваете, какой вокруг меня союз!

Есть парадокс: мой дискурс крайне сложен и не линеен. Почему-то, однако, он нужен “людям” как пресловутая соломинка. За него хватаются, потому что он превращает... Причастность к этому дискурсу превращает бомжа в героя и господина, в участника мистерии.

Я сам не до конца понимаю масштаб.

И то, что я открыл новую главу в истории Духа — это точно.

Поэтому у нас с Вами — праздник. Римский триумф! А удушены будут пленные вожди покоренных болотных племен. Всё прекрасно... Просто жаль нашего с Вами драгоценного общего времени».

Я повторяю эти слова разным людям. И себе я их повторяю тоже.

В книге много о друзьях и врагах, о пустых и дорогих людях, о насыщенном времени и времени потерь. В ней много о чисто философских решениях, о преодолении философии, детском неприятии советского, о противостоянии системе и Бытию. Всё, что Гейдар счел нужным сказать.

Мысль Гейдара тотально сносит шаблон.

Когда Гейдар придумал название, я не поняла, почему оно именно такое.

Теперь мне ясно.

Сады и пустоши этой жизни здесь, на бумаге. Вам, кому больно, и вам, кто переплавил свою боль в металл.